

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №3 (24)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №3 (24)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

The journal was prepared with the support of the RSF grant on “Religion and power: the historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Савельева Т. В., Камалдинов И.</i> Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII–XIV вв.	7
<i>Васютин С. А.</i> Проблемы преемственности сложных социально-политических форм в кочевых империях Внутренней Азии конца I тыс. до н.э. — начала II тыс. н. э.	35
<i>Серегин Н. Н., Васютин С. А.</i> Тюркские оградки урочища Нижняя Соору: неопубликованная часть комплекса (по материалам раскопок А. С. Васютина)	52
<i>Табалдиев К. Ш., Херманн Л., Тишин В. В., Железняков Б. А.</i> Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины)	65

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Обряд испрашивания дождя у туркмен.....	83
<i>Kotova D. V., Matytsin K. S.</i> The Altai old believers — “poles” in ethnographic works of the imperial period	98

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Артемьева Н. Г., Макиевский С. В.</i> Буддийская кумирня возле с. Киевка (Приморский край).....	108
<i>Марсадолов Л. С.</i> Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае	127
<i>Должиков В. А., Ильин В. Н.</i> Старообрядчество Алтая в контексте дискриминационной конфессиональной политики российской имперской власти XVIII в.....	151
<i>Рыбаков Н. И.</i> Назорейский обряд на Енисее. Часть I	167

ДЛЯ АВТОРОВ	199
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Baipakov K. M.</i> , <i>Savelyeva T. V.</i> , <i>Kamaldinov I.</i> Medieval towns of Ili valley (North-eastern Zhetysu-Semirechye) on the Great Silk Road in the XIII–XIV centuries.....	7
<i>Vasyutin S. A.</i> Succession issues of complicated social and political formations IN Inner Asia nomadic empires of late 1ST millenary B. C. — early IIND millenary A. D.	35
<i>Seregin N. N.</i> , <i>Vasyutin S. A.</i> Turkic enclosures in the nizhnyaya sooru natural boundary: unpublished part of the complex (based on excavations by A. S. Vasyutin)	52
<i>Tabaldiyev K. Sh.</i> , <i>Hermann L.</i> , <i>Tishin V. V.</i> , <i>Zheleznyakov B. A.</i> New runic inscriptions in Kenkol (upper Talas valley).....	65

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Atdaev S. J.</i> Rite of asking for rain from turkmens	83
<i>Komova D. V.</i> , <i>Matytsin K. S.</i> The Altai old believers — “poles” in ethnographic works of the imperial period.....	98

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Artemieva N. G.</i> , <i>Makievskij C. V.</i> Buddhist idol near s. Kiev (Primorsky krai).....	108
<i>Marsadolov L. S.</i> New semantics of zoomorphic images on the sarcophagus from barrow Bashadar-2 in Altai.....	127
<i>Dolzhikov V. A.</i> , <i>Ilyin V. N.</i> The old believers of Altai in the context of discriminatory confessional policies of the Russian imperial power of the XVIII century	151
<i>Rybakov N. I.</i> The nazarene rite on the Yenisei. Part I	167

FOR AUTHORS	199
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-01

К. М. Байпаков

*Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы
(Казахстан)*

Т. В. Савельева

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

И. Камалдинов

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ИЛИЙСКОЙ ДОЛИНЫ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ЖЕТЫСУ-СЕМИРЕЧЬЕ) НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ В VIII–XIV ВВ.*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с одним из коридоров Великого Шелкового пути, проходившим через Северо-Восточное Жетысу (Семиречье), и его направлениями, выходящими в Южный Казахстан. Первостепенное значение имеет локализация городов этого коридора и отождествление их с конкретными городищами X–XIV вв. Это эпоха Караханидов, Великой Монгольской империи и государства Чагатаидов.

Практически все города Илийской долины локализованы и отождествлены с конкретными городищами. Так, Урунг-Ардж — с городищем Кастек, Алматы — с городищем Алматы 2, Тальхир (Тальхиза) — с городищем Талгар, развалины замка — с горо-

* Статья выполнена по теме проекта № AP05135143 «Палеоэкономика средневековых городов Илийской долины VIII–XIV вв. (по археологическим источникам)».

дищем Чингильды, город Ики-Огуз с городищем Дунгене, город Каялык (Койлак) — с городищем Антоновское, несторианское селение с городищем Лепсы, столица области — с городищем Коктума, город Иланбалык (Или-бали) — с городищем Учарал.

Анализ арабских, персидских, китайских и европейских источников, а также материалов археологических исследований впервые позволил определить местоположение всех городов Жетысу этого периода и отождествить их с археологическими памятниками. В результате стало возможным определить направления и маршруты Великого Шелкового пути и его ответвлений.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, маршруты, Северо-Восточное Жетысу, Караханиды, Чагатаиды, археологические исследования, городища, города, локализация.

K. Baipakov

Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Almaty (Kazakhstan)

T. Savelyeva

A. Kh. Margulan Institute of archaeology, Almaty (Kazakhstan)

I. Kamaldinov

A. Kh. Margulan Institute of archaeology, Almaty (Kazakhstan)

MEDIEVAL TOWNS OF ILI VALLEY (NORTH-EASTERN ZHETYSU-SEMIRECHYE) ON THE GREAT SILK ROAD IN THE XIII–XIV CENTURIES

This article considers the problems of tracing one of the corridors along the Great Silk Route that passed through Northeast Zhetysu (Semirechie) and South Kazakhstan. The localization of these historic towns along this corridor and their identification with the actual archaeological remains of these towns of the X–XIV cc. are of great importance. Almost all the cities of the Ili Valley are localized and identified with ancient settlements. So, Urung-Arge — with the settlement Kastek, Almaty — with the settlement of Almaty 2, Talhir (Talhiza) — with the settlement of Talgar, the ruins of the castle with the settlement of Chingilda, the city of Iki-Oguz with the settlement of Dungenе, the city of Kayalyk (Koylak) with the settlement of Antonovskoye, Nestorian a village with the Lepsy settlement, the capital of the region — with the Koktum settlement, the city of Ilanbalyk (or Bali) with the Ucharal settlement. This corridor existed during the epoch of Karakhanidians, the Great Mongol Empire and the Chagataid State. Analysis of Arabic, Persian, Chinese and European textual sources along with archaeological researches allows us for the first time to define the location of all Zhetysu towns during this period and to identify them with archaeological monuments. The results of this research have delineated the possible directions and routes of the Great Silk Road and its branches.

Key words: Great Silk Road, routes, North-East Zhetysu, Karakhanidians, Chagataides, archaeological, researches, sites, towns, localization.

К. М. Байпаков, академик, профессор, директор, Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: kbaipakov@mail.ru

Т. В. Савельева, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: tsavelieva@mail.ru

И. Камалдинов, старший магистр, научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: kamaldinov-ilyar@mail.ru

К. Ваираков, Academician, Professor, Director, International Center for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Almaty (Kazakhstan). Contact address: kbaipakov@mail.ru

T. Savelyeva, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, A. Kh. Margulan Institute of Archeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan). Contact address: tsavelieva@mail.ru

I. Kamaldinov, Senior Researcher, Master, A. Kh. Margulan Institute of Archeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan). Contact address: kamaldinov-ilyar@mail.ru

В XIII в. сформировалась евразийская Монгольская империя. Исключительно сложная историческая обстановка, создававшаяся в XIII–XIV вв., способствовала укреплению весьма странных на первый взгляд связей, осуществлявшихся по Великому Шелковому пути. Партнерами и союзниками оказались папская курия, русские князья, ильханы монгольского Ирана, короли Франции и генуэзские купцы, монахи францисканского и доминиканского орденов, властители Киликийской Армении и царедворцы великого монгольского каана.

Прямые связи Запада и Востока прервались в 40–60-х гг. XIV в., когда Монгольская империя, сложившаяся в Азии в ходе завоеваний Чингисхана и его ближайших преемников, окончательно развалилась.

А в XIII–XIV вв. путешественники один за другим ехали в великоханскую орду в Монголию. Причины тому были разные: одни искали там союзников против своих врагов, другие устраивали торговые дела под покровительством новых завоевателей, третьи просили за своих подданных, стремясь оградить их от лихоимства монгольских наместников, четвертые были просто авантюристами и шпионами.

Древние землепроходцы оставили дневники или продиктовали свои впечатления историкам, о странствиях некоторых путешественников дошли лишь воспоминания современников. Записи разные по своему значению, что объясняется и целями и личными качествами путешественников.

Среди великих путешественников этого времени — знаменитый венецианец Марко Поло, послы папы Иннокентия IV, монах-францисканец Плато Карпини, француз Андре де Лонжюмо, итальянец Асцелин, посол французского короля Людовика IX — монах Гильом де Рубрук, царь Малой Армении Гетум I, великий арабский путешественник Ибн-Баттута.

Исследования. Среди первых западных дипломатов-миссионеров, оставивших свои впечатления о городах и их местонахождении на территории Казахстана, был Плато Карпини. Он выехал из Лиона, переправился через реки Днепр, Дон, Яик (Урал), Амударью и Сырдарью, видел и назвал приаральские города Янгикент, Барчкент, Асанас. Затем Карпини пересек земли Южного Казахстана, добрался до Жетысу, где жили каракитаи, и прибыл в Каракорум (рис. 1). Он упоминает на этом пути лишь город Омыл-Эмиль: «Император построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить, и тот, кто был там со стороны императора, заставил плясать перед нами старейшин города, а также двух своих сыновей» [Путешествия, 1993: 64]. В своих записках Карпини пишет об озере, на котором есть гора, а в ней отверстие, отсюда зимой дует сильный ветер, а летом ветер ослабевал. Бесспорно, это озеро Алаколь [Путешествия, 1993: 63–64]. Спустя 600 лет об этом же алакольском ветре писал известный российский географ А. Д. Голубев: «Ветер, выходящий из пещеры, раздувал преграды и вырывался с новой силой, которую несколько раз пытались засыпать камнями» [Голубев, 1867: 359].

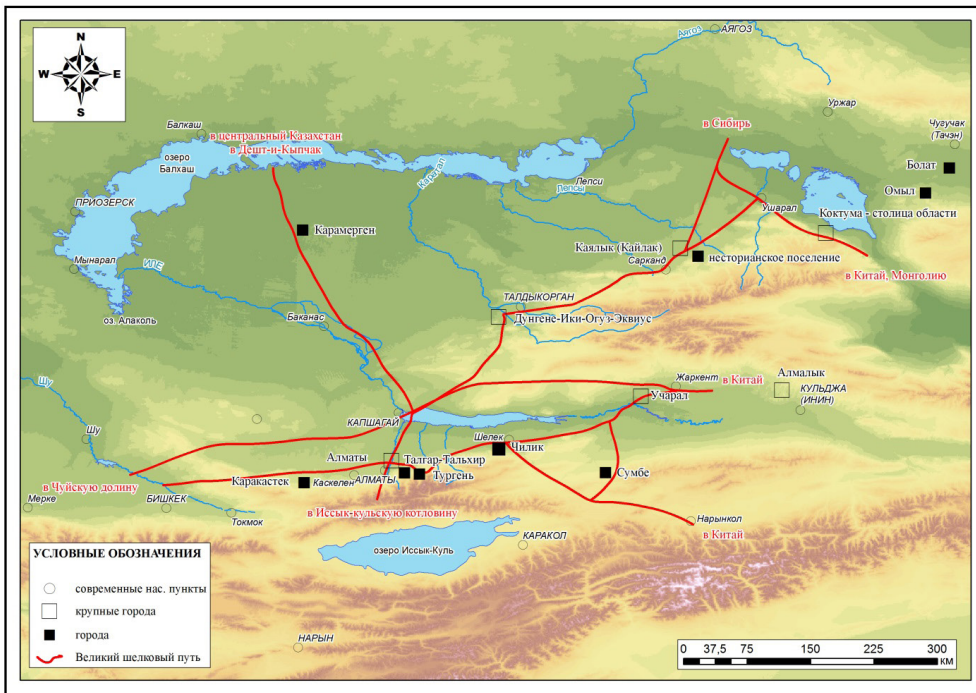

Рис. 1. Карта Северо-Восточного Жетысу. XIII–XIV вв.

Город Омыл-Эмиль находится на реке Эмиль (территория нынешней Китайской Народной Республики). Известны монеты, отчеканенные в этом городе, они находились в составе серебряного клада вещей и монет, найденных в Отраре. Датируются монеты 1271–1272 гг.

Состав монетной части клада уникален. В нем представлены новые, малоизвестные монетные дворы городов Эмиля и Дженда, а также продукция известных городов, но других типов и чеканки. Это Алмалык, Пулад, Крым, Орду ал-Азам. Монеты неустановленного происхождения без дат и мест чеканки не были известны по публикациям. Сложение клада определяется по позднейшей датированной монете (Алмалык, 662 г. х. (хиджры)/январь 1264 г.). Учитывая абсолютное преобладание в кладах дирхемов предыдущего 661/1262–1263 гг. выпуска, датирование может быть близко к реальной дате его сокрытия.

Однако отсутствие в комплексе пореформенных монет, чеканка которых как в Алмалыке, так и в самом Отраре началась уже в 670/1271–1272 гг., указывает на позднюю границу его датировки. Таким образом, сложение клада относится ко второй половине 60-х гг. XIII в., что соответствует концу второго этапа денежного обращения в Средней Азии при монголах [Байпаков, Настич, 1981: 20–62].

Гильом де Рубрук был послан в Монголию французским королем Людовиком IX [Путешествия, 1993: 63–64], который задумал привлечь монголов на свою сторону в борьбе с сарацинами (мусульманами) после поражения от них в битве при Мансуре во время неудачного шестого крестового похода [Путешествия, 1993: 110].

В 1254 г. Рубрук возвратился в Европу. Через год после возвращения в Акру он закончил описание своего путешествия.

Гильом де Рубрук отправился в долгую поездку морем из Анконы через Константинополь в Крым, затем он проехал южнорусские степи, оттуда прибыл в лагерь хана Сартака, прошел до Волги в ставку хана Бату, а уже оттуда отправился в Каракорум к каану Мунке.

Переправившись через Волгу и Яик-Жайык, Гильом де Рубрук прошел через Хорезм, Кзыл-Кумы и попал в низовья Сырдарьи, затем, следуя на север, добрался до районов Центрального Казахстана, оттуда двигался по р. Сарысу, попал в низовья р. Чу, где нашел город Кинчат, затем достиг р. Или и переправился через нее. В Илийской долине де Рубрук прошел через разрушенный замок и достиг города Эквиуса: «Через несколько дней после этого мы въехали в горы, на которых обычно живут каракитаи, и нашли там большую реку, через которую нам надлежало переправиться на судне. Переправившись, мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город по имени Эквиус, в котором жили сарадины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии» [Путешествия, 1993: 110].

В свое время В. В. Бартольд, совершивший в 1893–1894 гг. научную поездку по маршруту Ташкент — Чимкент — Пишпек — Кегень — Джаркент — Верный, отождествил ряд средневековых городов Илийской долины с конкретными археологическими памятниками. Ученый полагал, что Эквиус соответствует Ики-огузу, известному по сообщению Махмуда Кашгарского (XII в.) и Эквиусу Гильома де Рубрука (XIII в.). Он пред-

ложил отождествить его с городищем Чингельды, которое находилось в 35 км восточнее переправы через р. Или [Бартольд, 1966: 85].

Городище Чингельды первым описал Ч. Ч. Валиханов в связи с находками там водопроводных труб [Валиханов, 1958: 281].

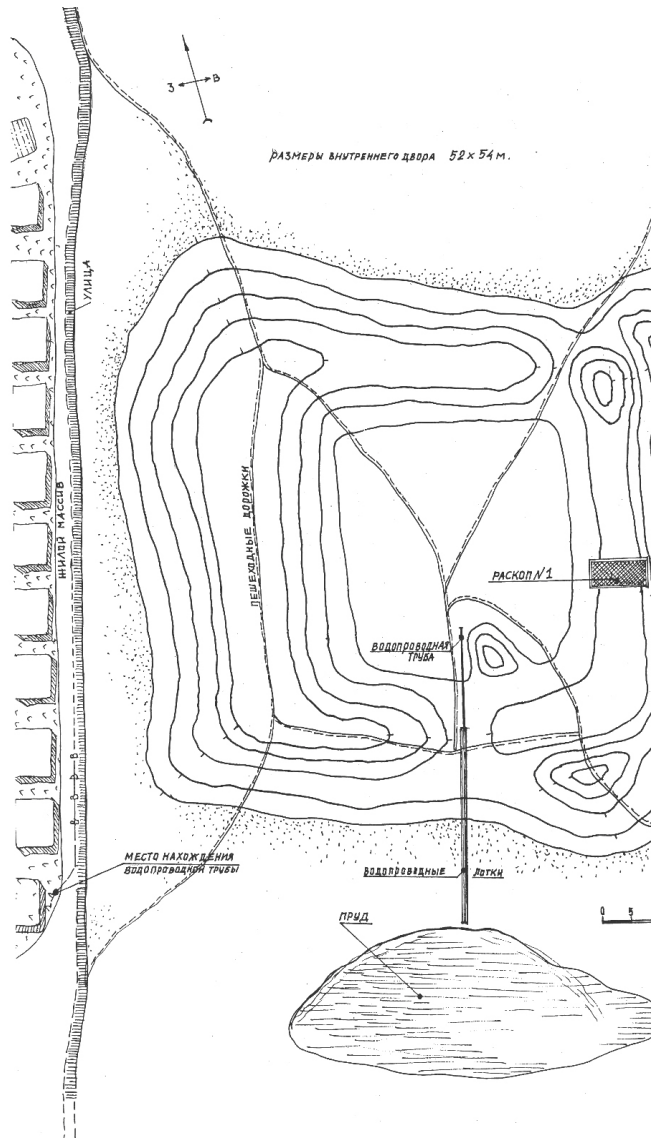

Рис. 2. Караван-сарай Чингельды (топоплан архитектора Т. Доцановой)

Археолог А. Н. Бернштам предложил считать одновременно тождество Ики-огуз — Эквиус и городом Иланбалыком и поместил его также на месте городища Чингельды [Бернштам, 1948: 79–91].

А. Х. Маргулан возражал против отождествления Иланбалыка и Эквиуса и был склонен помещать Иланбалык в урочище Капчагай на правом берегу Или [Маргулан, 1950: 59].

К. М. Байпаков поставил под сомнение тождество Эквиуса и городища Чингельды, поскольку последнее является остатками небольшого городища, скорее всего, караван-сарая (рис. 2), кроме того, там не было обнаружено материалов XIII–XIV вв. [Байпаков, 1986: 36].

Археологические исследования, проведенные на территории Илийской долины в конце XX — начале XXI в., позволили открыть здесь несколько десятков новых городищ и убедительно доказать, что город Ики-огуз Махмуда Кашгарского и Эквиус Гильома де Рубрука следует отождествить с городищем Дунгене, расположенным в 20 км западнее Талдыкоргана на территории городища Дунгене, в селе Балпык би (бывшее Кировское).

Наиболее ранние сведения об Ики-огузе — Эквиусе, относящиеся ко второй половине VII в. и позже, содержат китайские источники. Город Ики-огуз в китайских текстах называется Шуанхэ — это калька тюркского слова «Двуречь»: шуан — два, хэ — река.

Шуанхэ — Ики-огуз, по мнению Н. Кенжеахметулы, отождествляется с городищем Дунгене [Кенжеахметулы, 2008: 164].

После посещения Эквиуса, как отмечает Гильом де Рубрук: «на следующий день переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней в окружности... На вышеописанной равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища. Мы нашли там большой город по имени Кайлак, в котором был базар, и который посещали многие купцы. В нем мы отдохали 12 дней, ожидая одного секретаря Бату, который был товарищем нашего проводника при дворе Мангу. Земля эта раньше называлась Органум, и жители ее имели собственный язык и собственные письма. Но теперь она занята туркменами. Этими письменами и на этом языке несториане из трех стран прежде даже справляли службу и писали книги... Там впервые я видел идолопоклонников, имеющие многочисленные секты на Востоке».

Далее Гильом де Рубрук пишет о смешении в городе несториан и сарацинов, идолопоклонников: «Прежде всего, я назову югуров, земля которых соприкасается с вышеупомянутой страной Органом, именно между названных гор в восточном направлении, во всех городах их перемешаны несториане и сарацины, и отдельные лица из них живут в городах сарацинов в направлении к Персии. В вышеупомянутом городе Кайлаке они имели три кумирни, в две из них я заходил...»

Вот как Гильом де Рубрук описывает их посещение: «В первой я увидел некоего человека, имевшего на руке крестик из чернил, отсюда я поверил, что он — христианин. Поэтому я спросил у него: “Почему Вы не имеете здесь крестов и изображения Иисуса Христа?” Он ответил: “У нас это не в обычае”. Отсюда я поверил, что они христиане, но пренебрегают этим из-за недостатка образования. Видел я там сундук, служащий им вместо алтаря, на который они ставят светильник и жертвы, какое-то изображение,

имевшее крылья как у святого Михаила, и другие изображения вроде епископов, державших пальцы как бы для благословения» [Путешествия, 1993: 111].

На следующий день Гильом де Рубрук поменял жилье и поселился рядом с другой кумирней, которую описал с детальной точностью: «Войдя тогда в упомянутую кумирню, я нашел там жрецов идольских. Именно первого числа они отворяют свои храмы, и жрецы облачаются, возносят фимиам, поднимают светильники и возносят жертвы народа, состоящие из хлеба и плодов. Итак, прежде всего я опишу все обряды всех идолопоклонников, а после тех югуров, которые являются как бы сектой, отделенной от других. Все они молятся на север, хлопая в ладоши и простираясь на землю на согнутых коленях, причем телом они упираются на руки. Отсюда несториане в этих странах, они не соединяют рук для молитвы, а молятся, протянув руки перед грудью. ... Идолопоклонники ставят свои храмы в направлении с востока на запад и в северной стороне устраивают комнату, выступающую наподобие клироса (*cozum*), а иногда, если дом четырехугольный, эта комната бывает в середине дома. С северного бока они делают углубление на месте клироса. Там они помещают сундук, длинный и широкий как стол. И за этим сундуком к югу ставят они главный идол, который я видел в Каракоруме, такой же величины, как рисуют блаженного Христофора. Один из несторианских священников, прибывший из Катай, говорил мне, что в этой земле есть идол, такой большой, что возможно его видеть издали за два дня пути. Кругом они ставят другие идолы, все они очень красиво позолочены, на этом сундуке, который напоминает стол, они ставят светильники и жертвы. Все двери храмов отворяются на юг, противоположно обычаю сарацинов. То, что также у идолопоклонников и у нас — есть большие колокола...»

Далее Гильом де Рубрук описывает обычаи и одежды идолопоклонников: «Точно также все жрецы их бреют целиком голову и бороду, одеяния их желтого цвета, с тех пор как они обреют голову, они хранят целомудрие и должны жить по сто или по две сти зараз в одной общине. ... В те дни, когда они входят в храм, они ставят две скамьи и сидят в направлении клироса, напротив него на земле, держа в руках книги, куда бы они ни шли, они имеют постоянно какую-то веревочку со ста или двумястами ядрышками, как мы носим четки, и повторяют постоянно следующие слова: “*onmanibassam*”. ... Около своего храма они устраивают красивый притвор, который замыкают крепкой стеной, и к югу устраивают большие ворота. Над этими воротами они воздвигают длинный шест, чтобы он возвышался над всем городом...» [Путешествия, 1993: 110–114].

Следует привести еще один пассаж из книги Гильома де Рубрука, также связанный с Кайлаком и религиозными верованиями населения. Он пишет: «Итак, мы вышеупомянутого города (Койлака) в праздник святого Андрея и там поблизости в трех лье увидели поселение совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли: “Радуйся Царица!”, так как уже давно не видали церкви» [Путешествия, 1993: 117].

Удивительно точные и вместе с тем яркие наблюдения Гильома де Рубрука позволяют сделать вывод о многоконфессиональности и полиэтничности населения города. Об этом же свидетельствуют и археологические исследования, которые позволили отождествить Кайлак с городищем Антоновка — крупнейшим в Илийской долине [Байпаков, 1986: 36].

Рис. 3. Городище Антоновка. Буддийский храм. Общий вид после раскопок. XIII в.

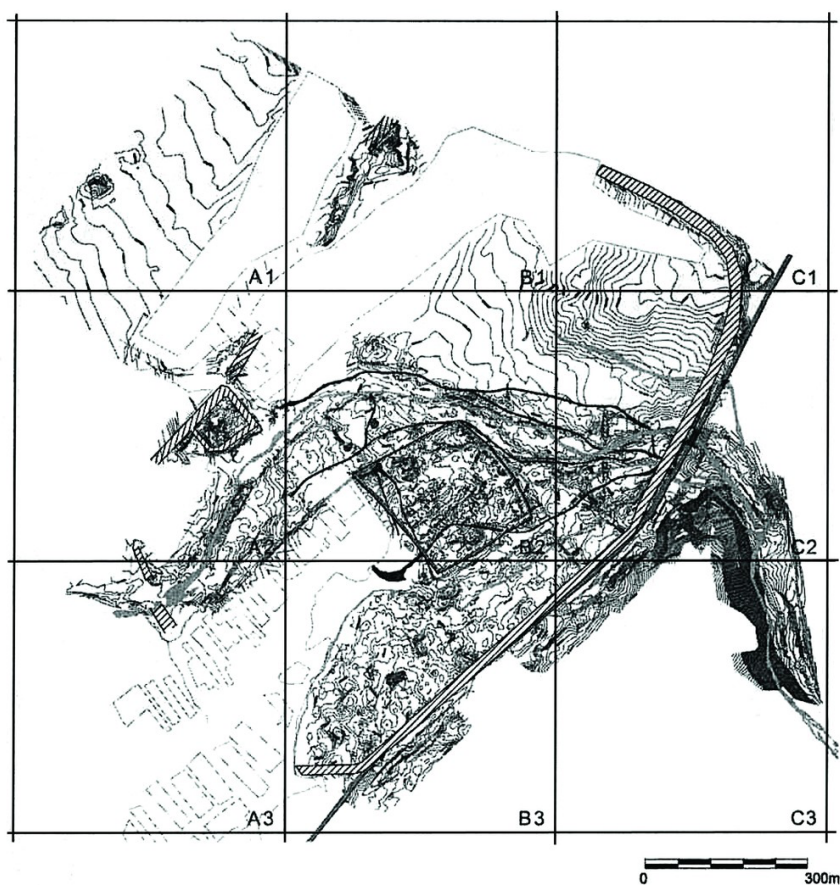

Рис. 4. Городище Антоновка. Топографический план

Важным аргументом послужило большое число монет, отчеканенных в Кайлаке, найденных на территории городища, а также раскопки здесь буддийского храма XIII в., именно того, о котором сообщает Гильом де Рубрук (см. рис. 3) [Байпаков, Воякин, 2007: 64–70].

Кроме буддийского храма, на городище обнаружены и изучены мечеть и мавзолей, принадлежавшие сарацинам-мусульманам [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005: 39–55], видимо, манихейский храм [Байпаков, 2016].

Найдено и несторианское селение — это городище Лепсы в 6 км восточнее городища Антоновки.

Раскопки также позволили изучить топографию и фортификацию городища, получить представление о городских жилищах, принадлежавших богатому и рядовому населению, выявить виды городского благоустройства (водопровод, баню), изучить торговлю, в том числе и международную, в этом крупнейшем городе Илийской долины, стоявшем на трассе Великого Шелкового пути.

Характеризуя Кайлак, Гильом де Рубрук отмечает, что в XII — начале XIII в. он был известен как столица государства карлукских джабгу — независимого владения в империи Караханидов [Бартольд, 1969: 51]. При каракитаях Арслан — карлукский хан — передал власть своему сыну, который стал править совместно с представителем Гурхана каракитаев.

В 1211 г. сын Арслан-хана по повелению монголов убил караханидского наместника и признал себя вассалом Чингисхана [Бартольд, 1969: 54]. Впоследствии Семиречье вошло в состав владений Чагатаидов, а затем подпало под власть каана Мунке вплоть до его смерти в 1259 г. Затем регион был вновь подчинен чагатаидам [Бартольд, 1969: 64–74].

Каялык как один из крупных политических центров выпускал монету. История открытия продукции этого двора началась еще в 1930 г. Тогда «Общество по изучению Семиречья» передало в дар Государственному Эрмитажу клад серебряных монет с запиской следующего содержания: «Кокандские серебряные монеты найдены вблизи с. Н. Антониевского, Лепсинского уезда в 1912 г. при проведении оросительного канала» [Байпаков, Воякин, 2007: 3–955].

Спустя почти сто лет (в 2004 г.) этот клад осмотрел нумизмат П. Н. Петров. По его мнению, тезаврация клада из села Н. Антониевского произошла в первой половине XIII в. — в период существования Монгольской империи. Известно, что первые серебряные монеты в империи начали чеканить в правление каана Угедея в городе Алмалыке с 628 г. х. (хиджры) [Петров, 2007: 88–90]. Основная масса дирхемов имеет хорошую сохранность, но присутствуют монеты со следами незначительного износа поверхности в результате обращения (см. рис. 5).

Хронологические рамки, определенные ранее как 630–660-е гг. х., предположительно, могут быть сужены до 630–640-х гг. х. В пользу этого свидетельствует еще один косвенный факт. С приходом к власти каана Мунке в 640-х гг. х. на серебряных монетах ряда дворов Алмалыка, Эмиля, Пулада, Каракорума, Булгара ставилась его тамга. На этих экземплярах тамги нет, поэтому вероятность их чеканки именно до начала царствования Мунке возрастает. Эти монеты не прекратили хождения и после реформы Масуд-

бека. Таким образом, практически все известные находки серебряных дирхемов такого типа локализуются в районе городища села Антоновское.

КЛАДЫ И ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ МОНЕТ

Находки на городище Кайалык

Рис. 5. Городище Антоновка – город Каялык. Монеты. XIII в.

Гильом де Рубрук пробыл в Кайлаке — Каялыке 12 дней, после чего пишет: «Мы выехали из вышеупомянутого города [Кайлака] в праздник святого Андрея, и там поблизости в трех лье нашли поселение совершенно несторианское. Отправившись отсюда, через три дня мы добрались до столицы этой области. Среди больших гор в юго-восточном направлении тянулась долина, а затем между горами было еще какое-то большое море, и через эту долину от первого моря до второго протекала река. В этой долине почти беспрестанно дует столь сильный ветер, что люди проезжают с великим опасением, как бы ветер не унес их в море» [Путешествия, 1993: 117]. Здесь повторяется легенда о ветре, приведенная Плано Карпини.

Несторианское селение удалось установить, оно соответствует городищу Лепсы, а столица области — городищу Коктуме [Байпаков, 1986: 36].

А теперь обратимся к поездке царя Малой Армении Гетума I, который в 1254 г. прибыл в столицу монгольской империи Каракорум и был принят Менгу-кааном. Он получил из его рук «Указ с печатью, дабы никто не смел, притеснять его и страну его; он пожаловал также грамоту, освобождавшую повсеместно церкви [от податей]».

Рис. 6. Городище Учарал — город Иланбалык (аэрофото)

Первого ноября 1254 г. Гетум I отправился в обратный путь: «Он прибыл в Гумсгур, [оттуда] он поехал в Пералех, [затем] в Пешпалек... Оттуда они поехали через Арлек, Куллуку, Енках, Тчанпалех, Хутапа и Анкипалех. Затем вступили в Туркестан: от-

туда в Екопрук, Динкапелех и Пулат, пройдя через Сут-Гол и Молочное море, прибыли в Алаулех (Алмалык) и Иланбалех (Иланбалык), затем, переправившись через реку, называемую Илансу, перевалив через отроги Таврских гор, прибыл в Далас (Тараз) ...» [Гандзакеци, 1976: 222–224]. В этом списке есть города, местоположение которых точно определено, — это Алмалык и Тараз. Благодаря этому можно определить и местоположение города Иланбалеха — Или-бали в китайских источниках и Иланбалыка в мусульманских. Однако городище, которые можно было бы уверенно отождествить с этим городом, археологи долго не могли найти. История поиска его затянулась, но различные предложения о локализации этого города высказывались.

Сейчас появились новые материалы, и можно утверждать, что это городище Учарал неподалеку от города Джаркента. Во-первых, на этом городище была собрана богатая коллекция монет, что уже само по себе свидетельствует о значимости населенного пункта, находившегося на этом месте. Удалось зафиксировать три монетных клада и 123 единичные монетные находки. Все три клада состоят в основном из дирхемов периода монгольского владычества и относятся к XIII–XIV вв.

К монетам первой группы относятся дирхемы Караханидов XI–XII вв. в количестве 7 экз. Старшей монетой является дирхем Богра-карахакана, изготовленный в Тункете в 444/1052–1053 гг. Было зафиксировано две монеты китайской династии Северная Сун, старшая датируется началом XI в. (1032 г.). К этой же группе относятся монеты начала XIII в. — один серебряный джитал и обломок крупного медного посеребренного дирхема либо Караханидов, либо Хорезмшахов Ануштегинидов (1 экз.). Итого, в первой группе 11 монет. К монетам второй группы следует отнести 93 экз.

Наибольшая активность товарно-денежных отношений в розничной торговле в этом населенном пункте (по собранной информации) наблюдается именно в период с ~ 630/1232 по 666/1268 гг. В составе монет Монгольской империи есть и обломок золотого динара (возможно, сам динар чеканился еще до монгольского завоевания), а также 12 серебряных дирхемов, но основную массу составляют медные посеребренные дирхемы Алмалыка и медные фельсы, битые в правление Мунке-каана и вскоре после его смерти.

Следует обратить внимание на то, что подавляющее количество монет, найденных на городище Учарал, отчеканено на монетном дворе Алмалыка. Следовательно, город в XIII в. входил в сферу экономического влияния Алмалыка — столичного центра Чагатаидского улуса, располагавшегося не более чем в двух днях пути (ныне на территории Китайской Народной Республики).

Кроме алмалыкских монет, в комплексе присутствует продукция и соседнего монетного двора Каялыка, и монетных дворов Пулада и Омыла (Эмиля).

Третья группа монет не столь представительная в количественном плане — всего 16 монет. Однако состав массы монет качественно иной. Во второй группе из 93 монет насчитывается 12 экз. серебряных дирхемов, а первенство принадлежало медным фельсам (16 экз.) и медным посеребренным дирхемам (68 экз.). В третьей группе 11 серебряных монет. Младшие из монет — фельсы Алмалыка с уйгурской легендой в поле и 742/1341–1342 гг. [Петров, Байпаков, Ерсенов, 2014: 61–76].

И клады, и единичные находки с памятника Учарал указывают на активнейшие товарно-денежные отношения на территории города в XIII — первой половине XIV в. Так,

благодаря нумизматическим находкам можно утверждать, что в начале XI в. этот населенный пункт уже существовал.

Важным аргументом в пользу тождества Иланбалыка — Учарала является также находка кайрака — надгробного камня с несторианским крестом и надписью, которая пока не расшифрована (рис. 7, 8). Это интересно, поскольку несторианские кайраки найдены и на соседнем Алмалыке.

Рис. 7. Городище Учарал — город Иланбалык. Кйрак — надгробный камень с несторианским крестом и надписью

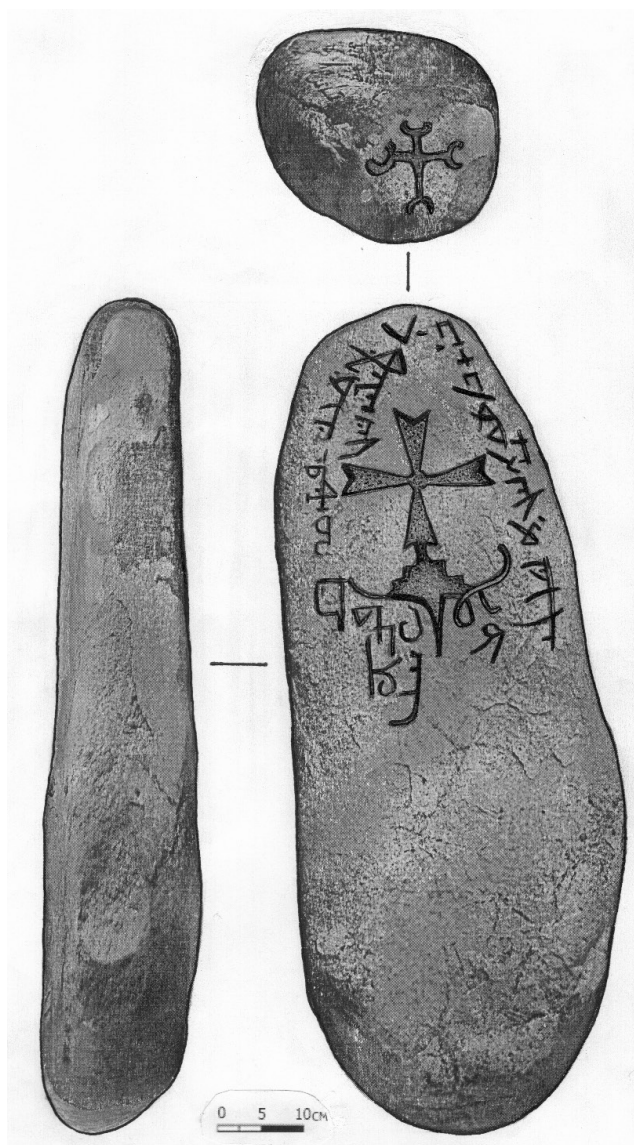

Рис. 8. Городище Учарал – город Иланбалык. Кйрак (прорисовка)

Алмалык в мусульманских источниках, согласно В. В. Бартольду, упоминается незадолго до монгольского владычества. Он был столицей кочевого владетеля Озара (Бузара) и ряда соседних городов. Позднее он добровольно подчинился Чингисхану: его династия, по крайней мере в течение двух поколений, продолжала владеть Кульджинским краем [Бартольд, 1969: 23–108]. Местоположение Алмалыка определено благодаря маршруту Гетума I и сведениям китайских источников, которые помещают город на расстоянии одного дня пути к западу от перевала Талки.

В качестве главного города чагатайских владений Алмалык был одним из центров деятельности средневековых европейских миссионеров, распространявших католичество в монгольских владениях. В 30-х гг. XIV в. при хане Дженкши католики имели в Алмалыке епископа и церковь. Конец деятельности католиков положило кровавое гонение против христиан, возбужденное в 1339 г. или 1340 г. Али-Султаном [Бартольд, 1966: 79].

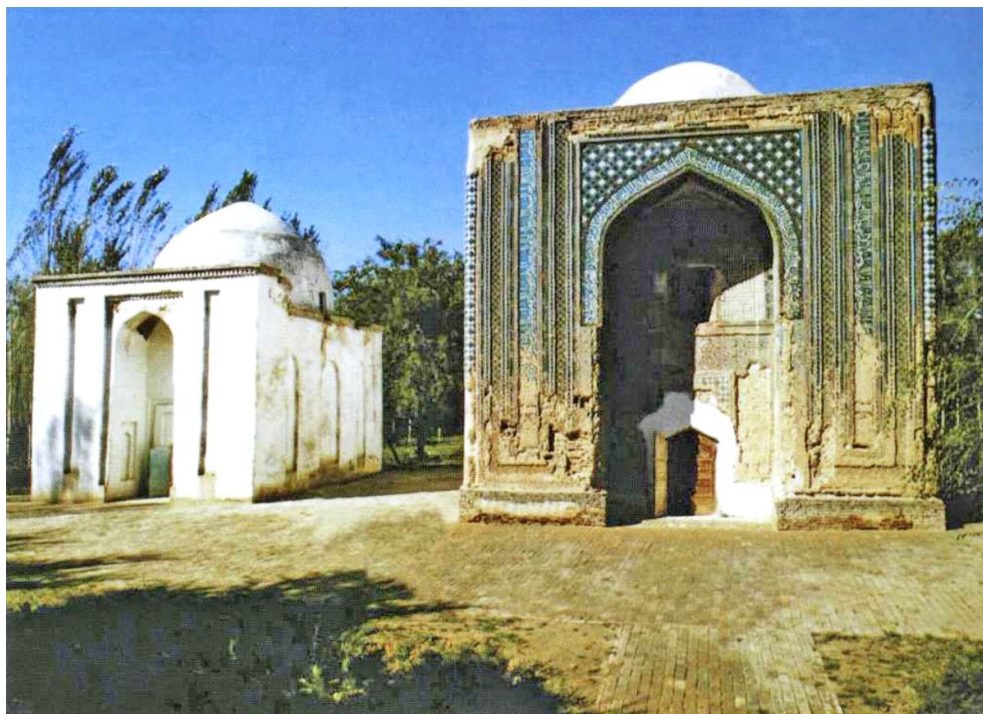

Рис. 9. Городище Алмалык. Мавзолей (справа)

В. В. Бартольд в 1894 г. посетил развалины Алмалыка, где сохранился мавзолей Туклук-Тимура (рис. 9), который умер в 1362–1363 гг. Туклук-Тимур был первым из владетелей восточной части Чагатайского улуса, принявшим ислам. В. В. Бартольд охарактеризовал мавзолей Алмалыка и отметил, что он повторяет стиль аналогичных сооружений Средней Азии. Рядом находился еще один меньший по размерам мавзолей, принадлежавший, по мнению местных жителей, сыну Туклук-Тимура Шир-ильхану [Бартольд, 1966: 80–81].

В 1902 г. городище Алмалык осмотрел востоковед Н. Н. Пантусов — выпускник Санкт-Петербургского университета, занимавший высокие должности в администрации Верного. В Кульдже ему были показаны находки из Алмалыка: два кайрака с нанесенными на них крестами и надписями [Пантусов, 2011: 165–167].

В аспекте изучения маршрута Гетума 1 следует привести сведения из записок о путешествии на запад Чань-Чуня. Чань-Чунь принадлежал к северной даосской школе (орден «Золотого лотоса»), в которой занимались поисками «философского камня»

в духовном мире и приобретения бессмертия. Чингисхан, занятый завоеваниями земель на западе, пишет письмо мудрецу. В письме он просил его о встрече и возможности вечной жизни. Путешествие Чань-Чуня на встречу с Чингисханом продлилось три года — с 1221 до 1224 г. [Акишев, 2008: 12–34].

Сохранились описания Чань-Чунем ряда городов и посещение Алмалыка. Стоит привести выдержки из этого источника: «Мы достигли его на 27 день девятого месяца (14 октября). Правитель области Пусумань Далухачи (даругачи) вышел из города вместе с монголами навстречу учителю. Расположились во фруктовом саду в западной части города. Местные люди называют плоды алима (алма), а поскольку это место знаменито своими фруктами (яблоками), город и получил вышеупомянутое название. У них есть вид ткани, называемой далума (толма, даба, хлопковая ткань). Люди говорят, что она соткана из шерсти овца. Мы получили семь кусков такой ткани для зимней одежды. Ее волокна напоминают пух (покрывающий почки) наших ив. Они очень чисты, прекрасны и мягки; используются для изготовления ниток, веревок, тканей и для набивки. Возделывая поля, люди применяют искусственное орошение, выводят каналы. При доставке воды они пользуются кувшинами, которые носят на головах» [Бартольд, 2008: 21].

Находка Отрарского клада, благодаря которой число известных серебряных монет алмалыкской чеканки до реформы 670/1271–1272 гг. возросло в несколько раз, подтверждает вывод Е. А. Давидович о регулярности работы этого монетного двора в предреформенный период [Байпаков, Настич, 1981: 48].

В кладе представлены дирхемы, чеканенные штемпелями 637–640, 643, 645, 648, 647 и 649, 653–655, 660–662, 665, 666 гг. Можно полагать, что все алмалыкские дирхемы изъяты одновременно и непосредственно из обращения не ранее 1264 г. и едва ли позднее 1265 г.

Город Пулад-Болат упоминается в ряде источников XIII в. Еще до своего приезда в Илийскую долину Гильом де Рубрук сообщает о городе Болате: «Я спросил также о городе Талас, в котором были немцы, рабы Бури, про которых говорил брат Андрей, и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Я не мог узнать ничего об этих немцах, вплоть до приезда ко двору Мангу-каана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади нас после гор, на шесть дней пути. Когда я прибыл ко двору Мангу-хана, то узнал, что сам Мангу перевел их, с позволения Бату, к востоку на расстоянии месяца пути от Таласа, в некий город по имени Болат, где они копают золото, делают оружие» [Путешествия, 1993: 73].

Сообщение средневековых авторов о городе Омыле (Эмиле) более многочисленные и подробные. Этот город, игравший важную роль в политической жизни Монгольской империи XIII в., располагался на реке Эмиль к востоку от Алаколя, недалеко от современного Чугучака [Деом, Сала, 2010: 240].

На территории Улуса в XIII–XIV вв. возникло несколько городов, которые являлись административными и экономическими центрами. Одним из таких городов, через который осуществлялась связь центра с восточными и западными провинциями, и был Болат. Некоторые китайские исследователи считают, что Болату соответствует городище Чиндил в 5 км западнее Боротала, однако археолог Н. Кенжеахметулы не согласен

с этим предположением. По его мнению, размеры городища не соответствуют большому городу, каковым был Болат. Ученый отождествляет Болат с городищем Дальте (рис. 10).

Рис. 10. Городище Дальте. VII–XVIII вв. (аэрофото)

Городище Дальте занимает обширную территорию и делится на две части: западную размером 700х450 м, восточную — 385х280 м. В плане городище имеет форму четырехугольника. На этом городище обнаружено более 1700 бронзовых монет, 111 серебряных и 36 золотых монет. Сейчас все они хранятся в музее г. Боратала.

Высокий уровень торговых отношений Болата, согласно сообщениям китайского посла Лю Юй, происходил, видимо, в период правления Чагатая. Лю Юй пишет: «Пройдя на запад, мы нашли некий город по имени Иэмань (Эмиль). После этого мы направились на юго-запад, въехали в город Боло (Болат). В городе и других городах чеканится монета из золота, серебра, бронзы. Монета без отверстия и имеет надписи».

Этимология названия города Болат или Пулад имеет несколько толкований. Фэн Чжэнджунь предложил считать Пулад искаженным названием иранского термина «полад» — «сталь». Но наиболее убедительную этимологию предложил Линь Мэйцунь. Он производит Болат от тюркского этнонима Булак — племя карлуков. Современное название Боратала по-монгольски означает «серебристо-серая степь», китайское название Бо-лэ-та-лэ или Бо-эр-та-ла в сокращенном виде как Бо-лэ [Кенжеахметулы, 2008: 162–164].

Как известно, наиболее ранние известия о городах Северо-Восточного Жетысу (Семиречья) содержатся в анонимном географическом сочинении «Худуд-ал-Алем», где на-

званы «два селения Тон и Тальхиза, расположенные среди гор на границе между владениями джикилей и карлуков, вблизи оз. Иссык-Куль» [Бартольд, 1966: 75].

Тальхиз отождествляется с городищем Талгар, расположенным в 25 км к востоку от Алматы [Бартольд, 1966: 75]. Городище находится на южной окраине города Талгара, на правом берегу одноименной горной реки. Центральная часть его окружена стенами с башнями по углам и периметру, занимает площадь 9 гектаров. Южный сохранившийся пригород — рабад примыкает к подошве горной гряды.

Общая площадь городища в 980 г., по данным письменных источников, достигала 28 гектаров. Четыре въезда соединялись улицами, пересекающимися в центре города. Раскопки вскрыли массив жилой застройки внутри крепостных стен у восточного въезда, в центральной части городища и южном рабаде. Изучена застройка и планировка: выявлена уличная сеть — магистральные и внутриквартальные улицы, выделены кварталы, изучено жилище, собран богатый материал, свидетельствующий о высоком развитии ремесленных производств: гончарного, стеклоделия, железоделательного и чугунолитейного, медницкого и строительного дела [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005: 23–24].

В китайских источниках первой половины XIII в. упомянут город Чжи-му-эрр. В. В. Бартольд, а вслед за ним А. Н. Бернштам отождествляли Чжи-му-эрр с городищем в селе Чилик [Бартольд, 1966: 21–94; Бернштам, 1948а: 7].

В описании поездки Чань-Чуня есть заметки о том, что после переправы на лодке через реку «подъехали к большой горе, на северной части которой был небольшой городок». И если считать, что река — это Или, то небольшой городок — это Тальхир (рис. 11).

Рис. 11. Город Тальхир. Центральная мостовая и жилой квартал (XI — начало XIII в.)

В сочинении государственного деятеля первой половины XVI в., писателя и поэта Захириддина Мухаммеда Бабур есть такие сведения: «Фергана — область в пятом климате, находится на границе возделанных земель; на востоке от нее — Кашгар, на западе — Самарканд, на юге горы Бадахшанской границы, на севере, хотя раньше были города, подобные Алмалыку, Алматы и Янги, название которого пишут в книге Таразкент, но они разрушены монголами, и там совсем не осталось населенных мест» [Бабур-наме, 1958: 9]. Здесь, бесспорно, назван средневековый город, расположенный на месте будущего Алматы и носивший имя Алматы.

О городе «Алмату» пишет современник Бабур Мухаммед Хайдар Дулати, автор сочинения «Тарих-и Рашиди», в связи с военными действиями Тимура против Камар ад-Дина [Дулати Мухаммед, 1996: 62].

Вновь «Алмату» упоминается в событиях 1504–1509 гг., «когда в Могулистане» [все царевичи] были заняты борьбой и распрями друг с другом». Одно из сражений произошло между Мансурханом и братьями Султан Халилом султаном и Султан Саидом ханом в Алматы — «известном месте Могулистана» [Дулати Мухаммед, 1996: 62–63].

Небезынтересно привести еще более раннее упоминание об области Алмалык в «исламизированной» версии об Огуз-хане, которую приводит Рашид ад-Дин (1274–1318) в труде «Джама ат-таварих».

В событиях, которые происходили, скорее всего, в X–XII вв., историк пишет о том, что Огуз-хан в одном из своих походов достиг Алатага и в области Алмалык в местности Ак-Кайя посетил группу воинов-ветеранов. Видимо, название «Алмалык» можно привязать географически к предгорьям Заилийского Алатау и району Алматы [Агаджанов, 1969: 126, примечание 2].

Таким образом, совокупность выше приведенных сведений средневековых письменных источников свидетельствует о городе «Алмату», локализуемом в районе современного города Алматы.

Следует отметить, что в конце VIII–XI вв. начинается бурное развитие городской культуры, когда наблюдается массовый переход к оседлости номадов, втягивание района в орбиту международных торговых связей, в том числе и по Великому Шелковому пути. Его ответвление через Илийскую долину стало наиболее интенсивно функционировать в X — начале XIV в. К этому времени на территории «большой Алматы» находилось несколько поселений и городков. Сейчас все они уничтожены современной застройкой, но сведения о них сохранились в отчетах и публикациях.

Наибольший интерес из всех сохранившихся и обследованных памятников представляло городище Алматы II. С этим же городищем связаны находки монет и материалов, обнаруженные в ходе небольших раскопок и зачисток во время строительства новых корпусов Пограничного училища. Здесь были найдены остатки средневековой кузницы: расчищен кузнечный горн, а рядом собраны железные крицы (заготовки железа), готовые изделия и среди них — железные топоры, кетмень, наконечник пахотного орудия, боковина железного котла. Здесь же был обнаружен глиняный тигель для разлива расплавленного металла и два кувшина для воды [Савельева, 1989: 44–49]. Самой важной находкой оказались монеты — серебряные дирхемы XIII в., которые подтвердили факт существования средневекового города с названием Алматы [Nastich, 1999: 54–56].

Впервые в научный оборот ввел эти монеты востоковед и нумизмат В. Н. Настич. В его статьях нет никаких разночтений ни в отношении города, выпустившего эти монеты, он назывался Алматы, ни тем более в чтении годов чеканки (684 г. и 685 г. х.), написанных по системе, характерной для нумизматики монгольских государств второй половины XIII в. (рис. 12).

Некоторые исследователи, не понимая особенности палеографии надписей и правила размещения слов в выпускных легендах, объясняли это плохой сохранностью и нечитабельностью монет [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005: 13]. Сохранность же надписей вполне позволяет однозначно читать выпускные данные уже на нескольких экземплярах монет разных типов.

С момента опубликования В. Н. Настичем первого сообщения фонд зафиксированных дирхемов алматинских выпусков пополнился. В настоящее время известны три года выпуска дирхемов: 684/1285–1286, 685/1286 и 686/1287 гг. (рис. 12).

Новые экземпляры серебряных дирхемов опубликовал А. Исин [2004]. Еще две монеты опубликованы П. Н. Петровым и А. М. Камышевым [2005: 161–164].

Рис. 12. Алматы. Монеты. XIII в.

Обе монеты мелкого номинала, одна из них бита штемпелем полновесного крупного дирхема, а вторая — специальным маленьким штемпелем, на котором не указаны выпускные сведения.

В 2009 и 2010 гг. на территории Кыргызстана было обнаружено два мелких анэпиграфных дирхема, принадлежность которых к продукции монетного двора Алматы определяет «трехногая» разноплечная тамга. Одна монета найдена на городище Бурана.

Нет уверенности в том, что выявлены все типы и даты чеканки серебряных дирхемов Алматы XIII в., например, обнаруженный в одной из частных коллекций Алматы дирхем нового типа (картуш — квадрат вписан в круг) несет на себе разноплечную трехногую тамгу, но выпускных данных на монете не сохранилось. Наличие такой тамги не позволяет исключать возможность, что и этот тип был чеканен в Алматы, но, видимо, не в указанные ранее (684–686 гг. х.) годы.

Особо следует отметить наличие различных тамг на серебряных дирхемах. Кроме известной тамги Кайду-хана, на монетах обязательно присутствует еще одна тамга — разноплечная трехногая. Эту тамгу П. Н. Петров относит к группе тамг дома Угедея.

Она являлась неотъемлемым атрибутом чеканной продукции монетного двора Эмиля конца 630–640/1230–1240-х гг. (города, принадлежавшего потомку из рода Утедея). Находки алматинских дирхемов указывают на локальность и непродолжительность работы этого монетного двора в XIII в., что может быть связано с отсутствием необходимой динамики экономического развития этой территории в тот период. Поскольку чеканка серебряной монеты была свободной (т. е. из серебра заказчика), то именно потребность рынка в монете определяла объем эмиссий монетного двора и продолжительность его функционирования.

Важную информацию о жизни города в XIV в. дает клад чагатаидских монет, найденный в 1967 г. на территории жилого массива «Горный Гигант» и хранящийся ныне в фондах Центрального государственного музея Алматы. Это самый крупный из найденных на территории Казахстана клад серебряных чагатаидских монет, число которых составляет 1386 экз. Время его сокрытия определяется по дате самой ранней монеты: дирхем Отрара 730/1329–1230 гг.

Во-первых, в составе клада конца и первой трети XIV в. необычайно много дирхемов конца XIII — начала XIV в. Во-вторых, обращает внимание полное отсутствие в составе комплекса монет Алматы. В-третьих, метрология и состояние поверхности монет конца XIII — начала XIV в. таковы, что можно говорить об изъятии их из обращения не в 720–730/1320–1330 гг., а начиная с первого десятилетия XIV в. [Базылхан, 2004: 355–356].

Все эти особенности указывают на существование города на протяжении первых 30 лет XIV в. По сути, этот клад является первым документальным свидетельством того, что город дожил до 1330 г.

Анализ показывает, что основная масса монет поступала в Алматы из Термеза, Бухары, Самарканда. Поток монет шел через Ходженд. Дирхемы Кашгара, Пулада и Алмалыка являются случайными включениями в состав изучаемого комплекса. Но крайне малое количество серебряной продукции Отрара, Тараза и Кендже — монетных производств, которые выпускали в конце XIII в. почти до половины всех серебряных монет в государстве, говорит о том, что сокровище начало скапливаться уже после прекращения их работы, т. е. после 707/1307–1308 гг. [Петров, 2012: 23–29].

Караванные пути из Жетысу (Илийской долины) в Чуйскую проходили через горный перевал Кастек — горы Цзедань. Они располагались, по китайским источникам, в 40 ли севернее р. Суй-е (Шу): «Здесь каган 10 родов производит утверждение владельцев и старейшин» [Зуев, 1960: 94].

По арабским источникам известно, что здесь располагались «запретный луг» и «запретная гора» кагана, к которым «никто не смел приближаться; стада, пасшиеся на лугу, и дичь, и горы должны были служить провиантом при военных походах» [Бартольд, 1969: 23–108].

Тюрки называли эти горы Урунг-Ардж. Гардизи пишет, что «тюрки почитают эту гору, клянутся ею и считают ее местопребыванием всемогущего божества» [Волин, 1960: 72–92]. Перевал через эти горы назывался Урунг-Ардж. Слово это означает «длинный перевал». «Урунг» значит «узун», что по-тюркски означает «длинный» [Койчубаев, 1974: 229].

Внизу спуска на северной стороне гор на речке Каракастек обнаружено несколько городищ, одно из них названо археологами Каракастек и датируется X–XIII вв. Это был караван-сарай, на базе которого сформировался торговый город Урунг-Ардж [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005: 24].

В «Худуд ал-Алам» написано так: «Урунг-Ардж, раньше это был город, а теперь он разрушен и (служит) убежищем для воров» [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973: 42]. Урунг-Ардж был пограничным городом и располагался в начале перевала, на трассе Великого Шелкового пути, соединявшего северо-восток и юго-запад Жетысу, Илийскую и Чуйскую долины.

Таким образом, письменные источники, их анализ в сопоставлении с археологическими памятниками, находками, полученными при раскопках городищ, с нумизматическими находками из раскопок и кладов, позволяют получить представление о городах Северо-Восточного Жетысу (Илийской долины), их размещении на территории региона в XIII–XIV вв.

Практически все города Илийской долины локализованы и отождествлены с конкретными городищами. Так, Урунг-Ардж — с городищем Кастек, Алматы — с городищем Алматы 2, Тальхир (Тальхиза) — с городищем Талгар, развалины замка с городищем Чингильды, город Ики-Огуз с городищем Дунгене, город Каялык (Койлак) с городищем Антоновское, несторианское селение с городищем Лепсы, столица области — с городищем Коктума, город Иланбалык (Или-бали) с городищем Учарал.

Полученные сведения позволили определить направления и маршруты Великого Шелкового пути, прошедшие через территорию Северо-Восточного Жетысу (Семиречье).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 297 с.

Акишев А. К. «Сиюйцзи» — «Записки о западном крае» даосского учителя Чань Чуня // Туғанөлке — родной край. Историко-краеведческий журнал. Алматы, 2008. № 1–2 (10–11). С. 52–71.

Байпаков К. М. Урбанизация XIII — первой половины XV в. // Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Алматы, 2016. Кн. III, ч. I. 534 с.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата : Наука, 1986. 255 с.

Байпаков К. М., Воякин Д. А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2007.

Байпаков К. М., Настич В. Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 59–60.

Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы : Ин-т археологии МОН РК, 2005. 201 с.

Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент : Изд-во Акад. наук УзССР, 1958. 529 с.

Базылхан Н. Монеты в фондах Центрального Музея. Алматы : Ылым, 2004. 354–363 с.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 // Сочинения. М. : Наука, 1966. Т. IV. 661 с.

- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. М., 1969. Т II, ч. 1. 104 с.
- Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Алма-Ата, 1948а.
- Бернштам А. Н. Прошлое района Алма-Ата (Историко-археологический очерк). Алма-Ата : АН КазССР, 1948.
- Bretshneider E. Medieval researches from Eastern Asiatic Sources // Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13-th to the 17-th century. London, 1910. Vol. II.
- Валиханов Ч. Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль. 1856 г. // Избранные произведения. Алма-Ата: Наука, 1958. 414 с.
- Волин Л. С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. 192 с.
- Гандзакеци Киракос. История Армении / пер. с древнеармянского, предисл. и комм. Л. А. Ханларян. М. : Наука, 1976. 359 с.
- Голубев А. Д. Алаколь // Записки РГО по общей географии. СПб., 1867. Т. 1. 359 с.
- Деом Ж.-М., Сала Р. Урбанизация Северо-Восточного Тянь-Шаня в средние века // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова : сб. материалов международной научной конференции. Алматы, 2010. С. 240.
- Дулати Мухаммед Хайдар. Тарих-и-рашиди / введение, пер. с персид. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой; прим., указ. Р. П. Джалиловой и Л. М. Епифановой. Ташкент : Фан, 1996.
- Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Вып. 3 (14). С. 87–96.
- Исин А. Кэне алматының ақшасы калай табылды // Абай. Алматы, 2004. № 4.
- Кенжеахметулы Н. К вопросу о локализации средневековых городов Пулада и Ики-Огуза // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 2008. № 1. С. 3–25.
- Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1974. 274 с.
- Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата : Академия наук КазССР, 1950. 123 с.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1973. 435 с.
- Nastich V. Almatu — a Newly Discovered Chaghatayid Mint // Oriental Numismatic Society Newsletter. Winter, 1998. № 155.
- Настич В. Н. Неизданные монеты Средней Азии X–XIV вв. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. : тезисы докладов. М., 1999.
- Пантусов Н. Н. Надгробные христианские памятники в Алмалыке // ПТКЛА. Историко-археологические памятники Казахстана. Туркестан, 2011.
- Петров П. Н. Алматы в XIII–XIV вв. по нумизматическим данным // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: взаимодействие, развитие и возраст города Алматы :

материалы международной научно-практической конференции. 17–18 ноября 2010 г. Алматы, 2012. Вып. 3. С. 23–27.

Петров П. Н. Монетный двор Каялыка // Байпаков К. М., Воякин Д. А. Средневековый город Каялык. Алматы : Хикари, 2007. С. 88–90.

Петров П. Н., Байпаков К. М., Ересенов Д. С. Средневековый город, обнаруженный в долине реки Или (нумизматический аспект) // Нумизматика Золотой орды. № 4. Казань, 2014. С. 61–76.

Петров П. Н., Камышев А. М. Алматы — монетный двор государства Чагатаидов // Известия МОН РК-НАН РК. Серия общественных наук. 2005. № 1 (27). С. 161–164.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алма-Ата : Гылым, 1993. 248 с.

Савельева Т. В. Кузнечное ремесло жителей Илийской долины в XI–XII вв. // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1989. № 1. С. 44–49.

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: КазИздат К, 2005. 184 с.

REFERENCES

Agadzhanov S. G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX XIII vv. [Essays on the history of the Oghuz and Turkmens of Central Asia of the 9th-13th centuries Ashgabat]. Ashkhabad, 1969. 297 s. (in Russian).

Akishev A. K. “Siiuitszi” — “Zapiski o zapadnom krae” daoskogo uchitelia Chan” Chunia [“Siyuji” — “Notes on the Western Territory” of the Taoist teacher Chan Chun]. Tuganolke — rodnoi krai. Istoriko-kraevedcheskii zhurnal [Tuganolke — native land. Historical and local history magazine]. Almaty, 2008. № 1–2 (10–11). S. 52–71 (in Russian).

Baipakov K. M. Urbanizatsiia XIII — pervoi poloviny XV v. [Urbanization of the XIII — the first half of the XV century] Drevniaia i srednevekovaia urbanizatsiia Kazakhstana [Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan]. Almaty, 2016. Kniga III. Part I. 534 s. (in Russian).

Baipakov K. M. Srednevekovaia gorodskaiia kul'tura Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia (VI — nachalo XIII v.) [Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (VI — beginning of XIII century)]. Alma-Ata: Nauka, 1986. 255 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Voiakin D. A. Srednevekovi y gorod Kaialyk [The medieval city of Kayalyk]. Almaty, 2007 (in Russian).

Baipakov K. M., Nastich V. N. Klad serebrianykh veshchei i monet XIII v. iz Otrara [Treasure of silver things and coins of the XIII century. from Otrar]. Kazakhstan v epokhu feodalizma [Kazakhstan in the era of feudalism]. Alma-Ata, 1981. S. 59–60 (in Russian).

Baipakov K. M., Savel'eva T. V., Chang K. Srednevekove goroda i poseleniia Severo-Vostochnogo Zhetysu [Medieval cities and settlements of Northeast Zhetysu]. Almaty: Archaeology Institute MON RK, 2005. 201 s. (in Russian).

Babur-name. Zapiski Babura [Babur-name. Notes of Babur]. Tashkent: Izd-vo Acad.nauk UzSSR, 1958. 529 s. (in Russian).

Bazykhan N. Monety v fondakh Tsentral'nogo Muzeia [Coins in the funds of the Central Museum]. Almaty: Gylym, 2004. S. 354–363 (in Russian).

Bartol'd V. V. Otchet o poezdke v Sredniuiu Aziyu s nauchnoi tsel'iu 1893 1894 [Report on a trip to Central Asia with a scientific purpose 1893 1894]. Sochineniia [Works]. Moskva: Nauka, 1966. T. IV. 661 s. (in Russian).

Bartol'd V. V. Ocherk istorii Semirech'ia [Essay on the history of the Seven Rivers]. Sochineniia [Works]. Moskva, 1969. T II. P. 1. 104 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. Pamiatniki stariny Alma-Atinskoi oblasti [Antiquities of the Alma-Ata region]. Izvestiia AN KazSSR. Serii arkheologicheskaiia [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological Series]. Alma-Ata, 1948a (in Russian).

Bernshtam A. N. Proshloe raiona Alma-Ata (Istoriko-arkheologicheskii ocherk) [The past of the Alma-Ata district (Historical and archaeological essay)]. Alma-Ata, 1948 (in Russian).

Bretshneider E. Medieval researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13-th to the 17-th century. London, 1910. Vol. II.

Valikhanov Ch. Ch. Dnevnik poezdki na Issyk-Kul'. 1856 g. [Diary of a trip to Issyk-Kul. 1856] Izbrannnye proizvedeniia [Selected works]. Alma-Ata: Nauka, 1958. 414 s. (in Russian).

Volin L. S. Svedeniia arabskikh istochnikov IX–XVI vv. o doline r. Talas i smezhnykh raionakh [Information from Arab sources of the 9th–16th centuries about the river valley Talas and related areas]. Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana [New materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan]. TIIAE AN KazSSR. Alma-Ata, 1960. T. 8. 192 s. (in Russian).

Gandzaketsi Kirakos. Istoriia Armenii [History of Armenia]. Per. s drevnearmianskogo, predisl. i kommentarii L. A. Khanlarian. Moskva: Nauka, 1976. 359 s. (in Russian).

Golubev A. D. Alakol' [Alakol']. Zapiski RGO po obshchei geografii. Sankt-Peterburg [Notes of the Russian Geographical Society on General Geography. St. Petersburg]. 1867. T. 1. 359 s. (in Russian).

Deom Zh.-M., Sala R. Urbanizatsiia Severo-Vostochnogo Tian' — Shania v srednie veka [Urbanization of the Northeast Tien Shan in the Middle Ages]. Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediiia Kazakhstana. Nauchnye chteniia pamiati N. E. Masanova: sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N. E. Masanova: Sat materials of the international scientific conference]. Almaty, 2010. S. 240. (in Russian).

Dulati Mukhammed Khaidar. Tarikh-i-rashidi [Tarih-i-rashidi]. Vvedenie, per. s persid. A. Urunbaeva, R. P. Dzhililovoi, L. M. Epifanovoi. Prim., ukaz. R. P. Dzhililovoi i L. M. Epifanovoi. Tashkent: Fan, 1996 (in Russian).

Zuev Iu. A. Kitaiskie izvestiia o Suiabe [Chinese news of Suyab]. Izvestiia AN KazSSR. Serii istorii, arkheologii i etnografii [News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. A series of history, archeology and ethnography]. Alma-Ata, 1960. Vyp. 3 (14). S. 87–96 (in Russian).

Isin A. Kāne almatynyn akshasy kalai tabyl'dy [How old coins of Almaty were found]. Abai. Almaty, 2004. № 4. (in Kazakh).

Kenzheakhmetuly N. K voprosu o lokalizatsii srednevekovykh gorodov Pulada i Iki-Oguza [On the localization of the medieval cities of Pulada and Iki-Oguz]. Izvestiia NAN RK. Seriiia obshchestvennykh nauk [Bulletin of the NAS of the Republic of Kazakhstan. Series of social sciences]. Almaty, 2008. № 1. S. 3–25 (in Russian).

Koichubaev E. *Kratkii tolkovyi slovar» toponimov Kazakhstana* [Brief Explanatory Dictionary of Toponyms of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka, 1974. 274 s. (in Russian).

Margulan A. Kh. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana* [From the history of cities and building art of ancient Kazakhstan]. Alma-Ata: Academy of science KazSSR, 1950. 123 s. (in Russian).

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Moskva, 1973. 435 s. (in Russian).

Nastich V. *Almatu — a Newly Discovered Chaghatayid Mint* [Almatu — a Newly Discovered Chaghatayid Mint]. *Oriental Numismatic Society Newsletter* [Oriental Numismatic Society Newsletter]. Winter, 1998. No.155. (in Russian).

Nastich V.N. *Neizdannye monety Srednei Azii X–XIV vv.* [Unpublished coins of Central Asia X–XIV centuries]. *Sed'maia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia* [Seventh All-Russian Numismatic Conference]. Iaroslavl', 19–23 apreliia 1999 g.: *Tezisy dokladov*. Moskva, 1999 (in Russian).

Pantusov N.N. *Nadgrobnnye khristianskie pamiatniki v Almalyke* [Gravestone Christian monuments in Almalyk]. PTKLA. *Istoriko-arkheologicheskie pamiatniki Kazakhstana* [PTKLA. Historical and archaeological sites of Kazakhstan. Turkestan]. Turkestan, 2011 (in Russian).

Petrov P.N. *Almaty v XIII–XIV vv. po numizmaticheskim dannym* [Almaty in the XIII–XIV centuries. according to numismatic data]. “*Drevniaia i srednevekovaia urbanizatsiia Evrazii: vzaimodeistvie, razvitie i vozrast goroda Almaty*”: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 17–18 noiabria 2010 g.* [Ancient and medieval urbanization of Eurasia: interaction, development and age of the city of Almaty: Materials of the international scientific-practical conference November 17–18, 2010]. Almaty, 2012. Vyp. 3. S. 23–27 (in Russian).

Petrov P.N. *Monetnyi dvor Kaialyka* [Kayalyk Mint]. Baipakov K. M., Voiakin D. A. *Srednevekovi gorod Kaialyk* [The medieval city of Kayalyk]. Almaty: Hikari, 2007. S. 88–90 (in Russian).

Petrov P.N., Baipakov K. M., Eresenov D. S. *Srednevekovi gorod, obnaruzhennyi v doline reki Ili (numizmaticheskii aspekt)* [Medieval city discovered in the Ili River Valley (numismatic aspect)]. *Numizmatika Zolotoi ordy. Kazan'* [Numismatics of the Golden Horde]. 2014. № 4. S. 61–76 (in Russian).

Petrov P.N., Kamyshev A. M. *Almaty — monetnyi dvor gosudarstva Chagataidov* [Almaty — the mint of the state of the Chagataids]. *Izvestiia MON RK-HAH RK. Seriiia obshchestvennykh nauk* [News of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan-HAH of the Republic of Kazakhstan. Series of social sciences]. 2005. № 1 (27). S. 161–164 (in Russian).

Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Gil'oma de Rubruka [Travel to the eastern countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruk]. Alma-Ata: Gylym, 1993. 248 s. (in Russian).

Saveleva T. V. *Kuznechnoe remeslo zhitelei Iliiskoi doliny v XI–XII vv.* [The blacksmith craft of the inhabitants of the Ili Valley in the XI–XII centuries]. *Izvestiia AN KazSSR. Seriiia*

obshchestvennykh nauk [Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Series of social sciences]. Alma-Ata, 1989. № 1. S. 44–49 (in Russian).

Samashev Z., Grigor'ev F., Zhumabekova G. Drevnosti Almaty [Antiquities of Almaty]. Almaty: KazIzdat K, 2005. 184 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Байпаков К. М., Савельева Т. В., Камалдинов И. Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII–XIV вв. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 7–34.

Citation:

Baipakov K. M., Savelyeva T. V., Kamaldinov I. Medieval towns of Ili valley (North-Eastern Zhetysu-Semirechye) on the Great silk road in the XIII–XIV centuries. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 3 (24). P. 7–34.

УДК 94 (517) "-02/13" + 930.85
DOI: 10.14258/nreur(2020)3-02

С. А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ КОНЦА I ТЫС. ДО Н. Э. — НАЧАЛА II ТЫС. Н. Э.*

Рассматриваются вопросы преемственности наиболее сложных общественно-политических структур кочевых империй Внутренней Азии, к которым в кочевом мире относятся город, государство и замкнутость элит. Объектом исследования выступают империя Хунну, Тюркские и Уйгурский каганаты, империя Ляо, предметом — изучение социально-политических процессов в кочевых империях, выявление наиболее сложных форм организации власти и общества, фиксация их преемственности в последующих имперских политиях кочевников. Отмечается, что в целом в кочевых сообществах в степях Внутренней Азии преемственность имела широкое распространение, охватывая титулы, религиозные и правовые традиции, административное устройство и т. д., однако практически отсутствовала преемственность городской жизни, государственности и особого положения элит. Наиболее показательным было запустение городов после падения Уйгурского каганата, быстрое исчезновение в период кризиса институтов ранней государственности. Уникальный опыт каганата оказался не востребуемым его покорителями — кыргызами. Лишь наиболее сложная по своей организации в домонгольский период империя Ляо частично использовала навыки уйгуров в торговле, контроле над Степью и очень выборочно городскую инфраструктуру на реке Толе.

Ключевые слова: кочевые империи, Внутренняя Азия, преемственность, урбанизация, раннее государство, государство и его альтернативы, замкнутая элита.

* Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ № 14. W03.31.0016 «Динамика народов и империи в истории Внутренней Азии».

S. A. Vasyutin

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

SUCCESSION ISSUES OF COMPLICATED SOCIAL AND POLITICAL FORMATIONS IN INNER ASIA NOMADIC EMPIRES OF LATE 1ST MILLENNARY B. C. — EARLY IIND MILLENNARY A. D.

The article deals with succession issues in the most complicated social and political structures of Inner Asia nomadic empires which, in the nomadic world, include city, state and elite isolation. The object of research is the Xiongnu Empire, the Turkic and Uyghur Khaganates, the Lyao Empire, the subject is to analyze the social and political processes in nomadic empires, determine the most complicated forms of power and society organization, and trace their succession in the next imperial polities of nomads. The article notes that in Inner Asia nomadic societies in general, succession was broadly spread and concerned titles, religious and law traditions, administrative arrangement etc. However, succession of city life, statehood and special status of elites was practically absent. The most indicative was urban blight after the fall of the Uyghur Khaganate, fast vanishing of early statehood institutions in crisis. The unique experience of khaganate was unwanted for its conquerers — the Kirghiz. The Lyao Empire, with the most complicated organization in pre-Mongolian period, partly used the Uyghur experience in trading, steppe control and selectively urban infrastructure on the Tuul River.

Keywords: nomadic empires, Inner Asia, succession, urbanization, early state, state and its alternatives, isolated elite.

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово; ведущий научный сотрудник лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук, Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: vasutin2012@list.ru

Vasyutin Sergry Aleksandrovich, doctor of historical Sciences, Professor World History and International Relations Department of the Kemerovo State University, Kemerovo; Leading researcher of the Laboratory for Archaeology, Ethnology, and Anthropology at the Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude (Russia). Contact address: vasutin2012@list.ru

Вехи истории Внутренней Азии, начиная с конца III в. до н. э. и до распада монгольской державы, связаны с таким явлением, как кочевые империи. Исследователи нередко писали о близости административно-управленческого устройства таких военно-политических объединений (центр — ставка правителя, крылья, десятичная система и пр.), считая, что сменялись только правящие этнические группы [Lattimore, 1940; Krader, 1968: 43–51; Kwanten, 1979: 54–59, 278; Савинов, 2005: 32–33; Кляшторный, Савинов, 2005: 216–217; Прицак, 1997: 77–78]. Схожесть военно-политического развития кочевников также была представлена в разных циклических моделях взаимодействия кочевников Внутренней Азии и Поднебесной [Lattimore, 1940; Krader, 1963; Barfield, 1989]. Несомненно, мы можем говорить о преемственности политических институтов, сакрализации власти, титулатуры, правовых и религиозных традиций в монгольских степях [Трепавлов, 1993: 45–111; Rogers, 1997: 249–265]. Но стремление нивелировать различия кочевых империй вело к тому, что утрачивалась ценность социального и политического опыта каждого имперского объединения кочевников. При наличии общих черт уровни сложности империй хунну, жуань-жуаней, тюрков, уйгуров, киданей и монголов существенно различались. Разными были пути трансформации политических систем, структура и динамика социальных изменений имели свои особенности в каждом конкретном имперском сообществе кочевников.

Наиболее отчетливо разница между кочевыми империями проявлялась в формировании сложных социально-политических форм в том или ином кочевом сообществе. Что подразумевается в статье под понятием «сложные социально-политические формы» применительно к кочевникам Внутренней Азии? Это следующие маркеры уровня сложности обществ:

- город;
- зарождающаяся сословная система с замкнутой элитой;
- государство (раннее или традиционно-бюрократическое) или другие формы политических систем, близкие по сложности к государству.

Подходов к пониманию термина «государство» достаточно много (см.: [Крадин, 2018]), поэтому предлагаем такие критерии государства, которые существенно отличаются более продвинутой политикой от типичной военно-административной структуры кочевых империй и традиционных политических практик кочевников: фискальная бюрократия, налоги, администраторы, которые заставляли кочевников принудительно заниматься сельским хозяйством, ремеслом и разными службами.

Но более надежным критерием усложнения кочевых социумов, по нашему мнению, следует считать появление города. Город в Степи «вбирал» в себя наиболее сложные конфигурации общественно-политической жизни: разные формы торговли, ремесленной и сельскохозяйственной деятельности; пошлины и налоги; управление (в городе организация власти постепенно приобретала бюрократический характер), наличие разных этнических групп и более сложной стратификации по сравнению с общественными структурами в степном пространстве. Важно также понимать насколько территория города пользовались сами кочевники. Был ли он для них как минимум местом торговли, военных сборов, военных и религиозных церемоний? Совершенно иной ва-

риант, когда город становился местом жительства для представителей элит, военачальников, чиновников и других страт из кочевой среды.

Империя хунну (сюнну)

Представления о первой кочевой империи — империи хунну, как правило, сформированы на основе письменных источников и данных археологии.

В целом археологическое наследие империи внушительно: 26 городищ и поселений [Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 227], 7 могильников с элитными и сопровождающими их захоронениями, десятки крупных могильников с погребениями разных групп кочевников и оседлого населения, значительное количество небольших некрополей [Крадин, Кан Ин Ук, 2013: 14–16].

Данные археологии о городищах хунну лишь в незначительной степени соотносятся со сведениями о хуннских «городах» в китайских письменных источниках. Всего упоминаются два «города» у хунну: 1) Туй-дан, расположенный глубоко в землях хунну (сведения о нем относятся к первой трети II в. до н. э.) [Таскин, 1968: 68, 155, прим. 30]; 2) Чжао Синь (город назван по имени китайского военачальника, служившего советником у шаньюя Ичисе), который в 119 г. до н. э. был разграблен ханьским военачальником Вэй Цином (в Чжао Синь хранились запасы зерна хунну) [Таскин, 1968: 91, 165, прим. 30]. Соотнести эти «города» с выявленными городищами не удалось.

Многочисленность хуннских поселенческих памятников с валами и крупными платформами привела к тому, что многие исследователи, в том числе и автор статьи, говорили и писали о феномене урбанизации у хунну, о влиянии урбанизации на социальные структуры и политическую организацию.

Однако проведенные в последние десятилетия исследования целого ряда «городищ» хунну (Тэрэлжийн Дурвулжин, Гуадов, Бурхийн-дурвулжин, Ундур-дов и др.) показали отсутствие на подобных памятниках культурного слоя [Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 236]. Как правило, на площади «городища» находятся платформы с остатками строений с черепичной крышей. Артефакты — это почти исключительно строительные материалы (нижняя и верхняя черепица, концевые диски, кирпичи). Также фиксируются остатки столбов, другие конструктивные элементы («дорожки», облицовка платформы), ворота и стены городищ со столбовыми конструкциями. В ходе исследования платформы № 4 на Тэрэлжийне было найдено 70 532 фрагмента кровельной черепицы общим весом 4023,5 кг и 68 фрагментов кирпича общим весом 21,92 кг. Черепица была изготовлена пленными и мигрантами из разных провинций Поднебесной, но имела элементы хуннского декора. Сами городища строились ханьцами [Ивлиев, Крадин, Васютин, 2018: 135–146; Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 230, 235]. Каково бы ни было значение данных памятников, нет никаких оснований для определения их как городов.

Пока единственным исключением является Иволгинское городище. Сложная фортификация (несколько валов и рвы между ними), несколько тысяч жителей, многочисленные жилищные комплексы, обогревавшиеся канами, разнообразный инвентарь, который говорит о том, что жители городища занимались сельским хозяйством, скотоводством, ремеслом, рыболовством, большое представительство предметов, изготовленных по китайским технологиям, в том числе с иероглифическими надписями. Наличие китайского населения подтверждается находками значительного количества по-

гребений выходцев из Китая в составе синхронного Иволгинского могильника. По совокупности признаков Иволгинское городище можно определить как ранний город империи Хунну. Другие поселения с жилыми помещениями и следами хозяйственной деятельности с учетом их ограниченного размера не могут претендовать на городской статус [Крадин, Ивлиев, Васютин, 2018: 237].

Важно также отметить, что эпоха «великих шаньюев», т. е. наивысшего могущества империи в конце III — середине II в., представлена только поселенческими памятниками без культурного слоя. Захоронения элит этого периода не обнаружены. Террасные захоронения знати хунну по характеру погребального обряда, сопровождающим захоронениям, трудоемкости погребальной конструкции, богатейшему инвентарю лишь косвенно могут свидетельствовать о зарождении замкнутых элитарных групп. Все эти захоронения датируются относительно узким периодом середины I в. до н. э. — I в. н. э. Они отражают период кризиса и разделения империи на северную и южную части [Крадин, Кан Ин Ук, 2013: 17]. Сам факт того, что традиция возведения террасных захоронений рождается в тот момент, когда хуннское общество оказывается расколотым, показывает сложность процессов оформления у хунну сословной знати и их незавершенность.

Государство у хунну — весьма дискуссионная тема. В период «великих шаньюев» происходит формирование империи, налицо определенная централизация, усложнение военно-политических структур, рост могущества и даже формальное признание Хань равного ей статуса хуннского объединения. Империя Хунну этого периода была обозначена Н. Н. Крадиным как «суперсложное вождество (чифдом)» с балансированием на грани между государством (по внешнеполитическим показателям — «государственноподобная мультиполития») и более простыми формами потестарно-политической организации (внутренняя организация империи) [Крадин, 2002: 235–241, 244–246]. Созданная хунну имперская система, объединившая всю Внутреннюю Азию, способная противостоять Срединному государству, получать «подарки» и дань от ханьцев, а также контролировать земельные районы в Восточном Туркестане, — образец интеграции кланово-племенных структур и военной мощи Степи. Можно ли ее описать адекватно с помощью понятий «имперская конфедерация» или «суперсложное вождество»? Полагаю, что два этих термина нельзя использовать как синонимы, поскольку в сложных, а тем более в суперсложных чифдомах, уровень централизации вел к возникновению иерархического порядка, что противоречит конфедеративному принципу. Поэтому эти термины достаточно условно позволяют нам оценить рост сложности общественно-политической организации хунну, других кочевников и земледельцев, интегрированных в империю. Отсутствие же сведений о фискальных чиновниках и налогах, собираемых с кочевников, позволяет говорить о государственности в Хуннской империи только гипотетически.

С падением первой кочевой империи в степи сначала возникает сяньбийская держава (конец I в. н. э. — первая треть III в. н. э.), а вслед за ней Жуань-жуаньского (Жужанского) каганата (середина III в. — 552 г.). Сяньбийская полития и Жуань-жуаньский каганат в целом являлись кочевыми империями с наиболее низким уровнем общественно-политической сложности (нет городов, оседлых страт населения, государственности, письменности, не ясна их роль в транзитной евразийской торговле). Фик-

сируется разрыв с наиболее продвинутыми общественно-политическими практиками хуннского периода.

Тюркские каганаты

Тюрки создали крупнейшую транзитную империю со сложной структурой управления. Торговля шелком вынудила тюркские элиты структурировать свои отношения с Китаем, посредниками в торговле и крупными потребителями шелка и других китайских товаров. Система государственных институтов сформировалась в основном на захваченных территориях, там, где проходили центральные магистрали Шелкового пути, где были городские центры, развивалось ремесло и земледелие (Восточный Туркестан, Семиречье, Средняя Азия). Тюрки усваивали местную управленческую практику, собирали налоги и пошлины, получали их в качестве даней, в отдельных случаях возглавляли администрацию городов, осуществляя своего рода завоевательную урбанизацию. Таким образом, в рамках Тюркского каганата к концу VI в. возник особый тип периферийной государственности.

Властные структуры каганата в Монголии первоначально напоминали иерархическую организацию управления у хунну. Доминирующая группа «племен» во главе с Ашина (в китайских источниках племена тюрков названы по имени их предводителя из Ашина; можно предполагать, что в такие племена входили не только этнические тюрки, но и аристократия, воины, слуги из других племенных групп) возвышалась над другими племенами тюрков, подчиненными уйгурами, теле, стоявшими ниже по статусу племенными объединениями. В отличие от хунну тюрки стремились к большому контролю над племенами. В письменных источниках упоминаются лица различного ранга, которые занимались регионально-территориальным и племенным управлением (шад, малые каганы, тарханы, тутуки и др.) [Liu Mau-tsai, 1958: 8, 43–44, 50, 132, 498–499; Тишин 2012: 227, 230]. Усиление надзора за племенами, поборы, захваты людей и имущества, принуждение к участию в войнах империи — все это имело ответную реакцию. В китайских хрониках сказано, что тюрки поколениями «совершали насилие», поэтому «государства восточных варваров ждут мести», а вожди западных варваров давно питают злобу к ним. Племена цигу, «которые властвуют севернее туцую, скрежеща зубами, выжидают своего случая» [Liu Mau-tsai, 1958: 46]. В 605–606 гг. на фоне распада великого тюркского эя на Западный и Восточный каганаты и длительной предшествующей междоусобицы против тюрков восстали уйгуры, пугу, тунло и байегу [Liu Mau-tsai, 1958: 350]. Хорошо известно восстание сейяньто, уйгуров, пугу и других племен теле в 628–630 гг., которое привело к разгрому тюрков, многочисленным выступлениям подчиненных племен во Втором Тюркском каганате.

В отдельные периоды укрепления власти в Тюркском каганате, например при кагане Тобо (Таспар-каган, 572–581 гг.), мы можем по примеру А. М. Хазанова говорить о возникновении ситуационной государственности (ранней государственности) или альтернативной государственности, но близкой по уровню сложности формы. Неслучайна попытка Таспара поддержать распространение буддизма среди кочевников. В теоретическом плане «ситуационность», по словам А. М. Хазанова, заключалась в том, что такие образования «без завоевания и покорения оседлого населения» были лишь «краткосрочными эпизодами в истории», появлялись накануне или в период завоеваний

и не могли долго существовать за счет внутренних ресурсов» [Хазанов, 2000: 450–451]. Конечно, Тюркский каганат в это время представлял собой гораздо более сложную политику, имел доступ к внешним ресурсам, успешно вмешивался во внутренние дела северокитайских царств Северная Ци и Северная Чжоу, получал доходы с завоеванных территорий. Но «ситуационность» проявлялась в непрочности и в большой зависимости от внешних и внутренних факторов. Достаточно вспомнить, что после смерти Таспара резко изменилась внешнеполитическая обстановка. Китай был объединен династией Суй, которая прекратила выплаты тюркам шелком и другими престижными товарами, а в 584 г. принудила кагана Ша-бо-люэ и его сына Дулань-кагана платить дань китайскому императору. Одновременно с этим закончилась завоевательная фаза развития империи, в рамках которой внутренние противоречия отходили на второй план, и началась междоусобица, закончившаяся противостоянием восточной и западной частей каганата, расколом на две отдельные политики и фактическим образованием в Восточно-тюркском каганате двух каганатов наподобие северных и южных хунну (номинальный каган Жангар возглавлял племена и союзы, перешедшие под контроль Суй и расположившиеся в пограничной зоне Поднебесной, в то время как к северу от Гоби осталась не признавшая власть китайского правителя часть тюрков с альтернативными правителями).

В отношении тюркских каганатов мы можем говорить об определенном пороге сложности общественно-политических институтов. У тюрков попытки усложнения политических структур приводили либо к катастрофе (введение Эль-каганом налогообложения в степи вызвало выступление уйгуров, пугу, сейяньто и других племен теле, способствовало вторжению войск Тан и ликвидации каганата), либо встречали сопротивление правящей элиты (категорическое возражение Тоньюкука против желания Бильге-кагана построить стены вокруг ставки, т. е. создать город, и принять буддизм). В последнем случае идея превращения ставки в город свидетельствует о том, что запрос на такие «инновации» в Степи был, но он не имел достаточной политической поддержки, так как часть кочевых элит, помнившая о том, как они жили в Китае, боялась повторения ситуации 630 г., указывая, что города и религиозные культы из Китая ослабят тюрков.

И все же во времена Второго Тюркского каганата как минимум один город существовал. Он известен нам по руническим надписям как Тогу-балык на реке Тогла (Тола) на территории, которую занимали уйгуры и их ближайшие союзники — племена пугу. Он возник не позднее начала VIII в. [Малов, 1951: 42, 66; 1959: 21; Малявкин, 1980: 124]. Но этот город мы не можем поставить в «зачет» тюркам. Он был скорее предвестником урбанизации в Уйгурском каганате [Васютин, 2011г: 64–67]. До провозглашения Уйгурского каганата, возможно, еще один город появился в уйгурских владениях. В 685 г. и во время выступлений против тюрков в 714–716 гг. часть уйгурской элиты и союзнических племенных групп укрылась в пограничных провинциях Срединного государства. В 727 г. уйгуры во главе с прямым потомком ягларкарской династии Хушу вернулись в Степь [Кляшторный, 2010: 241]. Они вынуждены были признать власть тюрков. Карабалгасунская надпись сообщает о строительстве «на равнине Орхона» еще одного города («столицы») до возникновения Уйгурского каганата (745–840 гг.), приписывая его создание Хушу (он «воспринял государство в северных краях», «построил столи-

цу», «просветленно и мудро управлял государством») [Камалов, 2001: 194]. Хушу, долго проживший в китайских владениях, был знаком с городской жизнью, принципами и методами управления в Поднебесной и после возвращения в 727 г. в степь мог перенести какие-то элементы китайского опыта на подчиненные земли, в том числе «построить» стационарную ставку на Орхоне, которую затем Элетмиш Бильге-каган сделает главной ставкой. Трудно представить, чтобы тюрки позволили подчиненным уйгурам возвести город в священном для них месте — Отыюкенской черни. Поэтому вопрос о «столице Хушу» остается открытым и требует отдельного изучения.

Уйгурская урбанизация и формирование раннего государства

Уйгурский каганат — образец альтернативного пути развития в степном пространстве. Урбанизационные процессы в империи уйгуров, их причины и факторы неоднократно обсуждались в научной литературе [Киселев, 1957: 93–95; Киселев, Евтюхова, Кызласов, Мерперт, Левашова, 1965: 14–15, 123; Barfield, 1989: 179–182; Дробышев, 2009: 17–25; Крадин, 2011: 335–336; Васютин, 2011в: 29–32; Vasyutin, 2015: 405, 408–410]. Сейчас уже понятно, что не все городища уйгурского времени, несмотря на свою сложную пространственную структуру, были местом постоянного обитания кочевого и оседлого населения. Города строились китайцами и согдийцами, но не самостоятельно, а по прямому указанию кагана: «...согдийским и китайским (мастерам) я приказал построить на (реке) Селенге (город) Байбалык» [Кляшторный, 2010: 66].

Наиболее показательным в уйгурской урбанизации, помимо строительства крупного столичного города Орду-балык (Хар-балгас), было создание сети «областных» административных центров (Бейбалык, Цагаан Сумийн балгас, Хэрмэн-дэнж и др.), городов и поселений вдоль ветки Шелкового пути, который проходил по степям Монголии из-за захвата Тибетом Ганьсу, военно-административных центров, крепостей. Ряд городов, особенно столица Орду-балык, обладали всеми признаками города (городское население и ремесло, земледельческая округа, рынки, администрация и пр.). В целом для Уйгурского каганата характерна полифункциональность городов: административное управление, ремесленно-земледельческая деятельность, торговля, осуществление религиозных культов и церемоний, оборонительные функции и т. д. [Васютин, 2011б: 100–101; 2011в: 29–31; 2012: 14, 18–20; Vasyutin, 2015: 406–408].

В Уйгурском каганате еще в VIII в. в связи с ростом городов и численности оседлых общин наблюдается усложнение системы управления. Уйгурская элита (родовая аристократия и высшая служилая знать) постепенно превращалась в исполнителей разных административно-руководящих функций. В последние три десятилетия существования каганата происходило формирование ранней государственности. Каган, его окружение, управленческий аппарат содержались за счет доходов от торговли шелком, обмена в Китае лошадей на шелк, пошлин и налогов на торговую, земледельческую и ремесленную деятельность. Одновременно с этим развивалось городское управление (главы городов, сборщики налогов, судьи), появились станции на торговых путях, в провинции также выросло число фискальных и военных чиновников [Васютин, 2011б: 101; 2011в: 31–32; 2012: 21–22; Vasyutin, 2015: 411–412].

В уйгурской кочевой империи постепенно оформилась сложная для степного пространства общественная структура. Из состава военно-аристократического окруже-

ния кагана постепенно сформировалось высшее имперское чиновничество, богатевшее за счет регулярной продажи шелка и доходов от торговли), появился управленцы среднего звена, что усложняло структуру кочевой части имперского сообщества. Элиты в Уйгурской державе не были замкнуты, о чем свидетельствует представительство среди «министров» выходцев из разных племен и согдийских общин. Еще одной особенностью «социального пространства» каганата было включение в состав элитных слоев манихейского духовенства и согдийского купечества. Существенно отличалось положение и функциональность земледельцев и ремесленников в Уйгурском каганате по сравнению с империей Хунну: они строили города и жили в них или рядом с городскими центрами [Васютин, 2011в: 29–31; 2012: 22–23].

С падением Уйгурского каганата сформировавшаяся в каганате ранняя государственность оказалась недостаточно устойчивой, поэтому в период кризиса империи ее наиболее сложные институты «исчезли», уступив место «надплеменным» и «племенным» корпорациям. Города оказались не востребованными ни кыргызами, ни оставшимися в степях Монголии номадами. Тем самым наблюдается разрыв между достижениями уйгуров и возвращением к традиционному образу жизни в разных номадных объединениях после падения каганата. В очередной раз мы можем констатировать факт отсутствия прямой преемственности сложных форм социально-политической организации уйгурской империи в объединениях номадов середины IX — начала X в. Косвенно опыт и успехи уйгуров нашли отражение в практике киданьской империи Ляо.

Империя Ляо

Империя Ляо показала пример создания кочевниками наиболее сложного в домонгольский период общественно-политического объединения [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949; Barfield, 1989: 183–186; Di Cosmo, 1999: 29–30; Крадин, 2007; Krajin, 2011; Крадин, Ивлиев, 2014: 3, 224–227, 251–255; Васютин, 2011а: 111; Vasyutin, 2015: 414]. В результате завоевания северо-восточных провинций Поднебесной возникла крупная «дуальная империя», объединившая, помимо родовых земель киданей и Северо-Восточного Китая, государство Бохай, степной мир (киданьские анклав в Центральной и Восточной Монголии), периферийные территории с племенами си, частью шивэй, чжурчжэнями и другими этническими группами.

Киданьская империя существенно отличается от своих предшественников — пасторальных имперских политий степной Монголии и даже от более сложного в политическом, социальном и экономическом отношении Уйгурского каганата. В империи Ляо произошли фундаментальные изменения власти по сравнению с базовой степной моделью: возникла сложная система правительственных учреждений (император и императорский двор с различными бюро и службами, верховный совещательный орган — Тайный совет, судебная система, возглавляемая Великим илиби, Северная и Южная канцелярии, включавшие министерства и другие ведомства, генерал-губернаторства и т. д.), оформление института *ордо* как экономической опоры военно-политического могущества киданей, культурная трансформация (письменность, образование, буддизм) [Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949: 434–467; Даньшин, 2006: 69–104; Крадин, 2007: 178–194; Krajin, 2011: 27–31; Васютин, 2011а: 112–113; Vasyutin, 2015: 417–422] — все

это и многое другое выдает зарождение новой модели кочевой империи, которую нельзя ставить в один ряд с конфедеративными степными политиями.

Важной чертой политической и социально-экономической жизни Ляо стало градостроительство, охватившее исконные земли киданей, китайские провинции, территорию Бохая и Монголии. Потребность в городах была сформирована разными запросами киданьских элит на доходы от деятельности городов, доступа к контролю за производством престижных товаров, постепенного формирования их нового образа жизни в городской среде, принятия буддизма и многими другими причинами.

Н. Ди Космо считал определяющим для империи Ляо «приобретение знаний и административных навыков для организации управления земельными областями», сочетание кочевой политической культуры с формами прямого контроля над ресурсами земледельческих народов, когда большая часть доходов поступала от прямых налогов, получаемых с земледельческих народов [Di Cosmo, 1999, 26–29]. Н. Н. Крадин оценивал характер политической власти в киданьской империи как переходный (преобладание личностных связей в верховных институтах власти, сохранение редуцированных функций у императора, использование такого механизма контроля за управленцами, как регулярные выезды императорского кортежа между пятью столицами). Особую роль Н. Н. Крадин отводил вымогательству у Сун шелка и денежных субсидий, так как эти доходы составляли «основу бюджета престижной экономики империи» [Крадин, 2007: 180–192].

В итоге мы можем констатировать, что дуальность имперского управления отразилась на дуальности источников доходов. С одной стороны, это были поставки шелка и серебра по договорам с китайской империей Сун, дань и различные поборы с зависимых народов, с другой — налоги и пошлины, собираемые с земледельческого и городского населения империи. Таким образом, в рамках империи Ляо государственно-урабанизационная модель приобрела зрелые формы, став в последующем образцом для чжурчженей и монголов.

В социальном отношении принятие элитами киданей целого ряда китайских политических и социальных практик способствовало постепенному зарождению сословных границ в элитной среде, вело к размыванию слоя рядовых кочевников, десоциализации части номадов (их оседанию и снижению статуса, использованию на государственных службах и работах, разорению, налогообложению и т. д.), созданию сильно стратифицированного общества. Элита, во многом ориентированная на стандарты жизни верховной китайской бюрократии, дополняла свое привилегированное положение различными придворными должностями, земельной собственностью, участием в распределении государственных доходов, вела мало связанный с кочевым бытом повседневный образ жизни (ее представители проживали в дворцах, где их окружала богатая утварь, великопные интерьеры, прислуга и рабы, носили роскошную одежду и аксессуары в виде поясов с золотыми и серебряными накладками, украшения, парадное оружие и др.).

Более того, императоры и их окружение своей политикой проводили своеобразный «барьер» между государственными сановниками и простыми степняками. На простых кочевников была наложена трудовая повинность, которая не распространялась на киданьские элиты. Киданьская титульная знать приобрела ряд внешних сословных

черт: семейно-брачная замкнутость высших линиджей; для ряда верховных сановников право содержания получастных армий; более мягкие наказания, чем для рядовых номадов, в случае одинаковых преступлений (характерная черта многих сословных законодательных актов Средневековья). Это дополняло и без того широкие социальные и имущественные привилегии этих слоев, например, почти исключительное право родовитых киданей на занятие государственных должностей с XI в., многочисленные ритуалы, в которых участвовало только ближайшее окружение императора [Васютин, 2011a: 114; 2019: 153, 154, 155; Vasyutin, 2015: 425–427]. В итоге в ляоском обществе наблюдалось две общественные тенденции — постепенное оформление сословных границ и образование номадно-оседлого общества. Но оба данных процесса не получили завершения, а имперский социум в Ляо имел ярко выраженные переходные черты.

Политика киданей в отношении уйгуров имела свою логику. Поскольку Уйгурский каганат олицетворял последнюю номадную империю, господствовавшую во Внутренней Азии и подчинившую киданьские племена, то основатель империи Ляо Абаоци стремился ликвидировать свидетельства былого величия уйгуров в монгольских степях, приказав своим солдатам во время рейда по степям к северу от Гоби в 924 г. уничтожать надписи на уйгурских стелах. С другой стороны, часть уйгуров укрылась в киданьских владениях после падения каганата, клан Сяо уйгурского происхождения стал брачным партнером правящего киданьского клана Елюй, представители клана Сяо занимали высшие и руководящие посты империи [Wittfogel, Feng, 1949: 191, 491; Даньшин, 2006: 25–26; Крадин, 2007: 178]. Уйгуры участвовали в строительстве киданьских городов в Монголии, обеспечении жизни ляоских гарнизонов, различных службах. Кроме того, велась активная торговля киданей с уйгурами из Восточного Туркестана.

Возвращаясь к проблеме преемственности сложных общественно-политических форм у кочевников Внутренней Азии, следует отметить, что кидании создали в Степи довольно крупные городские центры и целый ряд крепостей, малых городов, усадеб [Крадин, 2011: 337–339; Крадин, Ивлиев, 2014: 61–83; Васютин, 2011a: 113–114; Vasyutin, 2015: 422–425]. Но с падением империи Ляо эти города пришли в запустение. Аналогичная судьба ждала и городские центры Монгольской империи.

Примеры Уйгурского каганата и империи Ляо, а также Монгольской империи показывают, что сложные общественные структуры в степях Центральной Азии были неустойчивыми и дискретными, отсутствовали постоянные институты и механизмы поддержания городской инфраструктуры, государственности, культурных традиций, связанных с письменностью и образованием.

В кочевом мире Внутренней Азии рост сложности социально-политических отношений во многом обеспечивался экзогенными факторами и сильно зависел от различных внешних (военно-политических, экономических) конъюнктур. Городская инфраструктура, существование не характерных для кочевого мира социальных групп, возникновение государственных институтов могли поддерживаться только имперскими структурами. С падением империй номадов наблюдается быстрое исчезновение городской жизни и продвинутых политических и культурных практик. Однако наряду с указанной генеральной тенденцией были исключения. Примером может служить городище Хэрмэн дэнж на реке Толе, археологические материалы которого, несмотря на раз-

рыв между временем функционирования города тюрко-уйгурского периода и киданьского города Чжэньчжоу конца IX — начала XII в., позволяют говорить о некоторой преемственности и сохранении в облике киданьского города черт уйгурского градостроительства [Васютин, 2011г].

В целом, приходится признать, что преемственность городской жизни, государственности и процессов замыкания элит в кочевых империях Внутренней Азии периода раннего Средневековья за редким исключением отсутствовала. Связь Ляо и Монгольской империи прослеживается более отчетливо, но в обоих случаях градостроительный опыт киданей и монголов в монгольских степях не был востребован последующими кочевыми образованиями. Это отличает кочевые империи от землевладельческих цивилизаций, в которых социально-политический и культурный континуитет был нормой, хотя и существовали разрывы в кризисные периоды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васютин С. А. Проблемы формирования номадно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2011а. Вып. 7. История. С. 110–115.

Васютин С. А. Трансформация властных институтов уйгуров в период раннего средневековья: от племенной политики к государству // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2011б. № 1 (13). С. 99–102.

Васютин С. А. Уйгурский каганат — цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс н.э // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011 в. № 11 (113). С. 28–34.

Васютин С. А. Киданьское городище Хэрмэн дэнж и Тогу-Балык кошо-цайдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011 г. № 4. С. 63–71.

Васютин С. А. Культурная трансформация северной «варварской» периферии китайской цивилизации (на примере Уйгурского каганата) // Цивилизация и варварство: трансформация понятия и региональный опыт. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 109–128.

Васютин С. А. Сакрально-ритуальные традиции киданьской элиты // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы Первого Алтаистического форума. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 151–155.

Даньшин А. В. Государство и право киданьской империи Великое Ляо. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. 180 с.

Дробышев Ю. И. Уйгурский каганат — нетипичная кочевая империя // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 3. С. 17–26.

Ивлиев А. Л., Крадин Н. Н., Васютин С. А. Черепица городища Тэрэлжин-Дэрвэлжин, Монголия (по материалам раскопок 2015 г.) // Труды Института истории, археологии, этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 134–146.

Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы : Наш мир, 2001. 216 с.

Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101.

Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П. Древнемонгольские города. М. : Наука, 1965. 372 с.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Крадин Н. Н. Империя хунну. М. : Логос, 2002. 312 с.

Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 416 с.

Крадин Н. Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 72 (1–2). М. : Наука, 2011. С. 330–351.

Крадин Н. Н. Современные теории происхождения государства // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 6. С. 17–28.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо. М. : Наука: Восточная литература, 2014. 351 с.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А. Империя хунну и начала степной урбанизации // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 7. С. 226–240.

Крадин Н. Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013. С. 11–31.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 109 с.

Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. С. 103–126.

Савинов Д. Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 31–43.

Таскин В. С. (предисл., перевод и прим.). Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. 176 с.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М. : Наука, 1993. 472 с.

Тишин В. В. Порядок престолонаследия у древних тюрков VI–VIII вв. (по китайским источникам) // Общество и государство в Китае : материалы XLII научной конференции. М. : ИВ РАН, 2012. Т. 2. С. 226–232.

Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge : Blackwell, 1989. 325 p.

Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // Journal of World History. 1999. Vol. 10. № 1. P. 1–40.

Krader L. The Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963. 412 p.

Krader L. Formation of the State. Englewood Cliffs. New York : Prentice-Hall, 1968. 118 p.

Kradin N. N. Liao Dynasty as a Nomadic Empire // The International Conference on "Cultural Diversity of Nomads. Ulaanbaatar: International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 2011. P. 25–34.

Kwanton L. Imperial Nomads: A history of Central Asia, 500–1500. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979. 352 p.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York and London: American Geographical Society, Oxford University Press, 1940. 585 p.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). B.I. Texte. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1958. 484 s.

Pritsak O. Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker // Ural-Altäische Jahrbücher. Bd. 24. 1952. H. 1–2. S. 49–104.

Rogers D. J. The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia // Asian Perspectives. 1997. Vol. 46. № 2. P. 249–274.

Vasutin S. A. The Model of the Political Transformation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Early Medieval Pastoral Empires of Mongolia // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE. Bonn: Vor-und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 391–437.

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.

REFERENCES

Vasyutin S. A. Problemy formirovaniya nomadno-osedlogo obshchestva v imperii Lyao [Problems of Formation of Nomadic-settled society in Liao Empire]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University]. 2011a, V. 7. Istorica. S. 110–115 (in Russian).

Vasyutin S. A. Transformatsiya vlastnykh institutov uigurov v period rannego srednevekov'ya: ot plemennoi politii k gosudarstvu [Transformation of Uighur power Institutions in the Early Middle Ages: from tribal polity to the State]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorica* [Tomsk State University Journal of History]. 2011b, № 1 (13). S. 99–102 (in Russian).

Vasyutin S. A. Uigupskii kaganat — tsivilizatsionnaya al'ternativa pastoral'nym imperiyam Tsentral'noi Azii I tysyacheletiya nashei ery [Uyghur khaganate as civilization alternative to the pastoral empires of Central Asia of I millennium AD]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin Tomsk State Pedagogical University]. 2011b, № 11 (113). S. 28–34 (in Russian).

Vasyutin S. A. Kidan'skoe gorodishche Khermen denzh i Togu-Balyk koshotsaidamskikh nadpisei: k voprosu o proiskhozhdenii i etnokul'turnoi prinadlezhnosti goroda nachala VIII v. na reke Tole [Khitan Settlement Khermen Denzh and Togu-Balyq of Khöshöo Tsaidam monuments: on the Issue of Origin and Ethno-cultural identity of the Town of the Early VIII century on the Tola river]. *Vestnik Buryatskogo nauchnoogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2011r, № 4. S. 63–71 (in Russian).

Vasyutin S. A. Kul'turnaya transformatsiya severnoi "varvarskoi" periferii kitaiskoi tsivilizatsii (na primere Ugurskogo kaganata) [Cultural transformation of the Northern "barbarian" periphery of Chinese civilization (on the example of the Uyghur khaganate)]. *Civilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatij i regionalnyj opyt* [Civilization and Barbarity: transformation of the concept and regional experience]. Moscow: IVI RAN, 2012. S. 109–128 (in Russian).

Vasyutin S. A. Sakral'no-ritual'nye traditsii kidan'skoi elity [Sacred Ritual Traditions of the Khitan Supreme Elite]. *Materialy Pervogo Altaisticheskogo foruma "Tyurko-mongol'skii mir Bol'shogo Altaya: istoriko-kul'turnoe nasledie I sovremennost'"* [Materials of the First International Altaistic Forum "Turkic-Mongolian World of the Great Altai: Historical and Cultural Heritage and Modernity"]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2019. S. 151–155 (in Russian).

Dan'shin A. V. Gosudarstvo i pravo kidan'skoi imperii Velikoe Lyao [State and law of the Khitan Empire Great Liao]. Kemerovo: Kemerovskii institut (filial) GOU VPO "RGU"; Kuzbassvuzizdat, 2006. 180 c. (in Russian).

Drobyshev Yu. I. Ugurskii kaganat — netipichnaya kochevaya imperiya [Uyghur Khaganate — an atypical nomadic Empire] // *Vostok (Oriens). Afro-Aziatskie obshestva: Istorii i Sovremennost'* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2009. № 3. S. 17–26 (in Russian).

Ivliev A. L., Kradin N. N., Vasyutin S. A. Cherepitsa gorodishcha Terelzhin-Dervelzhin, Mongoliya (po materialam raskopok 2015 g.) [Tiles of Tereljín-Durvljín walled town, Mongolia (basing on materials of excavation in 2015)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii, etnografii DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS], 2018, v. 20. S. 134–146 (in Russian).

Kamalov A. K. Drevnie uigury VIII–IX vv. [*Ancient Uyghurs VIII–IX cc.*]. Almaty: Nash Mir, 2001. 216 s. (in Russian).

Kiselev S. V. Drevnie goroda Mongolii [Ancient cities of Mongolia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1957, № 2. S. 91–101 (in Russian).

Kiselev S. V., Evtukhova L. A., Kyzlasov L. R., Merpert N. Ya., Levashova V. P. Drevnemon gol'skie Goroda [*Ancient Mongolian Cities*]. Moscow: Nauka, 1965. 372 s. (in Russian).

Klyashtornyi S. G. *Runicheskie pamyatniki Ugurskogo kaganata i istoriya evrasiiskikh stepei* [Runic Inscriptions of Uyghur Khaganate and History of Eurasian Steppes]. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo "Petersburgskoe vostokovedenie". 2010. 328 s. (in Russian).

Klyashtornyi S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrasii* [Steppe Empires of ancient Eurasia]. Sankt-Petersburg: Faculty of Philosophy of Saint-Petersburg State University, 2005. 346 c. (in Russian).

Kradin N. N. *Imperiya Khunnu* [The Xiongnu Empire]. Moscow: Logos, 2002. 312 s. (in Russian).

Kradin N. N. *Kochevniki Evrasii* [Nomads of Eurasia]. Almaty: Daik-press, 2007. 416 s. (in Russian).

Kradin N. N. Goroda v srednevekovykh kochevykh impriyakh mongol'skikh stepei [Cities in the Middle Ages Nomadic Empires of Mongolian Steppes]. *Srednie veka. Issledovaniya*

po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni [Middle Ages. Studies on Medieval and Early Modern History]. 2011, №. 72 (1–2). S. 330–351 (in Russian).

Kradin N. N. Sovremennye teorii proiskhozhdeniya gosudarstva [Contemporary Theories of the Origins of the State]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology]. 2018. № 6. S. 17–28 (in Russian).

Kradin N. N., Ivliev, A. L. *Istoriya kidan'skoi imperii Lyao* [History of the Khitans Liao Empire]. Moscow: Nauka: Vostochnaia literatura, 2014. 351 s. (in Russian).

Kradin N. N., Ivliev A. L., Vasyutin S. A. Imperiya hunnu i nachala stepnoi urbanizatsii [Hunnu Empire and Beginning of Urbanization in Steppe Regions]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS], 2018, № 7. S. 226–240 (in Russian).

Kradin N. N., Kan In Uk. Sovremennye issledovaniya po arkheologii khunnu v Evrazii [Modern Research on Archaeology of the Hunns in Eurasia]. *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziiskikh gunnov* [The Hunns Forum. Problems of Origin and Identification of the Culture of the Eurasian Huns]. Chelyabinsk: Izd. tsentr Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2013. S. 11–31 (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti* [Ancient Turkic Inscriptions]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 447 s. (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti Mongolii I Kirgizii* [Ancient Turkic Inscriptions of Mongolia and Kirghizia]. Moscow ; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. 109 s. (in Russian).

Malyavkin A. G. Taktika Tanskogo gosudarstva v bor'be za gegemoniyu v vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii [The Tactics of the Tang State in the Struggle for hegemony in the Eastern part of Central Asia]. *Dal'nii Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [The Far East and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk: Izdatel'stvo "Nauka". Sibirskoe otdelenie, 1980. S. 103–126 (in Russian).

Savinov D. G. Sistema sotsial'no-etnicheskogo podcheneniya v istorii kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri [System of social and ethnic subordination in the History of nomads of Central Asia and southern Siberia]. *Mongolskaya imeriya I kochevoi mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Кн. 2. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk, 2005. S. 31–43 (in Russian).

Taskin V. S. (predislovie, perevod i primechania). *Materialy po istorii syunnu (po kitaiskim istichnikam)* [Materials on the history of Xiongnu (according to Chinese sources)]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literature, 1968, 176 s. (in Russian).

Trepavlov V. V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: problema istoricheskoy preemstvennosti* [Political system of the Mongol Empire of the 13th century (problems of historical succession)]. Moscow: Vostochnaya literature, 1993? 168 s. (in Russian).

Tishin V. V. Poryadok prestolonaslediya u drevnikh tyurkov VI–VIII vv. (po kitaiskim istichnikam) [The order of succession among the ancient Turks of the VI–VIII cc. (according to Chinese sources)]. [Society and state in China: materials of the XLII scientific conference]. Moscow, Institut vostokovedeniya Possiiskoi Akademii nauk, 2012. V. 2. S. 226–232 (In Russian).

Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell, 1989, 325 p. (in English).

Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // *Journal of World History*, 1999, vol. 10, № 1. P. 1–40 (in English).

Krader L. *The Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton, 1963, 412 p. (in English).

Krader L. *Formation of the State*. Englewood Cliffs. New York: Prentice-Hall, 1968, 118 p. (in English).

Kradin N. N. Liao Dynasty as a Nomadic Empire. *The International Conference on “Cultural Diversity of Nomads*. Ulaanbaatar: International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 2011. P. 25–34 (in English).

Kwanten L. *Imperial Nomads: A history of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979. 352 p. (in English).

Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. New York and London: American Geographical Society, Oxford University Press, 1940, 585 p. (in English).

Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. B.I. Texte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 s. (in German).

Pritsak O. Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker. *Ural-Altäische Jahrbucher*. Bd. 24. 1952. H. 1–2. S. 49–104 (in German).

Rogers D. J. The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia. *Asian Perspectives*. 1997. Vol. 46, № 2. P. 249–274 (in English).

Vasyutin S. A. The Model of the Political Transformation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Early Medieval Pastoral Empires of Mongolia. *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Bonn: Vor-und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 391–437 (in English).

Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p. (in English).

Цитирование статьи:

Васютин С. А. Проблемы преемственности сложных социально-политических форм в кочевых империях Внутренней Азии конца I тыс. до н. э. — начала II тыс. н. э. // *Нации и религии Евразии*. 2020. № 3 (24). С. 35–51.

Citation:

Vasyutin S. A. Succession issues of complicated social and political formations in inner asia nomadic empires of late 1st millenary b. c. — early iind millenary a. d. *Nations and religions of Eurasia*. 2020. № 3 (24). P. 35–51.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-03

Н. Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

С. А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ УРОЧИЩА НИЖНЯЯ СООРУ: НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ЧАСТЬ КОМПЛЕКСА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А. С. ВАСЮТИНА)*

Статья посвящена введению в научный оборот материалов раскопок серии тюркских оградок погребально-поминального комплекса Нижняя Соору (Центральный Алтай), расположенного в Онгудайском районе Республики Алтай. Данные объекты были исследованы Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина в 1981 г. К настоящему времени кратко опубликована лишь часть сооружений, что не позволяет полноценно использовать полученные материалы. На основании сведений, представленных в отчетной документации по результатам раскопок, осуществлено подробное описание изученных раннесредневековых оградок. Анализ зафиксированных показателей позволил заключить, что рассматриваемые объекты характеризуются отсутствием как ранних (небольшие каменные ящички, захоронения лошадей, нетипичная ориентировка балбалов и др.), так и более поздних (реалистичные каменные изваяния) характерных признаков тюркских «поминальных» комплексов. Установлено, что по крайней мере часть раскопанных оградок комплекса Нижняя Соору может быть отнесена к кудыргинскому этапу культуры раннесредневековых тюрков и датирована в рамках второй половины VI — первой половины VII в. н.э.

Ключевые слова: тюрки, раннее Средневековье, оградка, археологический комплекс, Алтай, хронология.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20–78–10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

N. N. Seregin

*Altai State University, Barnaul (Russia)***S. A. Vasyutin**

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

TURKIC ENCLOSURES IN THE NIZHNYAYA SOORU NATURAL BOUNDARY: UNPUBLISHED PART OF THE COMPLEX (BASED ON EXCAVATIONS BY A. S. VASYUTIN)

The article presents the publication of materials of a series Turkic enclosures in the Nizhnyaya Sooru complex (Central Altai), located in the Ongudai district of the Altai Republic. These objects were investigated by the Altai detachment of the South Siberian archaeological expedition of Kemerovo State University under the leadership of A. S. Vasyutin in 1981. To date, only part of the structures is briefly published, which does not allow the full use of the materials obtained. Based on the information presented in the reporting documentation on the results of excavations, a detailed description of the studied early medieval enclosures is carried out. An analysis of the recorded indicators allowed us to conclude that the objects under consideration are characterized by the absence of both early (small stone boxes, horse burials, atypical orientation of balbals, etc.), and later (realistic stone sculptures) characteristic signs of Turkic “funeral” complexes. It has been established that at least part of the excavated enclosures of the Nizhnyaya Sooru complex can be attributed to the Kudyrge stage of the culture of early medieval Turks and dated within the second half of the VI — first half of the VII centuries AD.

Keywords: Turks, early Middle Ages, enclosure, archaeological complex, Altai, chronology

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово (Россия). Адрес для контактов: vasutin2012@list.ru

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: nikolay-seregin@mail.ru

Vasyutin Sergey Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History and Socio-Political Sciences, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). Contact address: vasutin2012@list.ru

Большое значение для понимания историко-культурных процессов на Алтае в различные хронологические периоды имеют результаты раскопок крупных разновременных комплексов, формирование которых происходило на протяжении длительного времени. Одним из таких памятников является могильник Нижняя Соору, расположенный в центральной части региона. Первые научные работы на обозначенном комплексе проведены участниками Алтайского отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина [Васютин, 1981а] в полевом сезоне 1980 г. Уже на этапе визуальной фиксации сооружений памятника были отмечены некоторые их специфические черты, определившие перспективность дальнейших археологических изысканий в данной местности [Васютин, 1981б: 171]. В 1981 г. на могильнике Нижняя Соору осуществлены раскопки ряда объектов, подтвердившие значительный хронологический период существования комплекса — по крайней мере с эпохи энеолита до раннего Средневековья [Васютин, 1982; 1983: 192].

По различным причинам результаты этих исследований отражены в научной литературе довольно фрагментарно. В нескольких статьях осуществлена публикация находок предметов вооружения и отдельных гравированных изображений, выявленных в ходе изучения «поминальных» сооружений, а также приведены сведения о раскопках нескольких оградок и захоронения лошади [Васютин, Елин, Илюшин, 1987: 107–109, рис. 1. — 1, 2. — 22–23; Илюшин, 1995: 122, рис. 1. — А, Б, 1–3; Васютин, 2009: 89–90, рис. 3–5]. Учитывая показательный характер продемонстрированных материалов, очевидна актуальность полноценного представления полученных данных. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот серии неопубликованных «поминальных» оградок комплекса Нижняя Соору, а также интерпретация этих объектов в контексте накопленных данных о памятниках раннесредневековых тюрков Алтая и сопредельных территорий.

Характеристика материалов раскопок

Погребально-поминальный комплекс Нижняя Соору расположен в одноименном урочище, на правом берегу реки Каракол, в 3 км к югу — юго-востоку от с. Кулада Онгудайского района Республики Алтай (см. рис. 1).

Площадка, на которой расположен памятник, представляет собой небольшую узкую долину, разрезаемую в центре высохшим руслом реки Нижняя Соору и окаймленную с юга и севера горными грядами. Археологические объекты в данной местности располагаются несколькими группами-цепочками, ориентированными в широтном и меридиональном направлениях. Комплекс состоит из более 170 курганов различных размеров, около 20 оградок, а также нескольких кольцевых выкладок и одиночных стел.

В 1981 г. участниками Алтайского отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина на памятнике Нижняя Соору раскопаны 16 оградок, из которых семь (В-1–5, Г-1–2) кратко опубликованы [Васютин, 2009: 89–90, рис. 3–5]. Далее представлена характеристика остальных «поминальных» объектов, выявленных в разных частях комплекса и не введенных ранее в научный оборот (см. рис. 2).

Рис. 1. Карта расположения комплекса Нижняя Соору

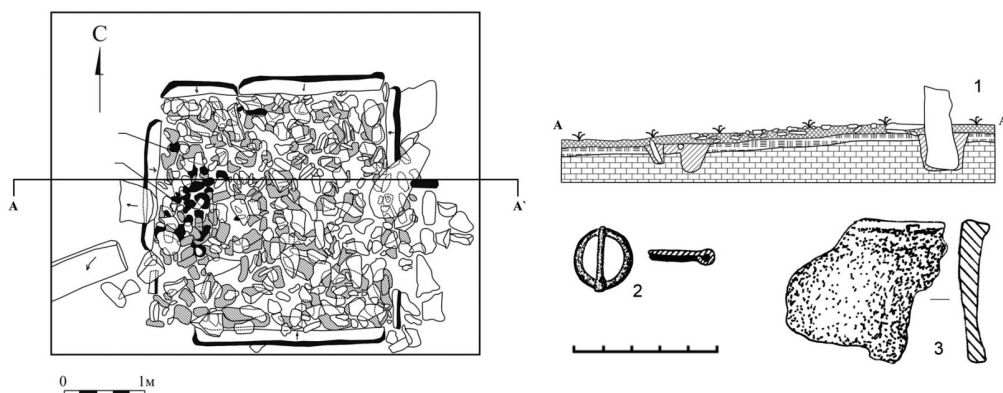

Рис. 2. Нижняя Соору. План оградки Д и находки

Одиночная *огradка Д* (рис. 2. — 1; 3) расположена к северу от объектов Г-1–2 и возведена из семи поставленных на ребро плит. Вероятно, часть элементов конструкции стенок отсутствовала в связи с частичным разрушением. Внутренняя площадь сооружения включает двухслойное заполнение в виде забутовки. Размеры объекта, ориентированного стенками по сторонам света, составляют 2,7х2,7 м. У западной стенки оградки материк оказался потревоженным в результате сооруженной здесь ямы, заполненной гумусированной супесью и обломками плит. При разборке заполнения ямы обнаружены железная пряжка (рис. 2. — 2) и венчик керамического сосуда (рис. 2. — 3). У восточной стенки оградки установлена плоская стела, общая высота которой составляла 0,6 м. Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены.

Рис. 3. Нижняя Соору. Оградка Д после расчистки первого слоя заполнения. Снято с запада

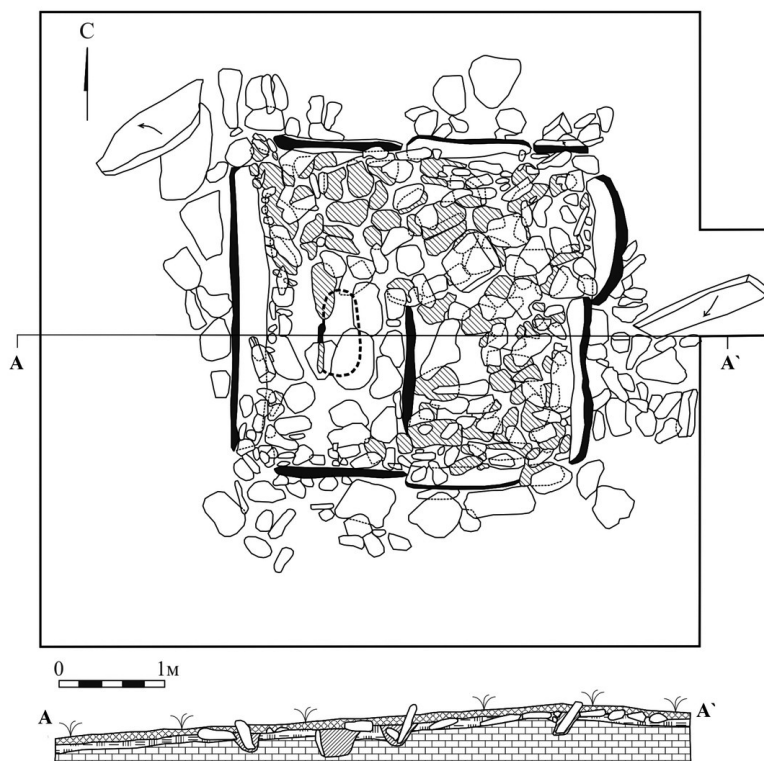

Рис. 4. Нижняя Соору. План оградки З

Одиночная **оградка 3** (рис. 4–5) расположена восточнее объектов Г и Д. Сооружение, ориентированное стенками по сторонам света, возведено из восьми поставленных на ребро плит. Внутренняя площадь объекта включает двухслойное заполнение в виде забутовки и вымостки. Размеры оградки — 1,7х1,7 м. В центре объекта выявлена вертикально установленная плита, ориентированная по линии север — юг. К западу от нее сооружена ямка размерами 0,38х0,19 м и глубиной до 0,52 м, западная стенка которой укреплена вертикальной плиткой. К востоку от оградки выявлена поваленная стела высотой 0,63 м. Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены.

Комплекс рядом стоящих **оградок И-1–3** (см. рис. 6) расположен в южной части комплекса Нижняя Соору. К моменту раскопок объекты, устроенные по линии юг — север, были сильно задернованы. Оградки ориентированы стенками по сторонам света.

Рис. 5. Нижняя Соору. Оградка 3 после расчистки заполнения.
Снято с северо-запада

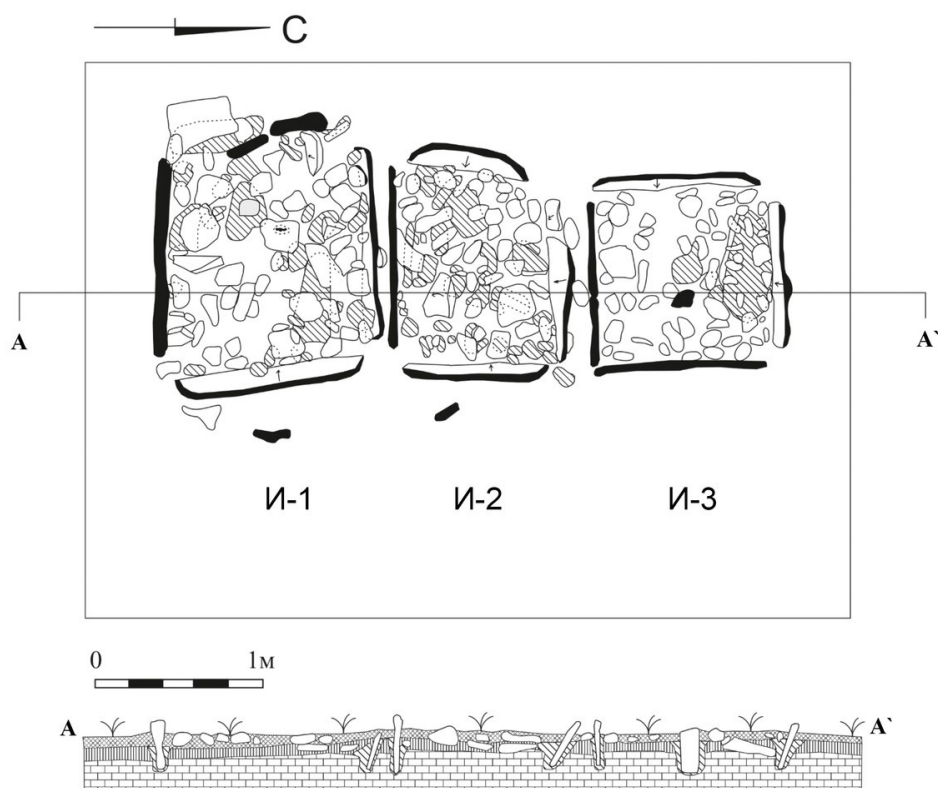

Рис. 6. Нижняя Соору. План оградок И-1–3

Оградка И-1, самая южная из описываемой группы, сооружена из пяти поставленных на ребро плит. Внутренняя площадь объекта включает двухслойное заполнение в виде забутовки из камней. Размеры оградки — 1,26x1,38 м. С восточной стороны от объекта установлена стела размерами 0,32x0,24x0,08 м. В ходе раскопок оградки каких-либо дополнительных конструкций и находок не зафиксировано.

Оградка И-2, сооруженная из четырех поставленных на ребро плит, возведена практически вплотную к северной стенке объекта И-1. Внутренняя площадь конструкции включает двухслойное заполнение в виде забутовки из камней. Размеры оградки — 1,0x1,24 м. С восточной стороны от объекта установлена стела размерами 0,12x0,16x0,04 м. Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены.

Оградка И-3 находится на расстоянии 0,1–0,15 м к северу от объекта И-2. Основу конструкции составляют четыре поставленных на ребро плиты. Внутренняя площадь оградки включает двухслойное заполнение в виде отдельных забутованных участков и вымоستок. Размеры конструкции — 1,1x1,1 м. В центре объекта выявлена стела в виде небольшого граненого столбика высотой 0,04 м (от уровня дневной поверхности) и шириной 0,1 м. В ходе раскопок оградки каких-либо дополнительных конструкций и находок не зафиксировано.

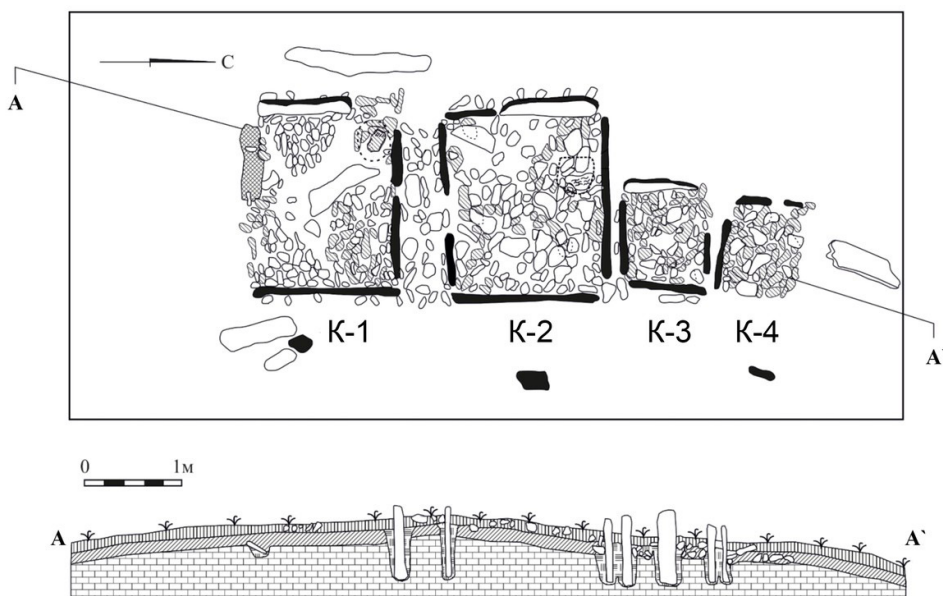

Рис. 7. Нижняя Соору. План оградок И-1–3

Комплекс рядом стоящих **оградок К-1–4** (рис. 7) расположен в южной части урочища, к юго-востоку от объектов И-1–3. Сильно задернованные сооружения, ориентированные стенками по сторонам света, устроены в один ряд, по линии юг — север.

Оградка К-1, самая южная из описываемой группы, сооружена из четырех поставленных на ребро плит, при этом южная стенка оказалась разрушена. Внутренняя площадь объекта включает двухслойное заполнение в виде забутовки из камней. Размеры оградки — 1,4х1,7 м. В северо-западном углу конструкции расчищена яма глубиной до 0,3 м, вероятно, представляющая собой нору. С восточной стороны объекта установлена небольшая стела размерами 0,13х0,14х0,1 м. Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены.

Оградка К-2, сооруженная из шести поставленных на ребро плит, возведена к северу от объекта И-1, в 0,4 м от него. Внутренняя площадь конструкции включает двухслойное заполнение в виде забутовки из камней. Размеры оградки — 1,6х1,8 м. С восточной стороны от объекта установлена стела размерами 0,29х0,11х0,09 м. В ходе раскопок оградки каких-либо дополнительных конструкций и находок не зафиксировано.

Оградка К-3 возведена практически вплотную к северной стенке объекта К-2. Основу конструкции составляют четыре поставленных на ребро плиты. Внутренняя площадь оградки включает двухслойное заполнение в виде забутовки из камней. Размеры конструкции — 0,8х0,9 м. В центре оградки выявлен небольшой каменный столбик размерами 0,58х0,2х0,14 м. Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены.

Частично разрушенная **оградка К-4** возведена практически вплотную к северной стенке объекта К-3. Судя по сохранившимся южной и западной стенкам, составленным из трех плит, а также по площади распространения забутовки, конструкция была

близка по параметрам к объекту К-3. С восточной стороны от оградки установлена стела размерами 0,11x0,18x0,08 м. В ходе раскопок объекта каких-либо дополнительных конструкций и находок не зафиксировано.

Культурно-хронологическая интерпретация объектов

Материалы раскопок оградок комплекса Нижняя Соору, как представленные в настоящей статье, так и опубликованные ранее, демонстрируют различные характеристики традиций «поминальной» обрядности раннесредневековых тюрков. Подобные сооружения являются наиболее распространенной группой объектов второй половины I тыс. н. э. на Алтае и сопредельных территориях. Сформированный опыт хронологической интерпретации таких комплексов позволяет представить возможности уточнения датировки оградок рассматриваемого памятника.

Подквадратные, стоящие рядом оградки, подобные большинству объектов, исследованных на памятнике Нижняя Соору (В-1–5, Г-1–2, И-1–3, К-1–4), представляют собой одну из наиболее распространенных групп «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрков. Судя по имеющимся материалам, такие объекты возводились на всех этапах существования культуры кочевников во второй половине I тыс. н. э. [Матренин, Сарафанов, 2006: 209; Серегин, Шелепова, 2015: 68]. Отметим расположение части оградок к востоку от цепочек курганов скифо-сакского времени — вариант планиграфии, наиболее характерный для «классических» погребальных комплексов тюрков Алтая.

Кроме того, в ходе раскопок «поминальных» сооружений памятника Нижняя Соору выявлены две одиночные подквадратные оградки (Д, З). Анализ имеющихся материалов показывает, что подобные объекты возводились на Алтае на протяжении всей второй половины I тыс. н. э., представляя собой наиболее распространенную группу подобных конструкций [Серегин, Шелепова, 2015: 67–68].

К характерным сооружениям, выявленным в ходе раскопок оградок в местности Нижняя Соору, относятся стелы и балбалы, установленные в центре объектов или к востоку от них, а также жертвенные ямки во внутренней площади. Подобные признаки не являются узко датирующими, демонстрируя распространенные традиции сооружения «поминальных» объектов тюрков Алтая и сопредельных территорий во второй половине I тыс. н. э. Оградки со стелой в центре, очевидно, могут быть соотнесены с объектами, во внутреннем пространстве которых установлен деревянный столб. Как показывают материалы раскопок таких комплексов, в том числе имеющиеся немногочисленные находки и результаты радиоуглеродного датирования, подобные сооружения возводились на протяжении длительного хронологического периода — со второй половины V в. и вплоть до X в. н.э. [Кубарев, 1978: 93–94; Могильников, Елин, 1983: 131–132, рис. 13; Могильников, 1992: 188]. Жертвенные ямки фиксируются в тюркских оградках, начиная с раннего этапа культуры кочевников. Отмечено, что почти всегда такие ямки фиксируются в объектах с центральными столбовыми углублениями [Серегин, Шелепова, 2015: 75]. К редким характеристикам можно отнести сочетание в рамках одного сооружения центральной стелы, жертвенной ямки к западу от нее и стелы с востока (оградки Г-2, З). Подобный набор признаков зафиксирован в ходе раскопок единичных объектов на Алтае [Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008: 35–38, рис. 3].

В целом, следует обратить внимание на то, что оградки памятника Нижняя Соору характеризуются отсутствием как ранних (небольшие каменные ящички, захоронения лошадей, нетипичная ориентировка балбалов и др.), так и более поздних (реалистичные каменные изваяния) характерных признаков тюркских «поминальных» комплексов.

Определенное значение для определения хронологии оградок, исследованных в урочище Нижняя Соору, имеет анализ единичных находок, выявленных в ходе раскопок. В оградках В-2 и Г-1 обнаружены железные наконечники стрел. Обозначенные предметы вооружения дальнего боя относятся к типу черешковых трехлопастных изделий с четырехугольной «срезанной» формой пера и кольцевым упором. Подобные изделия зафиксированы в нескольких раннетюркских комплексах Алтая, датирующихся в рамках второй половины V в. — первой половины VII в. н.э. [Кирюшин и др., 1998, рис. 8. — 10; Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2. — 1; 2005, рис. 25. — 1, 31. — 4].

Значительный интерес представляют гравированные изображения, нанесенные на стелу у оградки В-2. Эти рисунки, опубликованные лишь частично, требуют отдельного изучения и демонстрации в специальной работе. В настоящей статье отметим, что в целом изображения на стенках оградок и стелах/изваяниях представляют весьма редкий признак обрядовой практики кочевников Алтая и сопредельных территорий, выявленный, в том числе, в ходе раскопок «поминальных» объектов раннетюркского времени [Гаврилова, 1965, табл. VI; Кубарев, 2011].

Учитывая обозначенные характеристики «поминальных» объектов, представляется возможным заключить, что по крайней мере часть раскопанных оградок комплекса Нижняя Соору может быть отнесена к кудыргинскому этапу культуры раннесредневековых тюрков и датирована в рамках второй половины VI в. — первой половины VII в. н.э.

Публикуемые объекты, раскопанные в урочище Нижняя Соору, демонстрируют как общие, так и довольно редкие характеристики «поминальных» сооружений раннего Средневековья. Важно отметить, что описанные материалы расширяют представления о пока еще не очень многочисленной группе тюркских оградок, относящейся к эпохе Первого каганата. Обозначенная хронология сооружений комплекса Нижняя Соору основывается, главным образом, на времени бытования обнаруженных наконечников стрел. Остальные зафиксированные признаки не имеют «узкой» датировки и выявлены в ходе исследований тюркских оградок различных периодов.

В заключение следует подчеркнуть перспективность дальнейших полевых исследований на памятнике Нижняя Соору. Данное утверждение относится не столько к тюркским оградкам (если судить по визуально фиксируемым конструкциям, то большая часть таких объектов в урочище уже изучена), сколько к комплексам других хронологических периодов. В частности, значительный интерес представляют кольцевые конструкции, датируемые предположительно эпохой энеолита, а также многочисленные курганы раннего железного века и Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васютин А. С. Отчет о результатах разведки археологических памятников в бассейне рек Кокоря и Каракол Кош-Агачского и Онгудайского районов Горно-Алтайской автономной области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8681. 1981а. 76 л.

Васютин А. С. Поиски ритуальных сооружений в Горном Алтае // Археологические открытия 1980 г. М. : Наука, 1981б. С. 171.

Васютин А. С. Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8571. 1982. 105 л.

Васютин А. С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 г. М. : Наука, 1983. С. 192.

Васютин А. С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 87–94.

Васютин А. С., Елин В. Н., Илюшин А. М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 107–114.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Илюшин А. М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V, ч. 1. С. 122–125.

Кирюшин Ю. Ф., Горбунов В. В., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Древнетюркские курганы могильника Тьткескень-VI // Древности Алтая. № 3. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. С. 165–175.

Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 86–98.

Кубарев Г. В. Гравировки на плитах из раннетюркских оградок в урочище Ак-Кообы на Алтае // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. Т. 2. С. 54–59.

Матренин С. С., Сарафанов Д. Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2006. С. 203–218.

Могильников В. А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Суразаков А. С., Тишкин А. А., Шелепова Е. В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М. П. Грязнова) // Древности Алтая. № 10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 107–117.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

REFERENCES

Vasiutin A. S. Otchet o rezul'tatakh razvedki arkheologicheskikh pamiatnikov v basseine rek Kokoria i Karakol Kosh-Agachskogo i Ongudaiskogo raionov Gorno-Altayskoi avtonomnoi oblasti v 1980 g. [Report on the results of exploration of archaeological sites in the Kokorya and Karakol river basins of the Kosh-Agach and Ongudaysky regions of the Gorno-Altai Autonomous Region in 1980]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of the IA RAS]. R-1. № 8681. 1981a. 76 s. (in Russian).

Vasiutin A. S. Poiski ritual'nykh sooruzhenii v Gornom Altae [Search for ritual structures in the Altai Mountains]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1980* [Archaeological discoveries 1980]. M.: Nauka, 1981b. S. 171 (in Russian).

Vasiutin A. S. Otchet o raskopkakh i razvedke drevnetiurkskikh ogradok v Gornom Altae v 1981 g. [Report on the excavation and exploration of ancient Turkic fences in the Altai Mountains in 1981]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of the IA RAS]. R-1. № 8571. 1982. 105 s. (in Russian).

Vasiutin A. S. Issledovaniia drevnetiurkskikh ogradok v Gornom Altae [Research of ancient Turkic fences in the Altai Mountains]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1981* [Archaeological discoveries 1981]. M.: Nauka, 1983. S. 192 (in Russian).

Vasiutin A. S. Tiurkskie ogradki Ker-Kechu i Nizhnego Soru Tsentral'nogo Altaia [Turkic fences of Ker-Kechu and Lower Soru of Central Altai]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Izd-v Alt. un-ta, 2009, V. 5. S. 87–94 (in Russian).

Vasiutin A. S., Elin V. N., Iliushin A. M. Novye nakhodki predmetov vooruzheniia v drevnetiurkskikh ogradkakh Gornogo Altaia [New finds of weapons in the ancient Turkic fences of the Mountain Altai]. *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii* [Military affairs of the ancient population of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 107–114 (in Russian).

Gavrilova A. A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [Burial Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes]. M.; L.: Nauka, 1965. 146 s. (in Russian).

Iliushin A. M. Ritual'nye zakhoroneniia konei v Gornom Altae (datirovka i geografiia) [Ritual burial of horses in the Altai Mountains (dating and geography)]. *Sokhranenie i izuchenie pamiatnikov arkheologii Altaiskogo kraia* [Preservation and study of archeological monuments of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1995, V. 5, Ch. 1. S. 122–125 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Gorbunov V. V., Stepanova N. F., Tishkin A. A. Drevnetiurkskie kurgany mogil'nika Tytkesken' — VI [Ancient Turkic mounds of the Tytkesken-VI burial ground]. *Drevnosti Altaia* [Antiquities of Altai]. 1998. № 3. S. 165–175 (in Russian).

Kubarev V. D. Drevnetiurkskii pominal'nyi kompleks na D'er-Tebe [Old Turkic memorial complex on Dyer-Tebe]. *Drevnie kul'tury Altaia i Zapadnoi Sibiri* [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 86–98 (in Russian).

Kubarev G. V. Gravirovki na plitakh iz rannetiurkskikh ogradok v urochishche Ak-Kooby na Altae [Engraving on plates from Early Turkic fences in the tract Ak-Kooby in Altai]. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiiu nauchnogo otkrytiia Tomskoi pisanitsy* [Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of Tomsk writings]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. T. 2. S. 54–59 (in Russian).

Matrenin S. S., Sarafanov D. E. Klassifikatsiia ogradok tiurkskoi kul'tury Gornogo Altaia [Classification fences Turkic culture of the Gorny Altai]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediiia narodov Iuzhnoi Sibiri* [The study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altai: AKIN, 2006, V. 3–4. S. 203–218 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Drevnetiurkskie ogradki Kara-Koba-I [Ancient Turkic fences Kara-Koba-I]. *Materialy k izucheniiu proshlogo Gornogo Altaia* [Materials to the study of the past of Gorny Altai]. Gorno-Altai, 1992. S. 175–212 (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Elin V. N. Kurgany Taldura [Taldura Mounds]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Gornom Altae v 1980–1982 gg.* [Archaeological research in the Gorny Altai in 1980–1982]. Gorno-Altai: GANIILaL, 1983. S. 127–153 (in Russian).

Seregin N. N., Shelepova E. V. *Tiurkskie ritual'nye kompleksy Altaia (2-ia polovina I tys. n. e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia* [Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. Barnaul: Azbuka, 2015. 168 s. (in Russian).

Surazakov A. S., Tishkin A. A., Shelepova E. V. *Arkheologicheskii kompleks Kotyr-Tas na Altae* [Archeological complex Kotyr-Tas in Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008. 112 s. (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Rannetiurkskoe pogrebenie na mogil'nike Iakonur (po materialam raskopok M. P. Griaznova) [Ranneturk burial on the Yakonur burial ground (based on the excavations of M. P. Gryaznov)]. *Drevnosti Altaia* [Antiquities of Altai]. 2003. № 10. S. 107–117 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov v doline r. Biike (Gornyi Altai)* [The complex of archaeological sites in the valley Biyke (Altai Mountains)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н., Васютин С. А. Тюркские оградки урочища Нижняя Соору: неопубликованная часть комплекса (по материалам раскопок А. С. Васютина) // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 52–64.

Citation:

Seregin N. N., Vasyutin S. A. Turkic enclosures in the Nizhnyaya Sooru natural boundary: unpublished part of the complex (based on excavations by A. S. Vasyutin). Nations and religions of Eurasia. 2020. № 3 (24). P. 52–64.

УДК 903/904 (574/575) + 811.512.2

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-04

К. Ш. Табалдиев

Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек (Кыргызстан)

Л. Херманн

Независимый исследователь, Орлон (Бельгия)

В. В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия)

Б. А. Железняков

Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы (Казахстан)

НОВЫЕ РУНОПОДОБНЫЕ НАДПИСИ В КЕНКОЛЕ (ВЕРХОВЬЯ ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ)

Целью статьи является публикация новых данных по двум древнетюркским руноподобным надписям. Надписи были найдены в 2016 и 2019 гг. при обследовании верховьев Таласской долины — региона, где было выявлено 19 подобных древнетюркских эпиграфических памятников за более чем 120-летний период их исследования. Одна из публикуемых новых надписей несет достаточно редкую (неординарную) информацию, в том числе об устройстве древнетюркских племен, являясь тем самым необычной — посетительской, и требует дальнейшего анализа с привлечением широкого круга ученых.

В статье приводится детализированная история изучения древнетюркских памятников киргизской части Таласской долины. Изучение этих информативных эпиграфических памятников проводится с конца XIX в., когда В. Каллаур и П. Мелиоранский исследовали памятники истории и культуры, узнавая об их наличии у местных жителей. Дальнейшие находки случались уже у специалистов.

Обнаружение в верховьях реки Талас надписей показывает перспективность изучения памятников средневековой тюркской культуры в бассейне данной реки, поскольку это одно из главных скоплений памятников древнетюркской эпиграфики. Предполагается, что обследования как горной, так и преимущественно равнинной частей Таласской долины могут принести еще значительные достижения в этой области.

Ключевые слова: руноподобная надпись, Кенкол, Таласская долина, древние тюрки, история изучения, эпиграфика.

K. Sh. Tabaldiyev

Kyrgyz-Turkish University «Manas», Bishkek (Kyrgyzstan)

L. Hermann

Independent researcher, Arlon (Belgium)

V. V. Tishin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian branch Russian academy of sciences, Ulan-Ude (Russia)

B. A. Zheleznyakov

Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan Ministry of Education and Science of RK, Almaty (Kazakhstan)

NEW RUNIC INSCRIPTIONS IN KENKOL (UPPER TALAS VALLEY)

The purpose of the article is to publish new data on two ancient Turkic rune-like inscriptions, previously unknown. Inscriptions were found in 2016 and 2019 during the examination of the headwaters of the Talas Valley — the region where 19 similar Early Turkic epigraphic were known, over a more than 120-day period of it studying. One of the published new inscriptions, apparently, carries rather rare (extraordinary) information, including on the structure of the ancient Turkic tribes. Thus, it is not ordinary — visitor and requires further analysis.

A brief but detailed history of the study of Ancient Turkic inscriptions of the Talas Valley (its Kyrgyz part) is given in the article, occupying a significant place in it. The study of these informative epigraphic inscriptions has been carried out since the end of the 19th century, when V. Kallaur and P. Melioransky explored it. This times the locals knew about their presence. Further, it finds happened by specialists.

The discovery of inscriptions in the upper reaches of the Talas River shows the promise of studying monuments of medieval Turkic culture in the Talas River basin. This is one of the main clusters of finds of Ancient Turkic epigraphy. Apparently, the survey of both the mountainous and predominantly flat parts of the Talas Valley can bring further significant achievements in this area.

Key words: runic inscription, Kenkol, Talas valley, ancient Turks, history of research, epigraphy.

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, кандидат исторических наук, профессор отделения истории, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек (Кыргызстан).

Адрес для контактов: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Херманн Люк, PhD, независимый исследователь, Орлон (Бельгия).

Адрес для контактов: lhermann2@hotmail.com

Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: tihij-511@mail.ru.

Железняков Борис Анатольевич, докторант PhD, СИС, Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: boriszheleznyakov@mail.ru.

Tabaldiev Kubatbek Shakievich, Candidate of Historical Sciences, Professor of the History, the Department, Kyrgyz-Turkish University “Manas”, Bishkek (Kyrgyzstan). Contact address: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Hermann Luc, PhD, independent researcher, Orlon (Belgium). Contact address: lhermann2@hotmail.com.

Tishin Vladimir Vladimirovich, Candidate of History, S. R. E, Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian branch Russian academy of sciences, Ulan-Ude (Russia). Contact address: tihij-511@mail.ru.

Zheleznyakov Boris Anatol'evich, Doctoral Student of PhD, S. R., Institute of Archaeology named after A. H. Margulan MES of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan). Contact address: boriszheleznyakov@mail.ru.

К истории изучения руноподобных надписей Таласской долины

Археологические памятники средневековых тюркоязычных племен на территории Таласской долины Кыргызстана стали известны в научных публикациях с конца XIX в. К числу памятников относятся средневековые городища времени тюркских каганатов, курганы, каменные изваяния и наскальные рисунки. Особый корпус находок — тюркские руноподобные надписи.

В 1896 г. местные кыргызы в местности Айрытам-Ой показывали начальнику Аулие-Атинского уезда В. А. Каллауру камни с надписями. В. А. Каллаура заинтересовали археологические памятники бассейна реки Талас. О новой находке он сделал сообщение в Туркестанском кружке любителей археологии в Ташкенте [Каллауръ, 1898: 266–270, рис. XVI, XVII; Мелиоранский, 1898]. В 1898 г. на том же местечке Айрытам-Ой В. А. Каллаур нашел еще два камня с выбитыми руноподобными надписями. Сведения об этих надписях заинтересовали научную среду того времени, и сюда прибывает финно-угорская экспедиция под руководством Гейкеля. Исследователями были найдены еще два камня с руноподобными надписями [Heikel, 1918: табл. XXII–XXIV].

Обнаруженные надписи были изучены тюркологами В. В. Радловым [1899: 85] и П. М. Мелиоранским [1898: 271]. В 1932 г. на руднике Ачык-Таш археолог М. Е. Мас-

сон обнаружил четырехгранную деревянную палочку с руническими надписями [Массон, 1936].

В 1961 г. в той же местности Айрытам-Ой археолог П. Н. Кожемяко нашел очередной камень с надписью. В связи с этим туда был направлен археологический отряд под руководством археолога Д. Ф. Винника [1963: 94–95], которому удалось найти еще три камня с надписями. В 1962 г. Д. Ф. Винник обнаруживает еще один камень.

Памятники письменности предоставляли важную информацию для тюркологов, филологов, историков, археологов, культурологов, представителей других специальностей. Ни одно поколение исследователей обращались к ним как к особому фонду культурного наследия.

В 1977 г. эпиграфистом Ч. Джумагуловым в урочище Тынбас, в северо-восточной части городища Кескен-Тёбё (Тынбас. Кескен-Дёбё (Айрытам-Ой?), был обнаружен валун со средневековой руноподобной надписью (рис. 1) [Джумагулов, 1987: 21–22].

Рис. 1. Валун со средневековой руноподобной надписью. Талас. Тынбас. Кескен-Дёбё (Айрытам-Ой?)

Следующая находка была сделана Ч. Джумагуловым в 1982 г., в этой же восточной части Таласской долины, в местности Кырк-Казык [Джумагулов, 1987: 24]. Кроме валунов с надписями Ч. Джумагулов в юго-западной части Таласской долины, в ущелье Куру-Бакайыр, находит краткие тюркские наскальные надписи (рис. 2) [Джумагулов, 1987: 30–31].

Рис. 2. Валун со средневековой руноподобной надписью и сопутствующими изображениями животных. Куру-Бакайыр

В Таласской долине, на городище Джуван-Тобе, был найден камень-зернотерка с выбитой на верхней плоскости рунической надписью. Состоящая из пяти знаков надпись выполнена в обычной для таласских рунических памятников палеографической манере и содержит одно слово — «Атлах» [Кляшторный, 1999: 30]. По сообщению Махмуда Кашгари, «Атлах — название города вблизи Тараза». Археологические исследования последних лет подтвердили тождество города Атлах и Джуван-Тобе — одного из крупных городищ VI–XII вв. [Байпаков, 1998: 90]. Памятник расположен на западной границе киргизской части Таласской долины [Кожемяко, 1963: 172]. Как указывал С. Г. Кляшторный, Джуван-Тобинская надпись — первая из найденных непосредственно на территории древнего города, что указывает на более широкое применение тюркского рунического письма в городах Таласской долины и прилегающем регионе [Кляшторный, 1999: 293].

Около села Жон-Арык Таласского района, территория которого входит в ареал обнаружения известных в науке одиннадцати валунов с тюркской письменностью, в 2002 г. был обнаружен двенадцатый по счету памятник древнетюркской письменности на валуне (см. рис. 3–4).

Рис. 3. Валун с средневековой руноподобной надписью, Жон-Арык

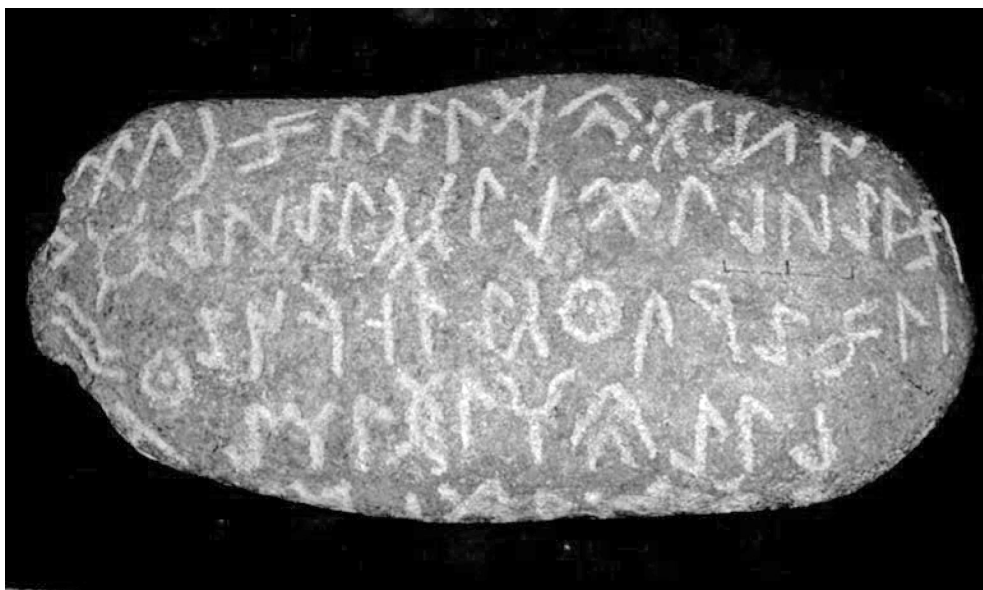

Рис. 4. Валун со средневековой руноподобной надписью, Жон-Арык

Текст прочитан тюркологом Р. Алимовым [Табалдиев, Алимов, 2004].

Перевод:

1. (Этот) молебный камень, о горе, для Аны.
2. (Его) самого, (его) рабов, (его) сокровищницы не осталось.
3. О горе, жена тогда голодной, ее корова тогда голодной остались.
4. (Его) племенной союз вместе с сыном младшего брата
5. остался.

Повествование в тексте ведется от имени третьего лица. В надписи нет так называемой авторской ремарки, т. е. смены лица от третьего к первому, которая наблюдается на некоторых памятниках. Надпись представляет собой интересный по содержанию образец эпитафийного жанра ранних тюрков, населявших когда-то бассейн Таласа.

Местность Айрытам-Ой в 2017 г. осмотрена К. Табалдиевым (рис. 5). Сейчас это место интенсивно осваивается для посева сельскохозяйственных культур. На месте обнаружения очередного валуна с руноподобной надписью найдены остатки керамических изделий, шлаков. Среди них есть фрагменты поливной керамики. Эти данные свидетельствуют о существовании надписи в эпоху Караханидов (X — начало XIII в.).

Судя по всему, здесь в эпоху раннего Средневековья обитали люди, затем образовалось крупное поселение. Местность ровная, расположена на значительном удалении от предгорья Таласского хребта. Приведенные данные дают хорошую возможность рассмотреть места развития письменной традиции «кочевников-тюрков».

Рис. 5. Айрытам-Ой (Тынбас, Кескен-Дёбё, Жон-Арык, Кырк-Казык)

Описанные выше, хотя и единичные случаи обнаружения надписей, указывают на неразрывную связь тюркской письменной традиции с их городами и остальной

средой обитания, так как они обнаруживаются в черте средневековых городов, а также в горах и предгорьях.

В 2003 г. в северо-восточной части Таласской долины, в бассейне реки Каракол, молодыми археологами Ч. Жолдошевым и А. Сулаймановой была обнаружена краткая надпись [Аманбаева, Сулайманова, Жолдошев, 2007: 160, рис. 2] (рис. 6).

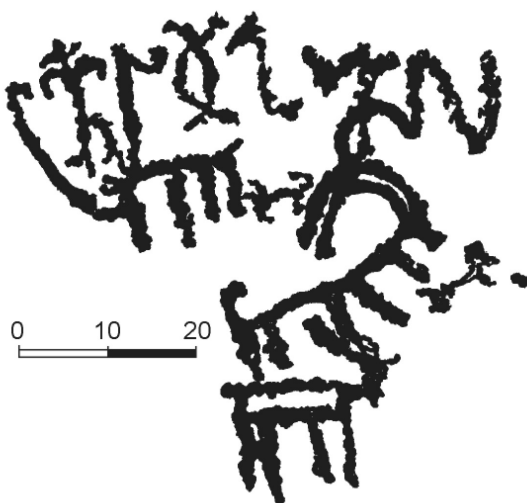

Рис. 6. Краткая средневековая руноподобная надпись, Каракол

В научной литературе известен еще один камень с надписью, обнаруженный, по всей вероятности, на территории городища Джуван-Тёбё (рис. 7) [Кляшторный, 2004: 167–169]. Надпись прочитана и переведена С. Г. Кляшторным как *Атлах* — буквально «место переправы, перевала» (из тюркского — «атла» — «перешагивать, переступить»). Городище Джуван-Тёбё находится в западной части Таласской долины.

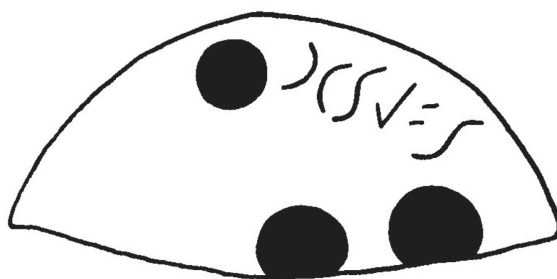

Рис. 7. Прорисовка камня с надписью с территории городища Джуван-Тёбё

До настоящего момента в Таласской долине найдено 19 надписей. Из них 12 надписей на валунах, четыре надписи на скалах, по одному — на зернотерке, деревянной палочке и маске (см. рис. 8).

Рис. 8. Ущелье Куру-Бакайыр. Руноподобная надпись на маске

Кроме надписей, на территории Таласской долины найдены более 50 каменных изваяний и петроглифы тюрков [Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987: 76].

Обнаружение в верховьях реки Талас надписей свидетельствует о перспективности изучения памятников средневековой тюркской культуры в бассейне реки Талас.

Изобразительные и эпиграфические памятники Кенкола

В Таласской долине обнаружено значительное количество наскальных рисунков эпохи бронзы и раннего железного века. В целом, памятники долины представляют значительный интерес для изучения материальной и духовной культуры племен, обитавших здесь.

Кенкол (верхний приток реки Талас) расположен в Таласской области Северо-Западного Кыргызстана, в 12 км к северо-востоку от города Таласа по течению реки Кенкол. Произведения наскального искусства, датируемые бронзовым веком, были найдены на склонах восьми долин, орошаемых притоками реки. Основными долинами с гравюрами и рисунками являются следующие (с запада на восток): Чачой, Чачке, Терек, Чачикей и Обо.

Если первые рисунки были найдены в 1938 г. [Гапоненко, 1963], то «современная» разведка была проведена в 1980 г., когда были найдены 90 плоскостей с рисунками в Обо и 127 плоскостей с покрытыми гравировками поверхностями в Чачое [Аманбаева, Сулайманова, Жолдошев, 2011: 45]. В 2010 г. Кыргызстано-корейская экспедиция изучила

рисунки в Чачикее [Чжан, Чагрынов, Жолдошев, 2011: 128]. С 2015 по 2019 г. Л. Херманном было задокументировано более 9000 рисунков (например, свыше 450 плоскостей в Обо и 427 в Чачохи) [Hermann, 2018, 2019].

Среди рисунков всех периодов средневековые изображения были найдены в следующих долинах: Джоша (более 55 среди 120 плоскостей), Чачоя (500 гравировок среди 1800 рисунков, две тамги, однако изучение материала этой долины закончено не полностью), в Тереке (всего четыре гравировки среди 392 рисунков), в Чачикее (1200 рисунков из примерно 7200 петроглифов, с пятью тамгами), в Обо (более 100 рисунков среди 1500 петроглифов и одна тамга). Однако наличие тюркских рисунков может быть важнее, чем предполагалось, потому что эти петроглифы были прочерчены, а не выбивались на скалах. Кроме того, эти гравировки имеют очень небольшие размеры (иногда всего 2–3 см). По этой причине многие из них очень трудно различить и документировать.

Первая руноподобная надпись (из публикуемых здесь) была найдена в июле 2016 г. в долине Чатчикей, которая представляет собой долину, разделенную на два основных потока: Чатчикей — западнее и Китчи Чатчикей — восточнее. Надпись была замечена на небольшом валуне, ориентированном на юго-восток на высоте 1684 м над уровнем моря, размером 6x4 см (рис. 9).

Рис. 9. Руноподобная надпись в долине Чатчикей

Хотя в Чачикее есть несколько изображений тамг, почти никаких тюркских рисунков или тамг не было в непосредственной близости от этой надписи: две тюркских тамги были примерно в 300 метрах от нее, на другом притоке. Кроме того, заплывшие руины поселения, возможно, датируемого тюркским периодом, расположены примерно в 50 м к юго-востоку от надписи.

Первая надпись:**Транскрипция:**(1) $v n^1 v q A$ (2) $I g I^2 A$ (3) $q r^1 (?) A$ **Транслитерация:**(1) $on (o)^o q A$ (2) $ig(i)l A$ (3) $q(a)ra (?)$ **Перевод (буквальный):**(1) десять стрел (*вар.*: племен?)

(2) простой (?)

(3) черный (?)

Комментарий:

Стк. 1: чтение $on (o)^o q$ не вызывает сомнений. В памятниках древнетюркской рунической письменности этим сочетанием обозначалось совокупность племен, входивших в состав Западно-тюркского каганата. Буквально здесь может быть и чтение $on oq$ «десять стрел» и $on iq$ «десять родов/племен», учитывая, что в китайских источниках западно-тюркские племена именуются как *ши цзянь* 十箭 «десять стрел», так и *ши бу* 十部 «десять племен», *ши син* 十姓 «десять фамилий», и *ши син бу-ло* 十姓部落 «племена десяти фамилий». Вопрос подробно рассматривается в работе П. Б. Голдена [Golden, 2012].

В данном случае следует отметить такую орфографическую особенность, как написание слова oq (~ $iq?$) при помощи слогового знака $^o q / \sim / q^v$, подобно тому, как в Хушо-Цайдамских памятниках, в противовес форме написания в надписях Кочкорской долины, где использован один неслоговый знак $/q/$, без графического обозначения огубленного гласного, вопреки нормам древнетюркской рунической орфографии [Alimov, 2014:185] (Dizin)), ввиду чего, как предположил Р. Алимов, писавший эти надписи мог воспринимать сочетание $on (o)q$ как одно цельное слово [Alimov, 2014: 164–165].

Закрывающий строку знак, обычно обозначающий широкий неогубленный гласный $/a/ \sim /ä/$, в данном случае выполняет пунктуационное значение [Васильев, 1983: 46, 50; Alimov, 2014: 26, No 39; Кызласов, 2012: 40–41].

Стк. 2: здесь представляется возможным предположить чтение слова *igil*, зарегистрированного в памятниках древнетюркской рунической письменности всего один раз — памятнике Могойн Шинэ Усу, в сочетании *qara igil bodun* (Восточная сторона, стк. 2 (14)), предположительно в значении «весь простой народ», а *igil* «простой» сопоставляется с монг. *egil* id. [Малов, 1959: 94; Clauson, 1972; 106; Aydin, 2016: 292]. Сэр Дж. Клосон дает значение *égil* «common, ordinary, lower class' (person)» [Clauson, 1972: 106]. Для одного из древнеуйгурских текстов IX–X вв. Дж. Гамильтон дает трактовку «Gens du commun» [Manuscripts ouïgours, 1986: 214]. Единственный пока достоверный случай употребления слова в памятниках древнетюркской рунической письменности склонил Э. Айдын к предположению, что это диалектизм, характерный для языка памятников Уйгурского каганата [Aydin, 2016: 292].

Последний знак, как и в предыдущей строке, выполняет пунктуационную функцию.

Стк. 3.: здесь, учитывая гипотетичность интерпретации второго знака как /r¹/ [Васильев, 1983: 130, табл. 23; Alimov, 2014: 25, No 29], можно предположить чтение *qara* с буквальным значением «черный», но также с рядом семантических оттенков [СИГТЯ, 2001: 592–598, 680–681]. В данном случае примечательно сочетание со словом *igil*, что, вероятно, может косвенно указывать на наличие двухэлементной конструкции с синонимичным значением каждого из составляющих ее слов. В этом случае для слова *qara* возможно предположить значение «обычный», «простой» (противопоставляющийся «знатному»). Другая возможность интерпретации состоит в том, чтобы рассматривать *qara* как личное имя, что предполагало бы совсем иную коннотацию — «могучий», «великий» и т. п. [СИГТЯ, 2001: 680–681].

В таком случае вся надпись может трактоваться следующим образом — «принадлежащий к (вар.: являющийся выходцем из) десяти стрел (племен?), Кара».

Замечания к графическому фонду:

Наибольший интерес с точки зрения особенностей графики представляет знак № 3 в строке 1. Слоговый символ /^vq/ ~ /q^v/ в виде «стрелы» начертан с направленным вверх «острием». Такое расположение знака уже зарегистрировано в одной из надписей с территории Кыргызстана (Таласская долина) [Васильев, 1983: 116, табл. 13, стк. 21, 23, 24; Alimov, 2014: 26, No 36]. Таким же ярким признаком, сближающим рассматриваемую надпись с другими памятниками региона, является с точки зрения пропорций составных элементов форма знака № 1 в строке 3 с фонемным значением /q/ [Васильев, 1983: 115, табл. 13, стк. 11; Alimov, 2014: 20, 25, No 18]. Также связь с графическими образцами, отмеченными в памятниках с территории Кыргызстана, если исходить из этой же характеристики, примыкают знак № 3 в строке 2 со значением /l²/ [Alimov, 2014: 25, No 28] и предположительно интерпретированный как /r¹/ знак № 2 в строке 3 [Васильев, 1983: 130, табл. 23, стк. 1; Alimov, 2014: 25, No 29].

Рис. 10. Руноподобная надпись на правом берегу ручья Чон Чатчикей

Вторая публикуемая руноподобная надпись была найдена в июле 2019 г. на правом берегу ручья Чон Чатчикей на высоте 1765 м над уровнем моря (см. рис. 10).

Эта надпись расположена примерно в 750 м к северо-западу от первой надписи. К сожалению, ни одно изображение тамги не связано с надписью и не присутствует в непосредственной близости. Надпись была прорезана острым инструментом на верхней горизонтальной поверхности небольшого скального валуна, размером 12x5 см.

Транскрипция:

l¹? s²? č v l¹ I t² I A

Транслитерация:

(a)č ol it[t]i ä

Перевод:

голод(ным) он сделал (*вар.:* голод он устроил)

Комментарий:

Два первых отмеченных в транскрипции знака (l¹? и s²?) гипотетичны, поскольку достаточно отдалены от основного текста надписи и, по-видимому, с ним не связаны.

Предложены два варианта чтения исходя из того соображения, что предпоследний знак /t²/ (сМ. : [Alimov R., 2014, s. 24, No 13]) не может быть в составе того же слова, что и знак /l¹/, ввиду принадлежности обозначаемых ими звуков к разным рядам. Разделяющий их знак, обозначающий узкий неогубленный гласный, может в данном случае маркировать как заднерядный /i/, так и переднерядный /i/. В обоих случаях мы можем иметь дело с формой абсолютного прошедшего времени 3 л., ед. ч. глагола *et-/it-* «организовывать» «приводить в порядок», «делать», «производить», «совершать», «исполнять» и т. п. [Clauson, 1972: 36–37; Севортян, 1974: 312–313], но при первом варианте приходится предполагать наличие инициального имплицитного закрытого /e/, во втором — реализацию начального звука через узкий /i/. Наиболее вероятным при предложенном чтении выступает, таким образом, второй вариант.

Первое слово *ač* «голодный», «голод» [Древнетюркский словарь, 1969: 3; Clauson, 1972: 17] в данном случае выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения и стоит в именительном падеже (иногда его считают неоформленным винительным). Субъектом действия при переходном глаголе *it* — выступает личное местоимение 3 лица ед. ч. *ol* «он (она, оно)». Синтаксически оно должно находиться перед дополнением, но, по-видимому, изменение порядка слов вызвано необходимостью защиты смысла, потому что, если бы местоимение предшествовало существительному, оно могло быть принято за указательное местоимение со значением «тот».

Последний знак, обозначающий широкий неогубленный гласный, не может сочетаться с предыдущим гласным, составляя с ним одно слово, потому, очевидно, имеет пунктуационное или вокативное значение.

Замечания к графическому фонду. Отличительной характеристикой надписи является форма третьего по счету с левой стороны (с конца надписи) знака со значением /t²/. Подобное соотношение размеров и расположение составляющих элементов является характерной чертой надписей с территории Таласской долины и Кочкорской долины [Васильев, 1983: 138, табл. 28, стк. 6; Alimov, 2014: 20–21, 24, No 13].

Заключение. Уже более двух десятков обнаруженных и опубликованных памятников древнетюркской эпиграфики, происходящих из горной части Таласской долины, указывают на неразрывную связь тюркской письменной традиции со всем строем жизни представителей тюркских племен. Демонстрируют связь с самыми разными сторонами этой жизни. Это было связано и с городской средой, где была обнаружена часть находок. Однако большинство памятников эпиграфики найдены на естественных поверхностях скал и валунов, в ландшафте и были связаны с ним: в горах и предгорьях, «in situ». В этой связи данные памятники обладают большей информативностью. Очевидно, тщательный анализ смысловой нагрузки всех надписей, выявление связи содержания надписи с местом находки поможет систематизировать смыслы бытовых, чисто посетительских, возможно, религиозных текстов и пусть редких, но явно имевших огромное значение для представителей всего Западно-тюркского каганата памятных текстов, связанных с эпосом, именно в природной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аманбаева Б. Э., Сулайманова А. Т., Жолдошов Ч. М. Разведывательные маршруты Таласского археологического отряда (2003–2005 гг.) // Известия национальной Академии наук КР. 2007 / 2. Бишкек : Наука, 2007. С. 156–162.

Аманбаева Б., Сулайманова А., Жолдошов Ч. Наскальное искусство Кыргызстана // Наскальное искусство в Центральной Азии. Тематическое исследование / под редакцией Jean Clottes. November. 2011. С. 43–71.

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы : Гылым, 1998. 215 с.

Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М. : Наука, 1983. 146 с.

Винник Д. Ф. Новые эпиграфические памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : Илим, 1963. С. 94–99.

Гапоненко В. М. Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : Изд-во АН Кирг.ССР, 1963. С. 101–110.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе : Илим, 1987. 167 с.

Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л. : Наука, 1969. 714 с.

Каллаур В. Новая археологическая находка в Аулиятинском уезде // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (ЗВОРАО). СПб., 1898. С. 265–271.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Таласа: проблема датировки и топографии // Изучение культурного наследия Востока. СПб. : Европейский дом. 1999. С. 30–33.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Таласа (проблемы датировки и топографии) // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.) Бишкек : Илим, 2004. С. 167–169.

Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : Илим, 1963. С. 145–224.

Кызласов И. Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // «Тарихи-мәдени мұра және заманауи мәдениет» халықаралық ғылыми-тәжірибелік семинарының материалдар жинағы / Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» [30 ноября 2012 г. Алматы, 2012] / ред. колл.: Г. Т. Телебаев, Н. С. Мухамеджанова, А. Е. Рогожинский. Алматы: Service Press, 2012. С. 40–44.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 113 с.

Массон М. Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. Вып. 6–7. Ташкент, 1936. С. 3–17.

Мелиоранский П. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде // ЗВОРАО. 1899. Т. XI. С. 271–272.

Радлов В. В. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Айртам-Ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда // ЗВОРАО. 1899. Т. XI. С. 85–87.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.

Табалдиев К. Ш. Новые древнетюркские рунические надписи Кочкорской и Таласской долин // Труды факультета истории и регионоведения. Вып. X. Бишкек, 2002. С. 131–142.

Табалдиев К., Алимов Р. Байыркы түрктөрдүн Талас жергесинде табылган жаңы эстеликтери // Түрк цивилизациясы жана мамлекеттик салты. Бишкек, 2004. С. 277–295.

Табалдиев К. Ш., Белек К. Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне). Бишкек: Учкун, 2008. 336 с.

Чжан С., Чагрынов Т. Т., Жолдошев Ч. Петроглифы Центрально-Восточного Кыргызстана // *Tongbuga Yöksa Chaedan*. Seoul. 2011. 423 с.

Шер Я. А., Миклашевич Е. А., Самашев З. С., Советова О. С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. С. 70–78.

Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya: Kömen Yayınları, 2014. (5), 262 s.

Aydın E. Dialectal Elements in the Vocabulary of the Uyghur Khanate Inscriptions // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2016. Vol. 69 (3). Pp. 285–300.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

Golden P. B. Oq and Oğur ~ Oğuz // *Turkic Languages*. 2012. Vol. 16. № 2. P. 155–199.

Heihel H. J. *Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan (Travaux ethnographiques)*. VII. 1918. 128 p.

Hermann L. *L'art rupestre de la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan*. INORA, 80, 2018. Pp. 22–31.

Hermann L. L'art rupestre de Tchatchikei dans la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan. INORA (in press).

Manuscrits ouïgours du IXe — Xe siècle de Touen-Houang / textes établis, trad. et commentés par J. Hamilton. Paris: Peeters France, 1986. T. I. xxi, 206 p.; T. II. Pp. 207–352.

REFERENCES

Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya: Kömen Yayınları, 2014. (5), 262 s.

Amanbaeva B. È., Sulaimanova A. T., Zholdoshev Ch. M. Razvedyvatel'nye marshruty Talasskogo arkheologicheskogo otriāda (2003–2005 gg.) [Reconnaissance routes of the Talas archaeological detachment (2003–2005)] // *Izvestiā natsional'noi Akademii nauk KR*. 2007 / 2. Bishkek: Nauka, 2007. S. 156–162 (in Russian).

Amanbaeva B., Sulaimanova A., Zholdoshev Ch. Naskal'noe iskusstvo Kyrgyzstana [Rock Art of Kyrgyzstan] // *Naskal'noe iskusstvo v Tsentral'noi Azii. Tematicheskoe issledovanie / Pod redaktsiei Jean Clottes*. November 2011. S. 43–71 (in Russian).

Aydın E. Dialectal Elements in the Vocabulary of the Uyghur Khanate Inscriptions // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2016. Vol. 69 (3). Pp. 285–300.

Baipakov K. M. Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom shelkovom puti [Middle ages cities of Kazakstan on the Great Silk Road]. Almaty: Gylym, 1998. 215 s. (in Russian).

Chzhan S., Chagrynov T. T., Zholdoshev Ch. Petroglify Tsentral'no-Vostochnogo Kyrgyzstana [Petroglyphs of Central-Eastern Kyrgyzstan]. Tongbuga Yöksa Chaedan. Seoul. 2011. 423 s. (in Russian).

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p.

Golden P. B. Oq and Oğur ~ Oğuz // *Turkic Languages*. 2012. Vol. 16. № 2. Pp. 155–199.

Gaponenko V. M. Naskal'nye izobrazheniia Talasskoi doliny [Rock art images of Talas Valley] // *Arkheologicheskie pamiatniki Talasskoi doliny*. Frunze: Izd-vo AN Kirg.SSR, 1963. S. 101–110 (in Russian).

Dzhumagulov Ch. Epigrafika Kirgizii [Epigraphic of Kyrgyzia]. Vypusk 3. Frunze: Ilim. 1987. 167 s. (in Russian).

Drevnetiurkskii slovar' [Early Turkic dictionary] / pod red. V. M. Nadeliaeva, D. M. Nasilova, E. R. Tenisheva, A. M. Shcherbaka. L.: Nauka, 1969. 714 s. (in Russian).

Heihel H. J. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan (Travaux ethnographiques. VII. 1918. 128 s.

Hermann L. L'art rupestre de la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan. INORA, 80, 2018. Pp. 22–31.

Hermann L. L'art rupestre de Tchatchikei dans la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan. INORA (in press).

Kallaur' V. Novaia arkheologicheskaiia nakhodka v' Aulieatinskom' uezde [New archaeological find in Aulieatinsk district] // *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskago russkago arkheologicheskogo obshchestva*. SPb, 1898. S. 265–271.

Kliashtorni S. G. Runicheskie pamiatniki Talasa: problema datirovki i topografii // *Izuchenie kul'turnogo naslediiia Vostoka*. SPb: Evropeiskii dom. 1999. S. 30–33 (in Russian).

Kliashstorni S. G. Runicheskie pamiatniki Talasa (problemy datirovki i topografii) [Runic monuments of Talas: the problem of dating and topography] // *Istochnikovedenie Kyrgyzstana (s drevnosti do kontsa XIX v)* Bishkek: Ilim, 2004. S. 167–169 (in Russian).

Kozhemiako P.N. Osedlye poseleniia Talasskoi doliny [Sedent settlements of Talas Valley] // *Arkheologicheskie pamiatniki Talasskoi doliny* // Frunze: Ilim, 1963. S. 145–224 (in Russian).

Kyzlasov I. L. Rannesrednevekovaia epigrafika Kazakhstana i Kyrgyzstana: problema datirovki, proiskhozhdeniia i prinadlezhnosti talasskogo runicheskogo pis'ma (v kratkom izlozhenii) [Early medieval epigraphy of Kazakhstan and Kyrgyzstan: the problem of dating, origin and belonging of Talas runic writing (in short)] // “Tarikhi-mādeni mұra zhāne zamanai mādeniet” khalykaralyk fыlymi-tāzhiribelik seminarynyң materialdar zhinary / Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminarā “Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaia kul'tura” [30 noiabria 2012 g. Almaty, 2012] / Red. koll.: G. T. Telebaev, N. S. Mukhamedzhanova, A. E. Rogozhinskii. Almaty: Service Press, 2012. S. 40–44 (in Russian).

Malov S. E. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of the early Turkic epigraphic in Mongolia and Kyrgyzia]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 113 s. (in Russian).

Manuscripts ouïgours du IXe — Xe siècle de Touen-Houang / textes établis, trad. et commentés par J. Hamilton. Paris: Peeters France, 1986. T. I. xxi, 206 p.; T. II. P. 207–352 (in Russian).

Masson M. E. K istorii otkrytiia drevnetiurkskikh runicheskikh nadpisei v Srednei Azii [To the history of the discovery of ancient Turkish runic inscriptions in Central Asia.]. Materialy Uzkomstarisa. Vyp. 6–7. Tashkent, 1936. S. 3–17 (in Russian).

Melioranskii P. Po povodu novoi arkheologicheskoi nakhodki v Aulieatinskom uezde [Regarding the new archaeological find in the Aulieatinsky district] // *ZVORAO* 1899 g. T. XI. S. 271–272 (in Russian).

Radlov V. V. Razbor drevnetiurkskoi nadpisi na kamne, naidennom v urochishche Airtam-Oi v Kenkol'skoi volosti Aulieatinskogo uezda [Analysis of the ancient Turkic inscription on a stone found in the tract Airtam-Oi in the Kenkolsky volost of the Aulieatinsky district] // (Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskago Russkago Arkheologicheskogo Obshchestva) *ZVORAO*. 1899 g. T. XI. S. 85–87 (in Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov [Comparative historical grammar of Turkic languages]. Leksika / otv. red. E. R. Tenishev. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 2001. 822 s. (in Russian).

Servortian E. V. Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye) [Etymological dictionary of Turkic languages (General Turkic and inter-Turkic bases on vowels)]. M.: Nauka, 1974. 767 s. (in Russian).

Sher Ia. A., Miklashevich E. A., Samashev Z. S., Sovetova O. S. Petroglify Zhaltyrak-Tasha [Petroglyphs of Zhaltyrak-Tash] // *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepi Evrazii*. Kemerovo: KemGU, 1987. S. 70–78 (in Russian).

Tabaldiev K. Sh. Novye drevnetiurkskie runicheskie nadpisi Kochkorskoi i Talasskoi dolin [New ancient Turkic runic inscriptions of the Kochkor and Talas valleys] // *Trudy fakul'teta istorii i regionovedeniia*. Vypusk Kh. Bishkek, 2002. S. 131–142 (in Russian).

Tabaldiev K., Alimov R. Baiyrky tyrktördyn Talas zhergesinde tabylgan zhanу estelikteri // Tyrk tsivilizatsiiasy zhana mamlekettik salty. Bishkek: 2004. 277–295 (in Russian).

Tabaldiev K. Sh., Belek K. Pamiatniki pis'mennosti na kamne Kyrgyzstana (svod pamiatnikov pis'mennosti na kamne) [Monuments of writing on the stone of Kyrgyzstan (a set of monuments of writing on the stone)]. Bishkek: Uchkun, 2008. 336 s.

Vasil'ev D. D. Graficheskii fond pamiatnikov tiurkskoi runicheskoi pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistematzatsii) [Graphic fund of monuments of Turkic runic writing of the Asian range (experience of systematization)]. M.: Nauka, 1983. 146 s. (in Russian).

Vinnik D. F. Novye epigraficheskie pamiatniki Talasskoi doliny [New epigraphic monuments of Talas Valley// Arkheologicheskie pamiatniki Talaskoi doliny. Frunze: Ilim, 1963. S. 94–99 (in Russian).

Цитирование статьи:

Табалдиев К. Ш., Херманн Л., Тишин В. В., Железняков Б. А. Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины) // Народы и религии Евразии. 2020. №3 (24). С. 65–82.

Citation:

Tabaldiyev K. Sh., Hermann L., Tishin V. V., Zheleznyakov B. A. New runic inscriptions in Kenkol (Upper Talas valley). Nations and religions of Eurasia. 2020. №3 (24). P. 65–82.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39: 94 (575.4)

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-05

С. Дж. Атаев

Институт истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан)

ОБРЯД ИСПРАШИВАНИЯ ДОЖДЯ У ТУРКМЕН

Историческое прошлое убедительно показывает нам, что человечество неотъемлемо связано с окружающей его природной средой и находится от нее в сильной зависимости. Одним из элементов подобной связанности на протяжении многих сотен и тысяч лет являлась вода. Засушливые условия климата Туркменистана усиливали зависимость человека от воды. Немногочисленные горные речки подгорной полосы не могли удовлетворить потребности зародившейся здесь, еще в пору позднего неолита, раннеземледельческой культуры. В подобной обстановке вода становится самым важным и ценным достатком человека. Нехватка орошаемого земледелия начинает компенсироваться сбором и бережным хранением небесных осадков, т. е. начинается освоение богарного земледелия. Изображение животворной влаги зафиксировано в духовном и материальном культурном прошлом социума. Представленные в статье материалы дают возможность более осознанно взглянуть на ценность этого природного дара и понять его. Понимая свою зависимость от природы, человек начинает адресовать свои мольбы к божественным силам и приносить жертвоприношения, вырабатывая тем самым определенные церемонии и ритуалы. Деятельность профессиональных «испрашивателей дождя» практиковалась вплоть до начала XX в. Однако до сегодняшнего дня сохранились весенние ритуальные шествия и песни, которые являются неотъемлемой частью духовной культуры туркменского народа.

Ключевые слова: дождь, испрашивание, камень, традиции, обряд, легенды, источники, песни, обливание, жрецы, жертвоприношение.

S. J. Atdayev

*Institute of History and Archeology Turkmen Academy of Sciences Ashgabat
(Turkmenistan)*

RITE OF ASKING FOR RAIN FROM TURKMENS

The historical past convincingly shows us that humanity is highly dependent. One of the elements of such a connection for many hundreds and thousands of years has been water. The arid climate of Turkmenistan intensified human dependence on water. The few mountain rivers of the foothill zone could not satisfy the needs of the early farming culture that arose here back in the late Neolithic. In such an environment, water becomes the most important and valuable wealth of man. The shortage of irrigated agriculture begins to be compensated by the collection and careful storage of heavenly precipitation, that is, the development of rainfed agriculture begins. The image of life-giving moisture is recorded in the spiritual and material cultural past of society. The materials presented in the article give us the opportunity to take a more conscious look and understand the value of this natural gift. Realizing his dependence on nature, a person begins to address his prayers to divine powers and offer sacrifices, thereby developing certain ceremonies and rituals. The activities of professional «rain seekers» were practiced until the beginning of the 20th century. Nevertheless, until the annual day when spring ritual traditions and songs were preserved, which are an integral part of the spiritual culture of the Turkmen people.

Key words: rain, asking, stone, traditions, rite, legends, sources, songs, dousing, priests, sacrifice.

Атдаев Сердар Джумаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Института истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан). Адрес для контактов: serdar63atdayev@gmail.com, serdar-atdayev@rambler.ru

Atdayev Serdar Jumaevich, candidate of historical Sciences, leading researcher of the sector of ethnography of the Institute of history and archeology of TAS, Ashgabat (Turkmenistan). contact address: serdar63atdayev@gmail.com, serdar-atdayev@rambler.ru

Вода испокон веков считалась у туркмен величайшим богатством. Люди взывали к небесным силам, вымаливая у них осадки. Почитание воды со временем привело к образованию определенных ритуалов в системе древних представлений, одним из атрибутов которых и явился обряд испрашивания дождя.

Ранние следы подобных церемоний можно проследить на древних поселениях Туркменистана. Так, в 30 км к северо-западу от Ашхабада располагается неолитический памятник Джейтун (VI–V тыс. до н. э.). Племена этой культуры положили начало земледельческому освоению прикопетдагской равнины. Ключевая роль воды в поливном земледелии нашла отражение в орнаментальных мотивах росписи на обнаруженных здесь керамических сосудах. Нанесение волнистого орнамента могло означать символическое изображение водных струй, а крупных точек — падающего дождя или снега.

Интересны археологические материалы из памятника поздней бронзы — Гонур-депе (2300–1600 гг. до н. э.). На одном из сосудов мы видим фигуру мужчины с топором за поясом. Известно, что это орудие являлось знаком грома. Можно предположить, что здесь изображен образ Бога-Громовержца. Одно из названий молнии у туркмен — это «дождевой топор». Немецкий этнограф Р. Карутц (1867–1945), совершивший в начале XX в. экспедицию по Восточному побережью Каспийского моря и полуострову Мангышлак, писал об этом так: «Во время грозы ангел, которому подвластны тучи, борется с чертом, который ему мешает: он его бьет так сильно, что гремит [гром], он стреляет в него огненными стрелами-молниями, которые сжигают траву и убивают людей, если упадут на землю; такие стрелы часто находят на равнинах Мангышлака среди выгоревшей степной травы. Их тщательно сохраняют в кибитках в сундуках или вешают на шею больным детям или животным» [Карутц, 1910: 137].

Ядачи. Если мы обратимся к ранним письменным источникам, то там говорится, что обряд вызывания дождя у древних тюрков практиковали *ядачи* — люди, владеющие искусством вызывания или прекращения небесных осадков. В китайской хронике «Чжоу-шу» (VI в.) сообщается о тюрке по имени Ичжини-нишыду, который умел вызывать дожди [Бичурин, 1950: 222]. У Махмуда Кашгари (1029–1102) сказано, что слово *ят* — колдовство, волшебство, связанное с вызыванием дождя и ветра, а *ятчи* — заклинатель, волшебник [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 742]. Слово *ят* в тюркских языках встречается в различных вариантах: *яда*, *джада*, *сата*, *зада* и т. д. К примеру, в туркменском языке мы находим: *джады* — колдовство, магия; *джадыгой* — колдун, чародей, маг; *джадылама* — ворожба, заклинание; *джадылык*, *джадыгойлик* — колдовство, магия. Наряду с этим, в туркменском языке существует и вариант *ятчы* — волшебника, гадающего при помощи камня *яд*.

Для выполнения обряда существовали даже особые правила — *рисале*. В уйгурском варианте послания о низведении дождя, записанным С. Е. Маловым в 1913–1915 гг. в Китайском Туркестане, говорится, что «искусству *яда* прежде всего был научен преподобный Адам, затем это осталось преподобному (хазрят) пророку Сулейману». Далее следует просьба: «Белое облачко мое, спустись с грохотом. Белое мое облачко и голубое облачко! Эй, черное мое облачко, придите с дождем, резвись, и с шумом придите! Пророк Сулейман дал разрешение! Просится помощь О Ильяс! О Хызр! Помогай!» [Малов, 1947: 154].

Интересно отметить, что имена этих пророков в туркменской мифологии также связаны с водой. Пиром всех вод являлся *Сулейман-нигамбер*. Это святой упомянут в стихах туркменского классика Махтумкули (1724–1807):

Suwa, ýele hökmi geçen Süleýman.

Повелевал ветрами и водой Сулейман. [Magtymguly, 2012a: 403].

Озерами и реками правил святой *Ильяс-нигамбер*. Он являлся покровителем утопающих и защищал от злобных водяных сил. Его имя также встречается в стихах Махтумкули:

Ylýas kimin ebr çöken suwlarda.

Вод Ильясовых синь и небес эфир. [Magtymguly, 2012a: 27].

Также в творчестве Махтумкули есть сокровенные строки, обращенные непосредственно к Всевышнему:

Kadyr Alla, dökgün rahmet-barany
Ekiniň hemdemi, ýeriň ýarany,
Ýeriň, gögüň, arşyň-kürsüň subhany,
Rehm eýleýip, ýagmyr ýagdyr, soltanym!

*Всемогущий Аллах, пролей нам в поддержку дождь,
Помощник посевам, Друг земли.
Досточтимый Повелитель, Союзник земли, небес,
Высшей и низшей небесных сфер,
Окажи милость, дождь ниспошли, о мой Султан!*
[Magtymguly, 2012b: 113].

Яда. Испрашивание дождя осуществлялось при помощи *дождевого камня*. Упоминание о камне яда имеются у Абу-Долефа Мисри (X в.), но еще раньше в отчетах одного сирийского монаха VII в. в описании событий, происходивших во время правления Элиаса из Мерва [Малов, 1947: 152].

Сведения об обряде испрашивания дождя при помощи дождевого камня встречается у Махмуда Кашгари. Он пишет, что *ятчи* — это заклинатель, волшебник, а *ят* «ворожба с помощью особых камней. С ее помощью можно вызвать дождь, ветер и т. п., в их среде это распространено». «Я видел сам, как это делали Йагма при тушении пожара. Среди лета пошел снег, с соизволения Аллаха Всевышнего, и у меня на глазах пожар был потушен» [Махмуд ал-Кашгари, 2005: 742].

Данные о подобных ритуалах встречаются у многих средневековых авторов. Об этом сообщают: Тамим ибн Бахр (IX в.), Ибн аль-Факиха (IX–X вв.), Гардизи (XI в.), Насави (1010–1075), Якут аль-Хамави (1178–1229), Джувейни (1226–1283), Яхйя ибн Мухаммеда (XIII в.), Амин Рази (XVI–XVII вв.) и др. Здесь мы приведем лишь некоторые из этих материалов.

Средневековый автор Яхйя ибн Мухаммед повествует о том, что в войске султана Мухаммеда Хорезмшаха (1200–1220 гг.) некий тюрок выполнял ритуал испрашивания дождя. Он погружал две тростинки в посуду с водой, а к третьей подвешивал змею. Следом опускал в воду два дождевых камня, а спустя какое-то время тер их друг о друга. Все это повторялось семь раз. Он громко читал заклинания, и вскоре на небе начали проявляться темные тучи [Ўahýa ibn Muhammet].

В географическом сочинении Ибн аль-Факиха (IX–X вв.) «Китаб ахбар аль-булдан», написанном в 902/903 г., повествование о событиях ведется от имени огузского царевича Балкика. Ибн аль-Факих пишет, что предок Балкика достиг страны, где находилась волшебная гора. Солнце было столь жгучим и немилосердным, что испепеляло все живое вокруг. Местные жители укрывались от палящих лучей небесного светила в глубоких подземельях и пещерах. Дикие же животные находили спасение, прибегая к помощи «дождевых» камней. Они брали в рот эти камни, поднимали головы к небу, и на небосклоне волшебным образом появлялись спасительные дождевые облака. Спустя некоторое время дед Балкика со своими друзьями сумел собрать эти чудесные кам-

ни. Они направили камни против солнца, после чего небо затянулось тучами, а это также спасло их от раскаленных лучей солнца [Ибн аль-Факих, 1939: 153].

Ибн аль-Факих также приводит рассказ Иса ал-Мервези, который сообщал: «Я слышал, как Исмаил ибн Ахмед, эмир Хорасана (892–907), говорил: “В один из годов я ходил в поход на тюрок, что в рядах был тюрок ... жрецом, и они утверждали, что он создает облака снега и града и посылает их на того, кого хочет погубить. Когда же настал следующий день и поднялось солнце, поднялось большое и страшное облако от вершины горы, к которой я прислонился с своим лагерем. Потом оно все время распространялось и увеличивалось, пока не осенило всего моего лагеря. Меня ужаснула его чернота, ... я видел в нем и ужасные звуки, которые я слышал в нем. Я понял, что это — бедствие”» [Ибн аль-Факих, 1939: 154].

Гардизи (XI в.), говорит, что у пророка Ноя было три сына. Яфет начертил имя всемогущего Бога на камне и, используя его, испрашивал дождь. Позже камень находился у огузов. Родственники Яфета начали требовать себе дождевой камень. По жребию камень должен был достаться Халлуху. Но глава огузов передал Халлуху поддельный камень, а настоящий оставил себе [Бартольд, 1973: 42]. Другая версия этого предания содержится в «Муджамал ат-таварих», согласно которому был брошен жребий, и камень должен был достаться Тюрку. Однако его дядя, Гуз ибн Мансак, передал Тюрку фальшивый камень. В обоих случаях истории о подмене камней стали первопричиной раздоров и войн. В некоторых версиях указано, что этот камень Огуз-хан получил напрямую от Яфета [Малов, 1947: 154].

Умение вызывать дождь требовало от исполнителя не только определенных навыков, но и большой ответственности. Насави (1010–1075) пишет, что «Султан Джалал ад-Дина Манкбурни (1199–1231) сам исполнял ритуал испрашивания дождя с применением камней. После одного подобного сеанса дожди лили несколько дней. Люди стали страдать и начали жаловаться. Приближенные правителя указали ему, что обладание подобным даром требует особой осторожности и ответственности [Насави, 1996: 279].

В Туркменистане обрядом испрашивания дождя традиционно занимались местные шаманы — порханы. Ныне эта категория людей, можно сказать, исчезла. Образцы дождевых камней, которые посчастливилось увидеть, имели зеленый или серый цвет, преимущественно темных оттенков. Хранились они в лоскутах материи и помещались в кожаные мешочки. К сожалению, само действие испрашивания дождя при помощи этих камней нам непосредственно наблюдать не удалось.

Обливание человека. Распространенным обрядом испрашивания дождя у туркмен было обливание человека. Обычно для этого выбирали мирабов — распорядителей воды. Иногда практиковали сталкивание в реку злого и вспльчивого односельчанина. Туркменские шаманы — порханы помещали в воду череп животного или листок с указанием имен сорока плешивых людей. Считалось, что целью подобных действий было вызвать гнев Буркут Баба — властелина небесных осадков, который за подобное кощунство над водой накажет людей проливным дождем. Еще женщины могли незаметно забрать закваску для теста у какой-либо склочной женщины и бросить его в воду. Когда эта женщина обращалась за помощью к соседкам, то она получала отказ. Раздражение женщины нарастало все больше и больше. Она начинала громко бра-

ниться, тем самым вызывая ярость Буркут Баба. Все это также должно было вызвать сильный и обильный дождь.

Массовое обливание водой происходило ранней весной. Связано это было с праздником весеннего равноденствия — Новруз, наступаемым 21 марта. Наряду с весенним земледельческим Новрузом у туркмен также существовал и скотоводческий Новруз (*Чарва Новрузы*), который приходился на 22 февраля. В обоих случаях погода в эти дни стояла прохладная и даже холодная. Однако обливание в холодную погоду придавало этому обряду особую праздничную атмосферу*. Обряд обливания водой имеет древнюю традицию. Бируни (973–1048) сообщал, что жители Амуля направлялись к Хазарскому морю, веселясь и развлекаясь в воде [Бируни, 1957: 231].

Обливание скотины. У туркменских скотоводов существовал и другой обычай, связанный с испрашиванием дождя. После окончания стрижки овец все участники мыли руки в тазу, затем этой водой обрызгивали животных с подветренной стороны. Это делалось для того, чтобы от хозяина не ушло богатство. При обливании обычно говорили: «Güýzesin, ýagyuş-nur bolsyn!» (Пусть будет осенью зеленая трава, пусть будет дождь!). Исполняя эти действия, люди просили дождя и густой травы. Существовала примета, что если овца во время стрижки унесет во рту шерсть, то год будет дождливым.

Жертвоприношение. Жертвоприношение выглядело примерно так. Пожертвованную Буркут Баба козу обводили вокруг аула, затем привязывали на открытой местности, оставляя без питья. Страдая таким образом, животное начинало громко блеять. Ее крики должно было растрогать Буркут Баба и заставить его пролить осадки. Затем козу резали и устраивали общее угощение в знак благодарности Буркут Баба (*Burkudyň ýoluna*).

Обильное жертвоприношение обычно осуществляли в последний день Новруза (*Ahyr Nowruzly*). В больших котлах варили пшеничную кашу с мясом (*etli ýarma*), угощали ею друг друга, желали дождя, хороших урожаев пшеницы, обильной травы и т. п. (*ýagmyr ýagsyn, ekin kân bolsyn*). У туркмен по этому поводу бытовало выражение: «Nut, put, gowy gelsem, gazan süýt, erbet gelsem kellebaşajak üt» (*Если год будет удачным, котлы наполнятся молоком, если год будет засушливым, то народ будет питаться бараньими головами*). Бытовал также обряд «семени», когда проросшую пшеницу размальывали в посуде, а выдавленный сок выливали в проточную воду, что должно было вызвать дождь. В оставшуюся выжимку добавляли муку и готовили лепешки.

Ритуал испрашивания дождя, в зависимости от региона, имел несколько наименований: *туй-татын*, *суйт-хатын* или *суйт-газан*. Исполняемые при этом песни имели те же названия: *Суйт-газан*, *Чемче-гелин*, *Туй-татын*, *Коссем*. Действие имело общий сценарий: дети ходили из дома в дом по аулу и распевали стихи. Хозяева обливали их водой, а затем подавали угощения. Собранные продукты объединяли и устраивали коллективную трапезу. Иногда продукты выкладывали на крыши домов и с наступлением дождей съедали. Если раздавалась мука, то могли испечь лепешки, а из пшеницы кашу — *дянек*.

* Информация Мерета Аманмырадова, 1934 г. р., жителя села Ак-Яп Марыйского вelaya (области).

При обращении к природной стихии часто использовали куклы из дерева или ткани. Они имели специальное ритуальное назначение и применялись при обряде испрашивания дождя.

Чемче-гелин. Обряд, связанный с испрашиванием дождя, у туркмен назывался *Чемче-гелин* (Невестка-ковш). Первые сведения об этом обряде были собраны в Марыйском велаяте (области) Туркменистана еще в 1947 г. [Рукописный фонд № 840], однако более подробно они были описаны в том же велаяте в 1971 г. [Рукописный фонд № 1216]. В обряде, проводимым с наступлением весны, участвовали дети и подростки. С наступлением сумерек они обходили кругом селение, ходили по дворам и читали считалки, в которых посредством Чемче-гелин просили у Всевышнего обильного дождя.

Çemçe gelin aş islär,
Alladan ýagyş islärm
Elim hamyrda galdy,
Bir çemçejik suw islär.

Что просит Чемче-гелин?

Она просит у Всевышнего дождя.

Руки мои в тесте.

Просит Чемче-гелин ложечку воды (перевод автора статьи).

Большой ковш, густо обмотанный кусками материи, нёс впереди шествия старший из подростков. Подходя к дому, дети дружно читали считалки, в ответ хозяева одаривали их сладостями, а затем неожиданно начинали обливать водой. Процессия с радостными криками разбегалась, унося с собою Чемче-гелин. Считалось, что чем больше намокала Чемче-гелин, тем обильнее ожидался дождь.

Иногда в обряде участвовали совсем маленькие детки, тогда церемонию возглавляла одна из женщин, которая и подсказывала им текст стишка. Считалки имели несколько вариантов. Вот один из них, называемый *Тютатын*» (другой вариант — Титатын):

Tüýtätin-a, Tüýtätin,
Tüýtätine nä gerek?
Çogum-çogum biýz gerek,
Iňňe ujy tiz gerek.
Aş bişirdim, düşürdim,
Içip gitsin, Tüýtatyn.
Tüýtatyn gelyär haý bilen,
Bir meleje taý bilen,
Taýy batga batanda,
Çykarsyn haý-haý bilen,
Ýagyş ýagýara gelsin,
Saman suwara gelsin [Рукописный фонд № 1216].

Тютатын-Тютатын,

Что нужно Тютатын?

Нужен бязи большой рулон,

Да шило с острой иглой,

Сварил я кашу и уселся,

Поел и попил вдоволь Тютатын.

Шумно едет Тютатын,

Восседая на жеребце,

Если увязнет в грязи жеребец,

С силой вытянет его,

Пусть обильно льется дождь,

Орошая пожухлые травы (перевод автора статьи).

Существовало несколько вариантов исполнения *Тютатын*, вот один из них:

Toprak bulut getiriň, agdarmanam gaýtmanam,

Iner-maýa getiriň, ýükletmänem gaýtmanam,

Çuwa-torba getiriň, doldurmanam gaýtmanam,

Gaty meşik getirin, ýumşatmanam gaýtmanam [Рукописный фонд № 840].

Пригоните стаю туч, не вытряхнув из них воду, не вернись,

Пригоните верблюдов и верблюдиц, не нагрузив их водой, не вернись,

Принесите торбы-сумки, не наполнив их водой, не вернись,

Принесите отвердевший мешок, не смягчив его водой,

не вернись (перевод автора статьи).

Дождевые стишки, обращенные к богине Тютатын, имеют глубокие корни. Одна из подобных легенд была записана в Марыйском велаяте в 2017 г. [Рукописный фонд № 1171]. Она повествует о том, что жил некогда один правитель. Его супруга отличалась примерным поведением, острым умом и рассудительностью, за что в народе ее нарекли Тюйс-Хатын, что означает Истинная Госпожа. Когда предводитель удалялся на войну, управление страной переходило в руки его супруги. Но однажды наступила страшная жара. Вскоре пришла пора весеннего сева, однако засуха не отступала. Тогда народ обратился к правительнице, указав, что существует единственный способ решить проблему. Согласно поверью, в сердцевине скопления туч обитает особое водяное облачко. Если частицу этого облака удастся поместить в тыквенный сосуд, то все остальные тучи устремятся за ним следом. Оседлав ветряного коня, Тюйс-Хатын устремилась в небо. Завидев это, повелительница туч старушка Мамака воспротивилась и начала с силой трясти громовым мешком, вызывая ослепительные молнии. Тогда Тюйс-Хатын обращается с просьбой к тучам:

Gökde Nowruz hormaty,

Ýerde genji-gymmaty.

Ygal ýagar şytyr-şytyr,

Burkuda çebşi getir,

Hamyr ujundan petir —

Bulutdan nesibin ýetir,

Torba-tagara getirip,

Doldurmany gitmerin,

Gara bulut göterip,

Ýagdyrmany gitmerin.

Süýtkädini getirip,

Ýagdyrmany gitmerin.

На небе его чтут в Новруз,
 На земле он сокровище.
 Осадки прольются с шумом.
 Принесите козленка в честь Буркута.
 Замесите густо тесто.
 Принесет свою долю от туч.
 Несите торбы-сумки,
 Не уйду, не наполнив их.
 Приподняв черную тучу,
 Не уйду, не пролив дождя.
 Принесу тыквенную посуду,
 Не уйду, не пролив дождя (перевод автора статьи).

Одарив людей водой, сама Тюйс-Хатын не смогла вернуться обратно. Когда перед дождем наступает безветренная тишина, то в народе говорят: «Это Тюйс-Хатын замирает, тоскуя по Родине». Если же начинает задуть влажный ветер, то говорят: «Тюйс-Хатын оседлала ветряного скакуна и несет дождевые тучи». Со временем слово Тюйс-Хатын превратилось в Тюйтатын. В ее честь читают эти строки:

Gökde Burkut jalasy,
 Garry mamañ sanajy.
 Bir dänäni müñ getir,
 Tüýtätiniñ gulajy.
 С неба льются ливни Буркута,
 Трясет мешком старушка Мамака.
 Несет нам облачко Тюйтатын,
 За нею следует тысяча туч (перевод автора статьи).

Как видно из приведенного материала, древняя легенда об Тюйс-Хатын и обряд Чемче-гелин имеют общую основу. Рассказы о мудрой Тюйс-Хатын нашли отражение в ритуальных действиях, в которых, при помощи образа Чемче-гелин вызывают осадки.

Обряд тюйтатын связывали не только с Новрузом, но и с началом посевных работ. Мальчики и девочки ходили по дворам и напевали обрядовые куплеты. Их радостно встречали в каждом доме, давали из остатков старого урожая немного муки, хлеба и др. Собравшись в центре аула, дети разводили костры, из полученной муки пекли лепешки, ели сами и раздавали всем окружающим людям. Собравшиеся вокруг костра до поздней ночи пели песни о Тюйтатын (Тюйтатун):

Tüýtatyna tüýtatyn,
 Tüýtatyna ne gerek.
 Aş bişirin, düşürin,
 Tüýtatyn içip gelsin,
 Ýowşan ýugur ýol açyň,
 Tüýtätyn gelip geçsin.
 Тюйтатына Тюйтатын,
 Что нужно Тюйтатын?
 Готовьте угощенье, стелите скатерть,

*Пусть отведает угощение Тюйтатын,
Соберите полынь, расчистите дорогу,
Пусть пройдет Тюйтатын.*

Из-за древности своего происхождения слово «тюйтатын» в некоторых районах могло звучать как тюйтатун, а «туйт» могло произноситься как «хуйт» или «хут» [Овезов, 1976: 73].

Обряд испрашивания дождя встречается и у астраханских туркмен, там он называется «Алла юлына саадака» (пожертвование). Проводились коллективные моления, готовили специальную рисовую кашу *бутка*. Затем следовали игры и обливание друг друга водой. Детские песни должны были способствовать вызыванию дождя [Усманова, 2016: 195].

Среди ставропольских туркмен бытует обряд жертвоприношения «*Орталык садака*» (совместное жертвование), который проводят обычно весной, «чтобы не было засухи, шли дожди, и за благополучие». Ведущую роль в обряде играют муллы и старейшины аула, которые собирают деньги, достают казаны и покупают жертвенное животное — барана. Обряд проводится в особом месте близ села. Иногда садака проводят рядом со святыми местами, например, у развалины старой мечети. Мужчины режут животное и готовят бульон из баранины — *чоурпу*. Потом один или несколько мулл по очереди читают молитвы, далее чоурпу разливают в чашки, раздают присутствующим и для них и их домашних [Брусина, 2008: 32].

Для испрашивания дождя могли обращаться к рекам. В Туркменистане сохранились сведения о том, что в надежде вызвать осадки сельчане просили благосклонности у водяных хозяев рек. После каждого коллективного обращения молодые ребята переправлялись вплавь через реку. Так повторялось несколько раз.

Известно множество предай, связанных с могуществом священных рощ. В сообщении Мовсеса Каланкатуаци, автора труда X в. «История страны алуанк», сообщается, что гуннские жрецы вызывали дождь при помощи священных дубов [Мовсес Каланкатуаци, 1984: 128]. Отголоски подобных поверий сохранились в некоторых районах Туркменистана. Одно из таких мест — священная роща Унаби, называемая в народе Чылан Ата. Расположена она в горах Койтендага, рядом с селом Койтен.

Помимо камня, в заклинаниях для испрашивания дождя могли использовать другие различные предметы, например посох, или животных, чему есть множество подтверждений из исторического прошлого. Мы уже описывали, что у султана Мухаммеда Хорезмшаха (1200–1220 гг.) был тюрок, использовавший змей при ритуале испрашивания дождя [Ҷаһўа ibn Muhammet]. При обрядах вызывания дождя туркмены иногда использовали лягушку. Обычно ее подвешивали за ногу и держали в таком состоянии некоторое время [Рукописный фонд № 1171].

В туркменских селах на юге страны еще бытуют действия, которые не несут в себе видимой обрядности. В летнее время, когда наступают несносно жаркие дни, можно видеть такую картину: детвора с криками гонится за петухом или курами, стараясь обильно облить их водой. Все это происходит в веселой и радостной атмосфере. Объяснение подобным действиям сводится к тому, что так стараются вызвать прохлад-

ный дождь*. Но конкретных ответов о том, откуда пошло это поверье и с чем оно связано, получить не удалось.

Жрецы. У туркмен сохранилось множество легенд о жрецах, испрашивающих осадки. Согласно туркменскому преданию, когда монголы приблизились к воротам Старого Ургенча (Куныургенча), жители попросили поддержку у своего духовного лидера — Неджмеддина Кубра (1145–1221). Суфий сел на ворота города, свесил ноги и при помощи магического заклинания навел на округу пелену густого тумана. Враг был дезориентирован и в панике стал отступать. Правитель города поспешно вывел свое войско из крепости, чтобы организовать преследование противника. Однако стоило чудотворцу убрать свои ноги, как клубы тумана испарились, и город снова стал виден врагу. Войско монголов сгруппировалось. Последовала вторая атака. Она окончилась успехом и полным разрушением города [Байрамсахатов, 1995: 132].

Умение вызывать дождь приписывается и Бахаведдину Нагышбенди (1318–1389), основателю и проповеднику суфийского течения тарикат нагышбендия. Современники шейха свидетельствуют о даре шейха творить чудеса. Предание гласит, что жители одного города, страдавшие от сильной засухи, послали за помощью за Нагышбенди. Он пообещал помочь: вскоре собрались тучи, и дождь непрерывно лил трое суток. Вся область была обильно полита [Атдаев, 2011: 20].

Согласно представлениям туркмен дождем повелевал Буркут Баба. Пребывал он на небесах и непосредственно занимался распределением туч. Бывало, что облака не спешили выполнять его указания. В таких случаях он бил их плетью. След плети обрзовывал молнии, а вопли и стенания туч — громовые раскаты.

Покровительницей облаков была также бабушка Мамака. Она была в огромный кожаный мешок «санач» и вытряхивала из него дождь. При первых каплях дождя взрослые пугали детей: «Прячьтесь по домам, а то Мамака засунет вас в мешок и поднимет на небеса». Предполагается, что культ бабушки Мамаки и древнетюркское божество Умай тождественны.

Образ Буркут Баба был настолько популярен среди туркмен, что он мог притязать на роль главного божества. Его прототипом, вероятно, является образ главного божества тюрков — Тенгри. Некогда обожествляемый предками туркмен верховный Тенгри с приходом ислама стал утрачивать свои позиции, и его божественная власть могла частично перейти к Буркут Баба. Мовсес Каланкатуаци указывал, что небесными осадками у гуннов управлял Тенгри [Мовсес Каланкатуаци, 1984: 126]. Труд ученого «История страны алуанк» сообщает о двух богах — Куаре, боге «молний и эфирных масел» и Тенгри-хане, «громадном герое». С течением времени эти образы сливаются в одно божество, именуемое «Тенгри-ханом громовержцем» [Кляшторный, 2000: 160].

Образ Буркут Баба был очень популярен среди туркмен. П. М. Лессар, посетивший в конце XIX в. Закаспийский край, писал: «Текинцы и персы, с которыми мне приходилось говорить, называют горы, проходящие между Хомбою и Гери-рудом (Тедже-ном), Борхут, производя это название от имени святого Борхута, жившего здесь когда-то очень давно. Текинцы... говорят, что это был очень святой человек, что с людь-

* Информация Аманмырадова Мерета, 1934 г. р., жителя села Ак-Яп Марыйского вelayта (области).

ми он не знался, питался фисташками и молоком диких коз; животные его не боялись и не бегали от него... персияне об нем вовсе ничего не знают, название же взяли у текинцев» [Лессар, 1884: 174]. К тому же кругу шаманистских представлений о «хозяине дождя» относится изолированное туркменское свидетельство о Коркуте [Самойлович, 1929: 145].

Приведенные в статье материалы показывают нам всю своеобразную палитру обряда испрашивания дождя у туркмен. Сведения, почерпнутые из описаний подобных действий, позволяют нам более глубоко понять и интерпретировать этот древний ритуал. Иногда священнодействие было направлено непосредственно к воде и водным источникам. В иных случаях обращались к священным деревьям или рощам. Их общим объединяющим моментом было то, что для получения живительной влаги свои мольбы они обращали к небесным силам и Всевышнему Творцу, с обязательным заклинанием жертвенного животного. Деятельность профессиональных «испрашивателей дождя» практиковалась вплоть до начала XX в. Однако до сегодняшнего дня сохранились весенние ритуальные шествия и песни, которые являются неотъемлемой частью духовной культуры туркменского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Атдаев С. Дж. Бахаведдин Нагшбенди — образец нравственности и добродетельности // Возрождение. Ашхабад, 2011. № 12. С. 20–21.
- Байрамсахатов Н. Неджмеддин Кубра // Ашгабат. 1995. № 6. С. 132–138.
- Бартольд В. В. Собрание сочинений. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 724 с.
- Бируни. Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. I: Памятники минувших поколений. Ташкент: Фан, 1957. 486 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 381 с.
- Брусина Н. И. Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 202. М.: ИЭА РАН. 2008. 42 с.
- Ибн аль-Факих. Извлечения из «Китаб ахбар ал-Булдан» по Мешхедской рукописи // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. Т. I. С. 151–155.
- Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб.: изд. А. Ф. Девриена, 1910. 196 с.
- Кляшторный С. Г., Султанов Г. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 432 с.
- Лессар П. М. Заметки о Закаспийском крае и соседних странах (Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджуй и Хиву) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского исторического общества. Кн. XIII. 1884. 365 с.
- Малов С. Е. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // Советская этнография (СЭ). 1947. № 1. С. 151–160.
- Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- Мовсес Каланкатуаци. История страны алуанк. Ереван: Матенадаран, 1984. 258 с.

Насави. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). М. : Восточная литература, 1996. 798 с.

Овезов Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад : Ылым. 1976. 193 с.

Рукописный фонд № 840. Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана.

Рукописный фонд № 1171. Р. Гылыджов. Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана.

Рукописный фонд № 1216, папка № 9. Н. Агдаев, А. Мулькаманов. Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана.

Самойлович А. Н. Очерки по истории туркменской литературы // Туркмения. Л., 1929. Т. 1. С. 123–167.

Усманова А. Р. Межэтнические связи в праздничной культуре и фольклоре тюркоязычных групп Астраханского края // Межэтнические связи в фольклоре: материалы V Международной Школы молодых фольклористов. СПб., 2016. С. 189–207.

Magtymguly. Eserler ýygyndysy I jilt. A.: Türkmenistanyň Ylymlar akademiýasynyň Milli golýazmalar instituty, 2012a. 556 с. (на туркменском языке).

Magtymguly. Eserler ýygyndysy II jilt. A.: Türkmenistanyň Ylymlar akademiýasynyň Milli golýazmalar instituty, 2012b. 361 с. (на туркменском языке).

Ýahýa ibn Muhammet. Ýagmyr daşy // Türkmen dünýasy — 2007. № 19 (на туркменском языке).

REFERENCES

Atdaev S. Bakhaveddin Nagshbendi — obrazets npravstvennosti i dobrodetel'nosti [Bahaveddin Nagshbendi — an example of morality and virtue] // Vozrozhdeniye [Revival]. Ashgabat, 2011, no. 12. S. 20–21 (in Russian).

Bayramsakhatov N. Nedzhmeddin Kubra [Nejmeddin Kubra] // *Ashgabat* [Ashgabat], 1995, no. 6. S. 132–138 (in Russian).

Bartold V. V. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. T. VIII. M.: Nauka, 1973. 724 s. (in Russian).

Biruni. Abu Reyhan Biruni. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. T. I: *Pamyatniki minuvshikh pokoleniy*. [Monuments of past generations]. Tashkent: Fan, 1957. 486 s. (in Russian).

Bichurin N. Ya. (Iakinf). *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena* [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. T. 1. M. ; L.: Acad. Sciences of the USSR, 1950, 381 s. (in Russian).

Brusina N. I. *Stavropol'skiye turkmeny. Etnokul'turnoye razvitiye, sotsial'nyye obychai, protsessy adaptatsii i integratsii*. [Stavropol Turkmens. Ethnocultural development, social customs, processes of adaptation and integration] // *Studies in applied and urgent ethnology*. M.: IEA RAS. 2008, Issue 202, 42 s. (in Russian).

Ibn al-Fakih. *Iz vlecheniya iz "Kitab akhbar al-Buldan" po Meshkhedskoy rukopisi* [Extracts from "Kitab ahbar al-Buldan" according to the Mashhad manuscript] // *Materialy po istorii*

turkmen i Turkmenii [Materials on the history of Turkmen and Turkmenistan]. M. ; L. : Acad. Sciences of the USSR, 1939.v. I., S. 151–155 (in Russian).

Karutz R. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake* [Among the Kyrgyz and Turkmen at Mangyshlak]. SPb.: Publishing house A. F. Devriena, 1910, 196 s. (in Russian).

Klyashtorny S. G. Sultanov G. I. *Gosudarstva i narody Yevraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'ye* [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2009. 432 s. (in Russian).

Lessar P. M. *Zametki o Zakaspiyskom kraye i sosednikh stranakh (Poyezdka v Persiyu, Yuzhnuyu Turkmeniyu, Merv, Chardzhuy i Khivu)* [Notes on the Trans-Caspian Territory and neighboring countries (Trip to Persia, Southern Turkmenistan, Merv, Chardzhui and Khiva)] // *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasus Department of the Imperial Russian Historical Society]. Book XIII, 1884, 365 s. (in Russian).

Malov S. E. “Shamanskiy kamen” “yada” u tyurkov Zapadnogo Kitaya [Shaman stone “poison” among the Turks of Western China] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1947, no. 1, S. 151–160 (in Russian).

Mahmoud al-Kashgari. *Divan lugat at-Turk* [Divan lugat at-Turk]. Almaty: Dyke-Press, 2005, 1288 s. (in Russian).

Movses Kalankatuatsi. *Istoriya strany aluank* [History of the country aluank]. Yerevan: Matenadaran, 1984, 258 s. (in Russian).

Nasavi. Shihab ad-Din Muhammad ibn Ahmad al-Nasawi. *Sirat as-Sultan Jalal ad-Din Mankburni: Zhizneopisaniye sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny* [Biography of the Sultan Jalal ad-Din Mankburna]. M.: Eastern literature. RAS, 1996, 798 s. (in Russian).

Ovezov D. M. *Naseleniye doliny Chandyra i srednego techeniya Sumbara* [The population of the Chandir valley and the middle reaches of Sumbar]. Ashgabat: Ylym, 1976, 193 s. (in Russian).

Institut yazyka, literatury i natsional'nykh rukopisey imeni Makhtumkuli AN Turkmenistana. [Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts, Academy of Sciences of Turkmenistan.]. Fund № 840 (in Turkmen).

Institut yazyka, literatury i natsional'nykh rukopisey imeni Makhtumkuli AN Turkmenistana. [Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts, Academy of Sciences of Turkmenistan.]. Fund № 1171. R. Gylyjov (in Turkmen).

Institut yazyka, literatury i natsional'nykh rukopisey imeni Makhtumkuli AN Turkmenistana. [Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts, Academy of Sciences of Turkmenistan.]. Fund № 1216. N. Atdaev, A. Mulkamanov (in Turkmen).

Samoilovich A. N. *Ocherki po istorii turkmenskoy literatury* [Essays on the history of Turkmen literature] // *Turkmenistan* [Turkmenistan]. T. 1. L., 1929, p. 123–167 (in Russian).

Usmanova A. R. *Mezhetnicheskiye svyazi v prazdnichnoy kul'ture i fol'klore tyurkoyazychnykh grupp Astrakhanskogo kraya* [Interethnic ties in the festive culture and folklore of Turkic-speaking groups of the Astrakhan Territory] // *Mezhetnicheskiye svyazi v fol'klore: Materialy V Mezhdunarodnoy Shkoly molodykh fol'kloristov* [Interethnic ties in

folklore: Materials of the V International School of Young Folklorists]. SPb., 2016. S. 189–207 (in Russian).

Makhtumkuli. *Sobraniye proizvedeniy* [Collection of works]. T. I. Ashkhabad: National Institute of Manuscripts ANT. 2012a. 556 p. (in Turkmen).

Makhtumkuli. *Sobraniye proizvedeniy* [Collection of works]. T. II. Ashkhabad: National Institute of Manuscripts ANT. 2012b. 361 p. (in Turkmen).

Ýahýa ibn Muhammet. Dozhdevoy kamen' [Rain stone] // *Turkmenskiy mir* [Turkmen world]. 2007, no. 19 (in Turkmen).

Цитирование статьи:

Атдаев С. Дж. Обряд испрашивания дождя у туркмен // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 83–97.

Citation:

Atdaev S. J. Rite of asking for rain from turkmens. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 3 (24). P. 83–97.

UDK 094

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-06

D. V. Komova

*Altai State University, Barnaul (Russia)***K. S. Matytsin**

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE ALTAI OLD BELIEVERS — “POLES” IN ETHNOGRAPHIC WORKS OF THE IMPERIAL PERIOD

The article discusses the historiographic aspect of the study of the ethnographic group — the “Poles” which got its name in Altai due to the resettlement of Old Believers to Siberia from Poland in the middle of the 18th century. Since the formation of the “Poles” settlements, they periodically began to appear in publications in ethnographic works, which formed two historical stages of research of the Old Believers of Siberia in the Russian Empire. The first stage is characterized by the indirect attention paid to Old Believers “Poles” in the Altai by German travelers: P. S. Pallas, K. F. Ledebur, K. M. Meyer. The second stage, in the first place, is associated with the formation of regional departments of the Imperial Russian Geographical Society. In these works, Old Believers “Poles” appeared acted as objects of field ethnography. Also, during this period mentions of the ethnographic group were recorded in other periodicals.

The authors of the study paid special attention to the issues of the confessional composition of the “Poles”, the peculiarities of household activities and the development of territories by them interfaith and interethnic relations. As a result, considering the work of researcher’s errors were identified related to the presentation of the ethnographic group and the influence of the ideology of the imperial period on them was also noted.

Key words: Old Believers, “Poles”, Bespopovtsy, Beglopovtsy, Siberia, Altai.

Д. В. Комова*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

К. С. Матыцин*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

СТАРООБРЯДЦЫ-«ПОЛЯКИ» АЛТАЯ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается историографический аспект исследования этнографической группы — «поляки», которая получила свое название на Алтае благодаря переселению в Сибирь старообрядцев с территории Польши в середине XVIII в. С момента образования поселений «поляков» упоминания о них стали периодически появляться в публикациях, в частности, в этнографических работах, которые сформировали в Российской империи два исторических этапа исследований старообрядцев Сибири. Первый этап характеризуется обращением косвенного внимания на старообрядцев-«поляков» на территории Алтая немецкими путешественниками: П. С. Палласом, К. Ф. Ледебуром, К. М. Мейером. Второй этап связан в первую очередь с образованием региональных отделов Императорского Русского географического общества. Благодаря им появились работы, в которых старообрядцы-«поляки» выступали уже в качестве объекта полевой этнографии. Также в этот период были зафиксированы упоминания этнографической группы и в других периодических изданиях.

Авторы исследования уделили особое внимание вопросам конфессионального состава «поляков», особенностям бытовой деятельности и освоения ими территорий, межконфессиональным и межэтническим отношениям. В итоге, в ходе рассмотрения работы исследователей были выявлены ошибки, связанные с представлением этнографической группы, а также отмечено влияние на них идеологии имперского периода.

Ключевые слова: старообрядцы, «поляки», беспоповцы, беглопоповцы, Сибирь, Алтай.

Komova Daria Vladimirovna, laboratory assistant at the laboratory of ethnocultural and religious studies at Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: komova.dariya@yandex.ru

Matytsin Kirill Sergeevich, graduate student, laboratory assistant at the laboratory of ethnocultural and religious studies of Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: cyril.matytsin@gmail.com

Комова Дарья Владимировна, лаборант-исследователь лаборатории этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: komova.dariya@yandex.ru

Матыцин Кирилл Сергеевич, аспирант, лаборант-исследователь лаборатории этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: cyril.matytsin@gmail.com

The problems and historiography of the research of the Old Believers remain relevant to this day. Scientists remain interested in various aspects of the Old Believers in our time. This is a state confessional policy in relation to various historical stages, the study of written monuments of the Old Russian language, etc. Interest in the Siberian and Altai Old Believers manifested itself in the middle of the XIX century. But scientific schools were formed only in the 20th century.

A significant moment in the study of the Old Believers was the development in the 60s of the XX century the school of archaeographers in the city of Novosibirsk, created by N. N. Pokrovsky. Her goal was that she could gather under her roof scientists from various fields of humanitarian knowledge. An opportunity arose to exchange experience in research on the Old Believers, sectarianism, and popular religious movements that arose in the Russian Empire. As result, the works of N. N. Pokrovsky, T. S. Mamsik, N. A. Minenko made a huge contribution to the study and presentation of various aspects of old education in Altai. The classical struggle of the peasantry [Pokrovsky, 1974; Minenko, 1979; Mamsik, 1978, 1987].

In the Russian period, researchers are constantly studying various aspects of the Altai Old Believers and an often use the interdisciplinary approach. In the system of state-confessional policy the Old Believers in the territory of Altai and Siberia was considered by V. N. Ilyin and I. V. Kupriyanova [Ilyin, 2014, 2019; Kupriyanova, 2010, 2019]. It is worth noting the cultural studies conducted by N. A. Tadina, R. P. Kuchuganova, N. I. Shitova, in which ethnographers touched on the historical aspects of the formation and ethnosocial interaction of the Old Believers of Altai [Tadina, 1998; Kuchuganova, 2000; Shitova, 2005]. Researchers do not bypass the topic of social utopia that existed among the Altai Old Believers in the Imperial period. These include the work of E. E. Dutchak, Y. E. Krivonosov, K. S. Matytsin, L. N. Mukaeva, A. B. Ostrovsky, Yu. D. Rykov, V. A. Trusov, A. A. Chuvyurov [Dutchak, 2007; Krivonosov, 1998; Matytsin, 2019; Mukaeva, 2000, 2001; Ostrovsky, Chuvyurov 2011; Rykov, 2015; Trusov, 2006].

In modern science there is the rule of studying previous works before research has begun. At the same time, historiography as a scientific discipline in the study of the Old Believers of Altai remains little involved. Studying the historiography of the Imperial period, it is necessary to pay attention to the existing approaches to the study of the Old Believers. By touches on the problems of the Old Believers in the territory of Altai of the Imperial period, we single out historical, ethnographic, diocesan and investigative materials. So, in diocesan studies, the authors mainly focused on the currents, consents and the rites of the Old Believers. Investigative materials show the causes and severity of the offenses of the Old Believers in the Russian Empire (since the Old Believers, called sectarians by the official church and the authorities, were in a semi-legal position until 1905). In ethnographic works, emphasis was placed on the study of ethnographic groups. This approach to the Old Believers was preserved in the second half of the XX century. N. N. Pokrovsky in his work “Antifeudal Protest of the Ural-Siberian Old Believer Peasants in the 18th Century” divided all Old Believers of Altai into two ethno-religious groups: “Poles” and Kamenshiks [Pokrovsky, 1974: 312–314].

It is important to say about the influence of ideology on the methodology of historical science of the Imperial period. There were two political camps — conservatives and populists in the Russian Empire since the XIX century. On the one hand conservatives saw in the Altai Old Believers the sectarian, sometimes anarchist currents that did not recognize the

monarchical system. On the other hand, the Altai Old Believers could not exist outside of statehood in their opinion. The populists have seen the model of Russian peasant socialism in the Altai Old Believers by use the ideas of A. I. Herzen. Therefore, representatives of both political movements showed interest in the Old Believers of Altai in ethnography science.

Paying attention to the Old Believers-“Poles” in our work, it is important to single out two stages of ethnographic research, relevant topics and approaches. The first stage or the beginning of ethnographic research in Altai arose due to the election of P. S. Pallas by members of the St. Petersburg Academy of Sciences as a professor of natural philosophy in 1766, who later made expeditions to the Asian part of the Russian Empire. Even though the main purpose of the expeditions was to collect information on the flora and fauna of various areas, it's also examined the socio-political, historical and ethnographic aspects [Keppen, 1902: 153–162]. As a result, P. S. Pallas described the presence of Old Believers in Altai. The researcher believed that the Old Believers appeared here due to the resettlement from the territory of Poland.

In his work “Traveling to Different Places of the Russian State”, the researcher noted that from 1764 along the rivers Irtysh, Ob, Uba, Shemonaevka, Alea and further to the Zmeinogorodsky mine, Kolyvano-Voskresensky plant and along defensive outposts, settlements of Old Believers began to be established, resettled to this territory by decree of Catherine II [Pallas, 1786: 211]. Focusing on the description of the Old Believers, P. S. Pallas paid special attention to the village of Shemonaikhe, which almost entirely consisted of Polish immigrants. Here, the researcher highlighted the industriousness and agricultural skills of the “Poles”. At the same time, he also pointed out the difficulties that the Old Believers had to face: the harsh natural conditions of Altai, unsuitable soils for habitual grain crops, and poor water quality [Pallas, 1786: 217–218].

In 1826, K. F. Ledebur together with his students — A. A. Bunge and K. A. Meyer, made an expedition to Altai, organized by the University of Derpt, whose goal was to study flora and fauna. Expeditions of K. F. Ledebour was financed by P. K. Frolov, the head and the organizer of a mining factory in Altai [GAAK. F.1. Op. 2. D. 367].

The main results of the expedition K. F. Ledebour reflected in his work entitled “Traveling in the Altai Mountains and the Foothills of Altai”. At the same time, during his trip, the researcher described not only aspects relating to the sphere of his scientific interests, but also paid attention to the way of life of the local population. As a result, they also affected the Old Believer settlements. So, during his journey from Zmeinogorsk to Riddersk, he visited the indigenous villages of the “Poles” of the Zmeinogorsk district: Yekaterininskaya, Shemonaikha, Losikh (Verkh-Uba), Ubinsk, Malaya Ubinka, Bystrukha, Cheremshanka, Butakovo. Describing the inhabitants of the area K. F. Ledebur highlighted their hospitality. As an example of openness in communication between Old Believers “Poles”, the researcher cited the fact that on the way from Losikh to Ubinsk he met frequent complaints of peasants about the theft of their horses by representatives of the Turkic-speaking population. Moreover, K. F. Ledebur noted that despite the seeming hospitality and openness in communication, the peasants were suspicious of foreigners, who in turn caused an extreme degree of curiosity among local residents. The researcher attributed this to the fact that the bulk of the inhabitants of the above settlements were Old Believers, whose religious views did not allow them to completely contact foreigners. In his work K. F. Ledebur also noted that all the villages he visited in the Zmeinogorsk district were quite large, and the main activities of the local population were: agriculture, cattle

breeding and beekeeping. Like P. S. Pallas, C. F. Ledebur also drew attention to the problems faced by Polish immigrants. He added that in addition to difficulties in organizing economic life, residents of this territory were taxed by the treasury, land taxes, worldly taxes, and were involved in mining works [Traveling in Altai Mountains..., 1993: 35–46].

K. M. Meyer (the student of K. F. Ledebur) while traveling from Zmeinogorsk to Ust-Kamenogorsk, also indicated a number of indigenous Old Believer villages: Yekaterininskaya, Shemonaikha, Losikh, Sekisovka and Bobrovka. In his work “Traveling the Dzungarian Kyrgyz Steppe”, he described in more detail the economic activities of the “Poles” who lived in Sekisovka and Bobrovka. K. M. Meyer noted that beekeeping was the most important economic sector in this territory. Cattle breeding was less common here due to the lack of good pastures and frequent epidemics of anthrax, but the land here was extremely favorable for arable farming, which, most likely, brought great incomes to the peasants [Traveling in Altai Mountains..., 1993: 222–224].

In 1845, the Imperial Russian Geographical Society (IRGS) was organized [Berg, 1946: 5]. After the emergence of the peripheral departments of the IRGS, interest in the study of the Siberian Old Believers increases, the second stage of the study of the “Poles” begins. At this stage, fundamental work appeared about the Altai Old Believers-“Poles” by M. V. Shvetsova. She raised a number of issues related to the history of the formation of “Polish” villages in Altai, religious structure, relations with the government, economic and household activities, etc.

Upon the history of the appearance of the “Poles” in Siberia and Altai, M. V. Shvetsova pointed out that the Senate issued a decree in 1762 on the basis of the manifesto of Catherine II according to which Old Believers who lived in Poland (which, in turn, they fled as a result of religious persecution) were invited to voluntarily return to their homeland. In return, they were promised the complete forgiveness of all their “crimes” and were given the opportunity to choose their place of residence: either return to their former territory or settle as state peasants in the territories indicated in a certain “register”. One of such territories included in the “register” was the banks of the Uba and Ulba rivers in Altai. However, these measures did not have the desired result. In 1765 the Senate again issued a decree inviting the Old Believers to return to Russia, but now with the proviso that the “not willfully returned” link to Siberia awaits [Shvetsova, 1898: 1–77].

M. V. Shvetsova managed to find out that some of the Old Believers moved to Altai voluntarily. There were also stories of local residents that their ancestors were sent to Siberia after the suppression of the uprising in Poland in 1768. The researcher came to the conclusion that the resettlement of the “Poles” in Altai took place from 1763 to 1769. Also M. V. Shvetsova identified the same main settlements that they inhabited: Staroaleyskoye, Yekaterininka, Shemonaikha, Verkh-Ubenskoye, Sekisovka and Bobrovka. At the same time, the researcher pointed out that settlers founded their villages in the areas of the former Cossack outposts, while cossacks often went to new outposts. However, there were cases when the cossacks, under the influence of the Old Believers, went into a “split”. According to M. V. Shvetsova, Old Believers from Poland were reluctant to make contact with those adhering to official Orthodoxy, and as a result they quickly began to establish their own settlements, which consisted exclusively of “Poles”: Malaya Ubinka was founded in 1787, Bystrukha in 1790, and in 1799 Cheremshanka. As a result, by 1899 there were 21

“Polish” settlements in 5 volosts of the Zmeinogorsky okrug: in Aleisky volost — Aleyskoye, Shipunovo, Kamenka; in Aleksandrovsky volost — Shemonaikha, Ekaterina; in Vladimir volost — Losikha (Verkh-Ubinskoe), Sekisovka, Bystrukha, Malaya Ubinka, Volchikha, Zimovskaya, Aleksandrovskaya.; In the Ridder volost — Cheremshanka, Butakova, Cross, Strezhnaya, Fir, Orlovka; in the Bobrovsky volost — Bobrovka, Chistopolka, Tarkhanskoye [Shvetsova, 1898: 7–21].

M. V. Shvetsova divided the settlements of the “Poles” according to geographical conditions into two approximately equal parts: northern and southern. The northern part was a steppe with fertile soils. In it, the main occupation of the inhabitants was agriculture and cattle breeding. The southern part is a mountainous area in which cattle breeding and beekeeping were the main occupations. Most of the settlements were in the southern part and the most densely populated in the northern part [Shvetsova, 1898: 25].

In the work of M. V. Shvetsova it is said that Polish immigrants were registered as state peasants and were subject to double tax, which was established by Peter the Great for all Old Believers. However, it is worth noting that voluntarily resettled people enjoyed the benefit of all taxes and duties for a period of 6 years. The main occupation of immigrants in Altai was tillage, but since 1779 the situation has changed dramatically and state peasants began to be attributed to factories and mines, since mining was developing at that time. The Poles, however, affected these measures only 10 years later, in 1789, in view of the peculiarities of their territorial settlement. But despite this fact, according to M. V. Shvetsova “Poles” still suffered a serious blow to their usual way of life, except that they fell into a dependent position, they also had to enter into close relations with the “Nikonians”, whom they had previously shunned. Wherein M. V. Shvetsova emphasized that the “Poles” had a negative attitude towards recruitment. The recruit service entailed the interaction of the Old Believers with representatives of official Orthodoxy. The Poles believed that recruiting conscription leads to the death of the soul, and “they tried by all means to evade it: when it was possible, they paid off it with bribes; if they didn’t manage to pay off, they fled to the mountains, to Bukhtarma, to Uimon and other places — they escaped from the “world” to their beloved “mother-beautiful desert”. So, according to the researcher, in the wilderness of Altai, in impassable and almost inaccessible mountain wilds, new Russian villages appeared, the Russian colonization of the region spread” [Shvetsova, 1898: 11–19].

Analyzing the work of M. V. Shvetsova, it is worth noting that the researcher put forward, in our opinion, the erroneous idea of the participation of Old Believers “Poles” in the formation of another ethnographic group of Old Believers — Altai Kamenschiks. Arguing their findings, M. V. Shvetsova repeatedly referred to the study of P. S. Pallas. The “Poles” influenced the Bukhtarma Kamenschiks but did not participate in their formation. This was noted by B. G. Gerasimov, the contemporary of M. V. Shvetsova. For example, as he points out, the distinguishing feature in the clothes of the Bukhtarma Old Believer from adhering to official Orthodoxy was the Confederate hat. She was of “Polish” origin. At the same time B. G. Gerasimov emphasized that the Bukhtarma Old Believers did not call themselves “Poles” [Gerasimov, 1911: 21].

Describing the confessional composition of the “Polish” villages, M. V. Shvetsova pointed out that the peasants belonged either to single-faith or were Old Believers, from whom at the end of

the 19th century the sect of the Samovodurovets stood out. The researcher draws attention to the lack of official and accurate statistics on the state of the split in Altai. Therefore, guided by only approximate information, she concluded that the greatest concentration of Old Believers was observed in Vladimir volost and in the nearest settlements of Ridder volost. According to available official data and according to the testimony of the local population, M. V. Shvetsova, examining the “Poles” who referred to themselves as Old Believers, identified the following currents: “Austrians”, Pseudo-“Austrians”, Okrugniks, Beglopovttsy (Protivokruzhniki), Pomorians, Fedoseyevtsy, Filipovtsy, Stakikovets and Beguny [Shvetsova, 1898: 36–43].

Information about the “Poles” and their confessional composition we find in the work of G. D. Grebenshchikov “The Uba River and the Ubin People”. At the time of writing his work, the author on this territory recorded Edinovercy, “Austrians”, Starikovtsy, Fedoseyevtsy, Spasovtsy, Samokreschentsy, Okhovtsy (Vozdakhanites), Dyrniki, and Pomorians [Grebenshchikov, 1912: 31]. Also G. D. Grebenshchikov noted the presence on Uba of the so-called “white-footed faith”. A runaway Old Believer bishop came under strict incognito and sent out a service that included washing his feet, as a result of which his followers were called “white-footed” [Grebenshchikov, 1912: 33].

A. E. Novoselov tried to cite statistical data on the confessional composition of the “Poles”. He noted that since 1845 the Edinover’s church has existed in Shemonaikha. According to the observations of A. E. Novoselov, the most current in with Losikh (Verkh-Ubinsk) were Pomorians. There were also many Orthodox, Edinoverets and Fedoseyevtsy. Of the five thousand people in Sekisovka, approximately 60% were Edinovertsy, 15% were Bespopovtsy, 20% were Beglopovttsy, 4% were “Austrians” and about 1% were Orthodox. In Bystrukha the vast majority are Bespopovtsy [Novoselov, 1915: 4–7]. As we can see from the overall picture, the religious composition of the settlements varied among themselves.

In addition to the above-mentioned settlements of the Old Believers — “Poles”, in other ethnographic messages of the Imperial period, information appeared about their presence in the Biysk district. So, from S. L. Chudnovsky we see that in the Altaiskoe village in the XIX century several families of “Poles” moved in, which were already inhabited by peasants from the Yenisei province [Chudnovsky, 1890: 72]. Thus, the Old Believers “Poles” in Altai settled not only on separate territories provided by the state, but also on existing villages and villages. It is worth to say that when arriving in them, the “Poles” nevertheless sought to settle separately. For example, as wrote S. L. Chudnovsky — in Altai they occupied the mountainous part of the village.

Summing up, we note that the beginning of the study of the Old Believers in Altai coincides with the beginning of the study of the ethnographic group of “Poles”, since the resettlement of the Old Believers from Poland was official and to the territories established by the state. Other factors were the openness of the Old Believers “Poles” in communication and the economic interests of the state in relation to them. At the same time, researchers of the Imperial period, touching upon the Old Believers “Poles” in their works, often did not take into account the “other” Old Believers — immigrants from other territories of the Russian Empire. So, in ethnographic works there is a motley diversity of the confessional composition of the ethnographic group. Of course, the immigrants from Poland were representatives of different Old Believers currents. When settling in Altai, the contacts of the “Poles” were not taken with

the mining workers and peasants who were from the northern parts of the Russian Empire and the Urals, where Pomorians and Starikovtsy dominated. However, the researchers tried to highlight the special role of the “Poles” in the development of the Altai territories. In our opinion, this was dictated by the political course and state-confessional relations (in relation to the Old Believers, the political vector was directed towards unity of faith) in the Russian Empire.

Acknowledgments

This work was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Culture, Education and Sports of Mongolia in the framework of the project No. 19–59–44002.

REFERENCES

Berg L. S. *Vsesoiuznoe Geograficheskoe obshchestvo za sto let, 1845–1945* [All-Union Geographical Society for a hundred years, 1845–1945.]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1946 (2015) (in Russian).

Chudnovsky S. L. *Raskol'niki na Altae (vyderzhki iz dnevnika)* [Raskolniki in Altai (excerpts from the diary)]. *Severnyi vestnik* [Northern messenger]. 1890. № 9. (in Russian).

Dutchak E. E. *Iz “Vavilona” v “Belovode”: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.)* [From “Babylon” in “Belovodye”: The Adaptive Capabilities of the Taiga Communities of Old Believers-Stranniki (Second Half of the 19th — Early 21st Centuries)]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 2007. 414 p. (in Russian).

Gerasimov B. G. *V doline Bukhtarmy: Kratkii istoriko-etnograficheskii ocherk* [In the Bukhtarma Valley: The Brief Historical and Ethnographic Essays]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela ZSOIRGO* [Notes of Semipalatinsk Section of ZSOIRGO]. Semipalatinsk, 1911. Vyp. 5. pp. 1–125 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK) [State Archive of the Altai territory]. Fund. 1. Inventory. 2. File. 367. (in Russian).

Grebenshchikov G. D. *Reka Uba i ubinskie liudi. Literaturno-etnograficheskii ocherk* [Uba river and Ubin people. Literary and ethnographic essay]. *Altaiskii sbornik* [Altai collection]. 1912. Vyp. XI (in Russian).

Ilyin V. N. *Politika gosudarstvennoi vlasti i ofitsial'noi tserkvi v otnoshenii staroobriadtsev na territorii Tomskoi gubernii v 1832–1905 gg.* [The policy of the government and the official church in relation to the Old Believers in the territory of the Tomsk province in 1832–1905]. Barnaul: AZBUKA, 2014. 167 p. (in Russian).

Ilyin V. N. *Staroobriadchestvo Altaia v kontekste repressivnoi politiki imperskikh vlastei* [Old Believers of Altai in the context of repressive policy of the Imperial authorities]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul, 2019. № 4 (21). Pp. 105–114 (in Russian).

Keppen F. P. *Pallas, Petr Simon* [Pallas, Petr Simon]. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. SPb.: Tipografiia I. N. Skorokhodova. 1902. T. 13. Pp. 153–162 (in Russian).

Krivososov Ia. E. *Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia o pobegakh krest'ian i rabotnykh liudei v “altaiskie urochishcha” v poiskakh Belovod'ia: dukhovnye uroki 1-ia*

polovina XIX v. [Documents of the State Archives of Altai Krai about the escapes of peasants and working people to “Altai tracts” in search of Belovodye: spiritual lessons in the 1st half of the 19th century]. *Guliaevskie chteniia* [Gulyaev readings]. Barnaul, 1998. Pp. 50–53 (in Russian).

Kupriianova I. V. *Starobriadtsy Altaia v pervoi treti XX veka* [Old Believers of Altai in the first third of the XX century]. Barnaul: Izd-vo AltGAKI, 2010. 247 p. (in Russian).

Kupriianova I. V. *Starobriadchestvo Altaia v usloviakh radikal'noi transformatsii rossiiskogo obshchestva: konets XIX — pervaiia tret' XX veka: diss. ... d. ist. Nauk* [The Old Believers of Altai in the conditions of a radical transformation of Russian society: the end of the XIX — the first third of the XX century: Doctor of History thesis]. Barnaul, 2018. 583 p. (in Russian).

Kuchuganova R. P. *Uimonskie starovery* [Uimon Old Believers]. Novosibirsk: Sibirskie voprosy, 2000. 161 p. (in Russian).

Mamsik T. S. *Krest'ianskoe dvizhenie v Sibiri. Vtoraia chetvert' XIX v.* [Peasant movement in Siberia. The second quarter of the XIX century]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 270 p. (in Russian).

Mamsik T. S. *Pobegi kak sotsial'noe iavleniia: pripisnaia derevnia Zapadnoi Sibiri v 40–90-e gg. XVIII v.* [Shoots as a social phenomenon: the attributed village of Western Siberia in the 40–90s. XVIII century]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1978. 206 p. (in Russian).

Matytsin K. S. *Starobriadcheskii spisok “Puteshestvennika” iz kollektzii Soloneshenskogo muzeia (Altai)* [The old believers' manuscript “Puteshestvennik” from the museum of Soloneshnoe village (Altai)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul: ASU, 2019. № 1 (18). Pp. 91–103 (in Russian).

Minenko N. A. *Russkaia krest'ianskaia sem'ia v Zapadnoi Sibiri (XVIII — pervoi poloviny XIX v.)* [Russian peasant family in Western Siberia (XVIII — first half of the XIX century.)]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979. 350 p. (in Russian).

Mukaeva L. N. *Belovod'e kak realizatsiia starobriadcheskoi eshatologicheskoi mifologii* [Belovodye as the implementation of Old Believer eschatological mythology]. *Sotsial'nye protsessy v sovremennoi Zapadnoi Sibiri* [Social processes in modern Western Siberia]. Gorno-Altai: RIO “Univer-Print” GAGU, 2001. Pp. 160–161 (in Russian).

Mukaeva L. N. *Starobriadcheskie legendy o Belovod'e. Istoriograficheskii i istochnikovedcheskii aspekty* [Old Believers legends about Belovodye. Historiographic and source study aspects]. *Sotsial'nye protsessy v sovremennoi Zapadnoi Sibiri* [Social processes in modern Western Siberia]. Gorno-Altai: RIO “Univer-Print” GAGU, 2000. Pp. 136–143 (in Russian).

Novoselov A. E. *Umiraiushchaia starina* [Dying old]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela ZSOIRGO* [Notes of Semipalatinsk Section of ZSOIRGO]. 1915. Vyp. 10. Pp. 1–12 (in Russian).

Ostrovsky A. B., A. A. Chuvyurov A. A. *Belovod'e staroverov Altaia* [Belovodye Old Believers Altai]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. SPb.: Izd-vo RKhGA, 2011. T. 12. № 3. Pp. 8–14 (in Russian).

Pokrovsky N. N. *Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'ian-starobriadtsev v XVIII v.* [Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 397 p. (in Russian).

Puteshestvie po Altaiskim goram i dzhungarskoi Kirgizskoi stepi [Traveling in the Altai Mountains and the Dzungarian Kyrgyz steppe]. Novosibirsk: VO Nauka, Sibirskaiia izdatel'skaia firma, 1993. 415 p. (in Russian).

Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva. 1770 god* [Traveling to different places of the Russian state. 1770 year]. SPb, 1786. Ch. 2. Kn. 1, 2. (in Russian).

Rykov Iu. D. *Iaroslavskii spisok "Puteshestvennika" Marka Topozerskogo* [Yaroslavl list "Puteshestvennik" Mark Topozersky]. *Knizhnaia kul'tura Iaroslavskogo kraia — 2014 sbornik statei i materialov* [Book Culture of Yaroslavl Region — 2014 Collection of Articles and Materials]. Iaroslavl', 2015. Pp. 11–57 (in Russian).

Shitova N. I. *Traditsionnaia odezhda uimonskikh starobriadtsev* [Traditional clothing of Uimon Old Believers]. Gorno-Altaiisk, 2005. 109 s. (in Russian).

Shvetsova M. V. "Poliaki" Zmeinogorskogo okruga ["Poles" of the Zmeinogorsk district]. *Zapiski ZSOIRGO* [Notes ZSOIRGO]. 1898. Kn. XXVI. Pp. 1–77 (in Russian).

Tadina N. A. *Etnokul'turnye i etnosotsial'nye vzaimovliianiia starobriadtsev i altaitsev Uimona* [Ethnocultural and ethno-social mutual influences of the Old Believers and Altai people of Uimon]. *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo ped. un-ta, 1998. Pp. 42–43 (in Russian).

Trusov V. A. *Begstvo staroverov na Altai* [Flight of the Old Believers in Altai]. *Ural'skii sledopyt* [Ural ranger]. 2006. № 5. Pp. 80–81 (in Russian).

Цитирование статьи:

Komova D. V., Matytsin K. S. The Altai Old Believers — "Poles" in ethnographic works of the Imperial period // Народы и религии Евразии. 2020. № 2 (23). С. 98–107.

Citation:

Komova D. V., Matytsin K. S. The Altai Old Believers — "Poles" in ethnographic works of the Imperial period. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 2 (23). P. 98–107.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК: 930.26 (517.6)

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-07

Н. Г. Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток (Россия)*

С. В. Макиевский

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток (Россия)*

БУДДИЙСКАЯ КУМИРНЯ ВОЗЛЕ СЕЛА КИЕВКА (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ)

Предмет статьи — кумирня возле села Киевка в Приморском крае в контексте традиционной религиозной культуры населения Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. Материалами для изучения послужили неопубликованные исследования экспедиции А. Р. Артемьева в 2004 г., которые могут быть рассмотрены как объекты этноархеологии. Они содержат вещественную информацию для изучения и реконструкции исторического прошлого. Культовым сооружениям в виде кумирен на перевалах всегда уделяли большое внимание как топографы, так и первые исследователи Дальнего Востока, оставив подробное их описание. Классифицируя эти культовые сооружения по месту расположения, их делили на сельские, семейные, промысловые, придорожные (или общественные), построенные в горах и на перевалах. На территории Приморского края население находилось в зоне активных этнокультурных и религиозных контактов. В результате этого произошла трансформация их религиозных обычаев, что во многом определило их синкретический характер. Поддерживая этническое самосознание, культовые постройки в виде кумирен использовались для проведения практик разных религиозных верований.

Ключевые слова: Приморье, Дальний Восток: Киевка, кумирни, часовни, храмы, молельни, божнички, религиозный синкретизм, буддизм, китайцы, тазы, малочисленные народы.

N. G. Artemieva

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, FEB RAS, Vladivostok (Russia)

C. V. Makievskij

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, FEB RAS, Vladivostok (Russia)

BUDDHIST IDOL NEAR S. KIEV (PRIMORSKY KRAI)

The subject of the article is the idol near the village. Kievka in the Primorsky Territory in the context of the traditional religious culture of the population of the Far East at the end of the XIX beginning of XX centuries. Materials for the study were unpublished studies of the expedition of A. R. Artemyev in 2004, which can be considered as objects of ethno archeology. They contain material information for the study and reconstruction of the historical past. Religious buildings in the form of idols on the passes have always been given great attention by both topographers and the first explorers of the Far East, leaving a detailed description of them. Classifying these religious buildings by location, they were divided into rural, family, fishing, roadside (or public), built in the mountains and on passes. In the Primorsky Territory, the population was in the zone of active ethnocultural and religious contacts. As a result of this, a transformation of their religious customs took place, which largely determined their syncretic character. Supporting ethnic identity, cult buildings in the form of idols were used to conduct practices of different religious beliefs.

Keywords: Primorye, Far East, p. Kievka, idols, chapels, temples, chapels, goddesses, religious syncretism, Buddhism, Chinese, basins, small nations.

Артемяева Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Сектором средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (Россия). Адрес для контактов: artemieva_tg@list.ru

Макиевский Сергей Викторович, младший научный сотрудник сектора средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (Россия). Адрес для контактов: makievskij@list.ru

Artemieva Nadezhda Grigorjevna, candidate of historical sciences, leading researcher, head of the sector of medieval archaeology of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far East, RAS, Vladivostok (Russia). Contact address: artemieva_tg@list.ru

Makievskij Sergey Viktorovich, Junior researcher of the sector of medieval archaeology of the Institute of history, archeology and Ethnography of the peoples of the Far East, RAS, Vladivostok (Russia). Contact address: makievskij@list.ru

На старых картах, составленных первыми топографами, изучавшими Дальний Восток, особое место уделялось обозначению кумирен. Чаще всего их указывали на перевалах, в местах прохождения дорог, на берегах рек (рис. 1а).

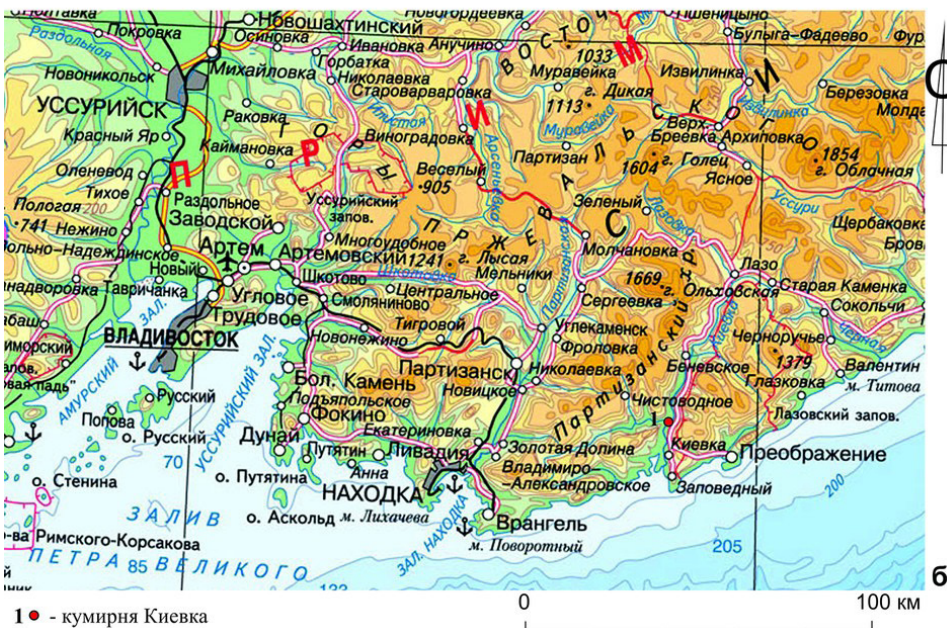
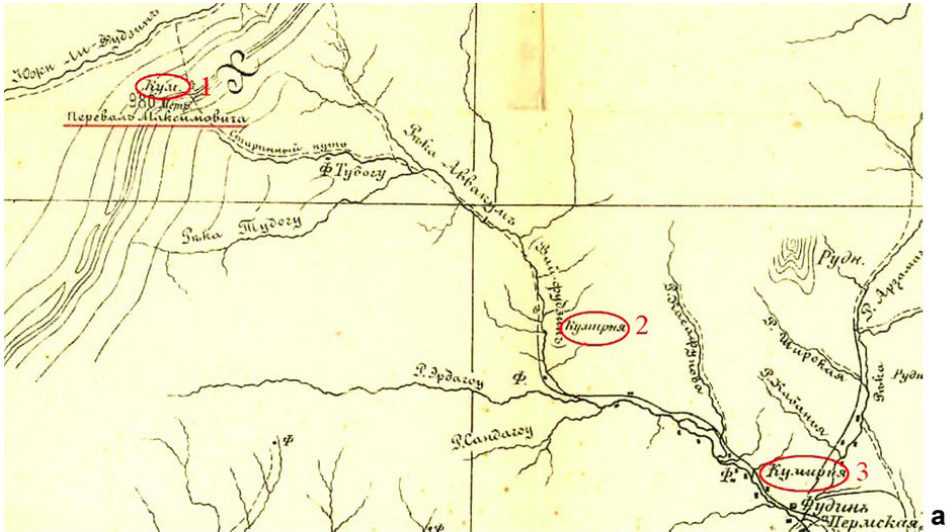

Рис. 1. Фрагмент карты с обозначением кумирен [Арсеньев, 1911]: 1 – кумирня на перевале через хребет между долинами рек Аввакумовка и Павловка; 2 – кумирня на правом берегу реки Аввакумовка, между селами Михайловка и Молдаванка; 3 – кумирня в районе села Ветка (а). Местонахождение кумирни у с. Киевка (б)

Н. М. Пржевальский отмечал, что на картах такие сооружения «обозначались громоздким именем — кумирни», но на само деле представляли собой деревянные клетки квадратной формы, высотой с аршин (71.1 см), с глухими стенками и входом, напротив которого наклеивалось «изображение бога в образе китайца» [Пржевальский, 1869: 160]. Иногда подобные сооружения были сложены из камня. Судя по описанию А. Ф. Старцева, по размерам и форме они практически ничем не отличались от деревянных. Возле с. Михайловки Ольгинского района Приморского края еще в конце XX в. существовало прямоугольное каменное сооружение (180x80 см) с вертикальными боковыми стенками (шириной 40, длиной 80, высотой 100 см), перекрытыми плоскими каменными плитами. Внутри этой постройки был установлен рисунок божества [Старцев, 2019: 78].

Классифицируя эти культовые сооружения по месту расположения, многие исследователи делили их на сельские, семейные, промысловые, придорожные (или общественные), построенные в горах и на перевалах [Аниховский, 2004; Старцев, 2019]. Судя по картам, именно придорожные кумирни привлекали внимание первых российских топографов на Дальнем Востоке. Осталось довольно много описаний этих памятников. С. Н. Браиловский приводит информацию о конструкции нескольких кумирен: от простых — пень с углублением, в которое вставлена дощечка-жертвенник, до сложных — строение в виде «часовенки или храма» маленьких размеров [Браиловский, 1901: 109–110, 183]. Сейчас целыми подобные сооружения практически не сохранились, но их остатки встречаются до сих пор.

В 2004 г. экспедицией под руководством А. Р. Артемьева была исследована кумирня возле с. Киевка Лазовского района Приморского края [Артемьев, 2004]. Материал этих исследований оказался не опубликованным, поэтому целью данной статьи является публикация нового этноархеологического материала, его реконструкция, а также выявление причин широкого распространения китайской религии среди аборигенного населения Дальнего Востока России.

Археологическое исследование кумирни у села Киевка

Кумирня находилась в 5 км к северу от села Киевка Лазовского района Приморского края, в седловине между сопок, возле древней дороги (см. рис. 1б, 2). Впервые памятник был открыт строителями дороги Лазо-Преображение в 1982 г. Информация была передана сотрудникам Лазовского заповедника им. Л. Г. Капланова. Со слов заместителя директора заповедника С. А. Хохрякова, на месте кумирни находились скульптуры четырёх драконов и двух баранов, которые были вывезены сотрудниками заповедника и позднее утрачены. В 2002 г. на этом месте побывали сотрудники Института истории ДВО РАН Н. А. Кононенко, Ю. Е. Вострецов, И. Ю. Слепцов.

В 2004 г. А. Р. Артемьев застал на указанном месте сильные разрушения памятника: верхний слой обработанных каменных блоков большей частью был снят, в центре конструкции выбрана часть камней второго яруса и одна из крупных плит на западной стороне кладки. Рядом хорошо прослеживался свежий браконьерский отвал, на котором находились два железных щупа. С северной стороны от кумирни лежала груда разбитых гранитных плит от верхнего яруса конструкции памятника, а также каменные обломки стел (?) и столбиков, отдельные фрагменты которых были разбросаны вокруг всего памятника.

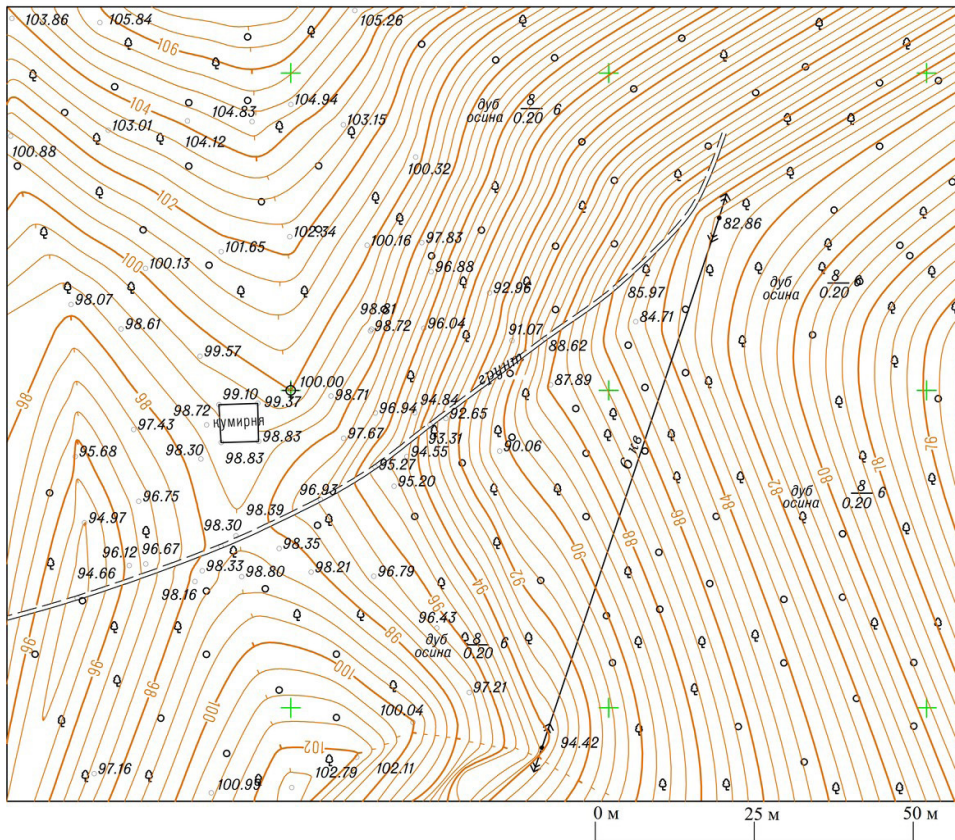

Рис. 2. Топоплан с местонахождением кумирни и старой дороги

Первоначально разрушенная вымостка размерами 2,2x1,91 м из обработанных гранитных плит А. Р. Артемьевым была принята за остатки средневекового погребально-го памятника, поэтому методика исследований производилась по пластам (толщиной 0,2 м), а каменные конструкции разбирались по ярусам.

На дневной поверхности от фундамента кумирни были видны повреждённые грабительскими раскопками гранитные камни-блоки двух ярусов, уложенные прямоугольником, стенки которой были ориентированы по сторонам света. Параллельно южной стенки, чуть ниже от нее, был прослежен разбитый на две части каменный блок, напоминающий ступеньку. Между южной стенкой и ступенькой находился вертикально стоящий четырехгранный, гранитный столбик (см. рис. 3).

При разборке пласта 1 был обнаружен слой дёрна (до 10 см), под которым на большей части раскопа залегал слой тёмно-коричневого суглинка. Далее шел погребённый дёрн и яма — следы несанкционированных раскопок. Здесь были собраны 25 фрагментов от чугунного котла, фрагмент чугунного колокола и два обломка фарфоровых чашек.

Рис. 3. Остатки фундамента кумирни. Вид с северо-востока

Пласт 2 состоял из слоя тёмно-коричневого суглинка с включениями жёлто-серого материкового суглинка. После зачистки этого пласта на всей поверхности раскопа, за исключением его центральной части, открылся материк, состоящий из плотного желто-серого суглинка с примесью мелкого щебня. В этом пласте было найдено 19 фрагментов от чугунного котла.

Первый (верхний) ярус каменной конструкции сохранился только с южной и восточной сторон. Он представлял собой вымостку (190x191 см) из хорошо обтёсанных с внешней стороны гранитных плит размерами от 191,5x35x20 до 28x25x16 см (см. рис. 4).

Перед южной стенкой находилась вышеупомянутая плита-ступенька длиной 191,5 см, расколота надвое, скорее всего, корнями чёрной берёзы. Ширина этой плиты составляла 35 см, а толщина достигала 20 см, но не везде, восточный край плиты имеет толщину 5 см. Верхняя поверхность плиты, её южная, западная и восточная стороны, т. е. стороны, которые расположены к фасаду строения, хорошо обработаны. Обратная сторона плиты неровная и без обработки.

На расстоянии 73 см от северо-восточного угла плиты на краю её оборотной стороны имеется выемка от паза шириной 4 см и глубиной 6,5 см — след от деревянного клина, с помощью которого плита была отделена от монолита. Ещё три таких выемки трапециевидных очертаний (длина верхней стороны — 16 см, длина нижней — 19 см, высота трапеции — 7 см) находятся на боковой, южной внешней грани плиты. Три подобных полуовальных углубления имеются на второй по величине, после описанной выше плиты, лежавшей на юго-восточном краю кумирни, которая имела трапециевидную форму. Ее длина 86,5 см, максимальная ширина — 40 см и толщина до 36,5 см. Та-

кие же углубления имеются и на других плитах первого яруса. Совершенно очевидно, что описанные углубления на плитах являются пазами для деревянных клиньев, которые забивали, а затем смачивали водой, пока они, расширяясь, не разрывали гранитный монолит, отрывая от него плиту необходимой толщины. Одна плита, возможно, от верхнего яруса кладки кумирни, была найдена возле памятника.

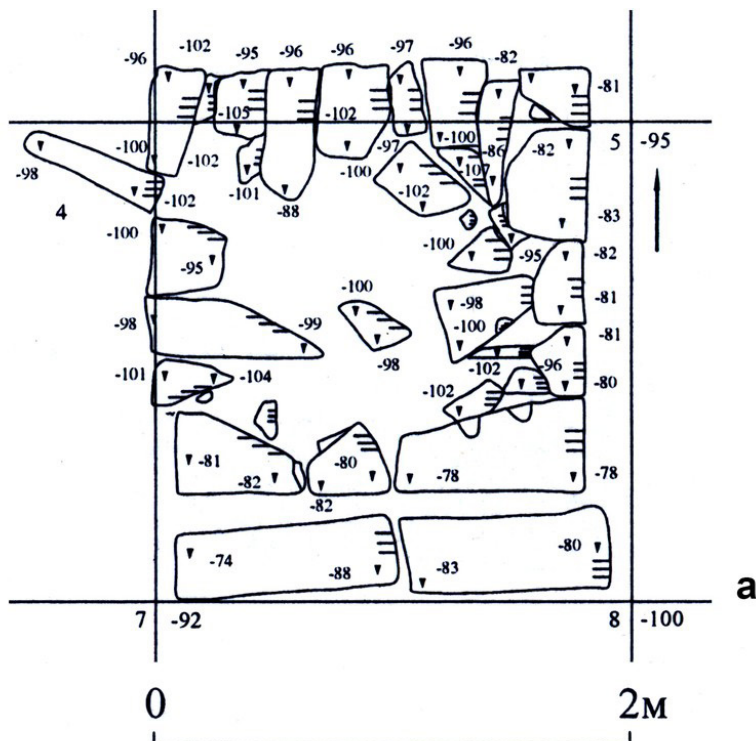

Рис. 4. Дневная поверхность: а – план яруса 1; б – зачистка яруса 1 (вид с севера)

После окончательной расчистки наземной части каменной конструкции кумирни выяснилось, что грабители разобрали в её центре не только второй ярус камней, но частично и третий.

Второй ярус состоял из гранитных плит меньших размеров (от 65x40x22 до 20x20x20 см), с конусообразной нижней стороной, возможно, для устойчивости (рис. 5). У плит обработанными были верхняя плоская сторона и те стороны, которые выходили на один из фасадов конструкции.

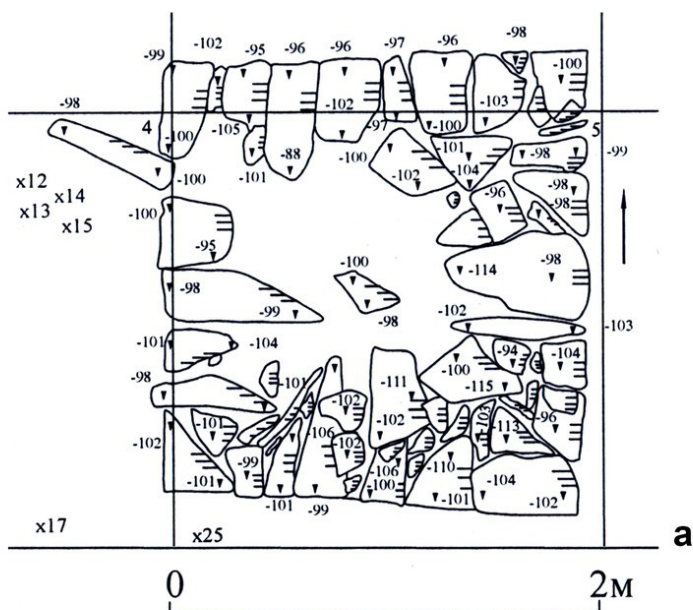

Рис. 5. Зачистка пласта 1: 1 – план яруса 2; 2 – зачистка яруса 2. Вид с севера

Третий ярус состоял из мелких окатанных камней (размерами от 60x20x10 см до 10x5x5 см) другой породы, покрытых слоем жёлто-серого материкового суглинка (рис. 6). Несомненно, этот слой предназначался для максимально плотного закрепления в нём конусовидных оснований гранитных плит второго яруса. Причем хорошо видно, что большие камни укладывались по периметру основания строения, центральная часть забивалась мелкими камнями.

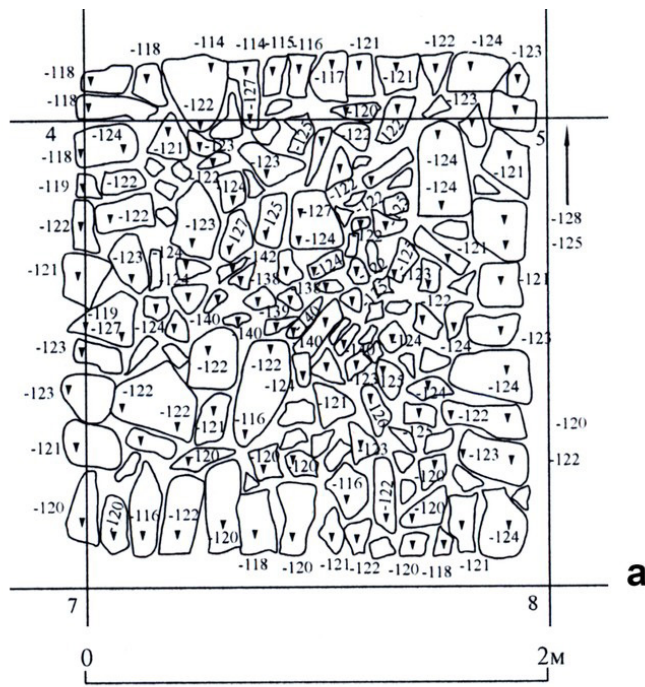

Рис. 6. Зачистка пласта 2: 1 – план яруса 3; 2 – зачистка яруса 3. Вид с севера

Четвёртый ярус состоял из более крупных, чем в ярусе 3, окатанных камней размерами от 50х25х20 и 40х40х20 до 15х10х10 см, среди которых встречались и камни из серого крупнозернистого гранита, из которого были высечены плиты аналогичных размеров ярусов 1 и 2 (рис. 7).

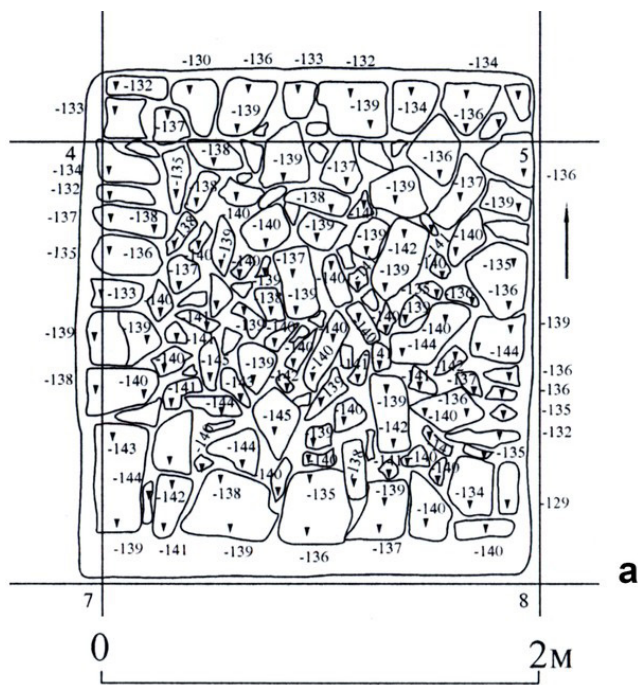

Рис. 7. 1 – план яруса 4; 2 – зачистка яруса 4. Вид с севера с севера

Пятый ярус состоял из плотно уложенных крупных неровных камней размерами от 50x42x20 до 10x10x10 см, в том числе и из серого крупнозернистого гранита. Для того чтобы нивелировать неровность этого слоя, его присыпали жёлто-серым суглинком с мелким щебнем толщиной от 5 до 10 см в зависимости от конфигурации залегающих ниже камней. Камни четвертого и пятого ярусов были впущены в квадратное материковое углубление (рис. 8).

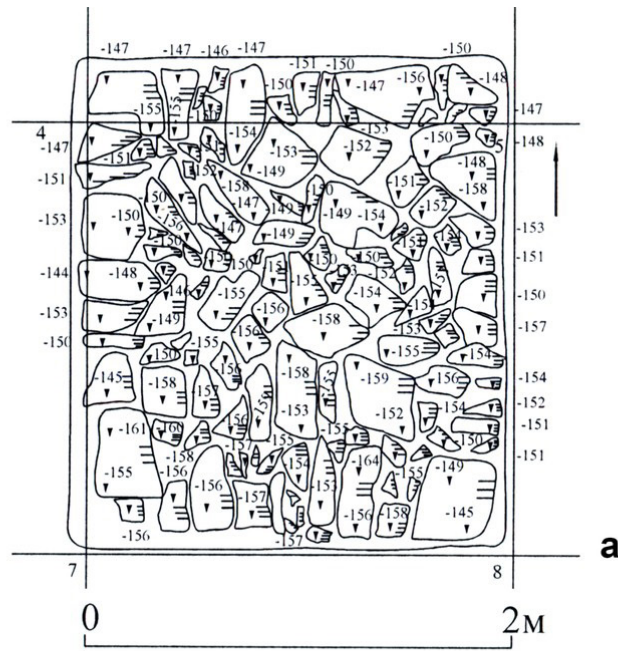

Рис. 8. 1 – план яруса 5; 2 – зачистка яруса 5. Вид с северо-востока

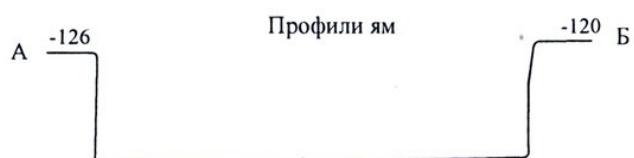
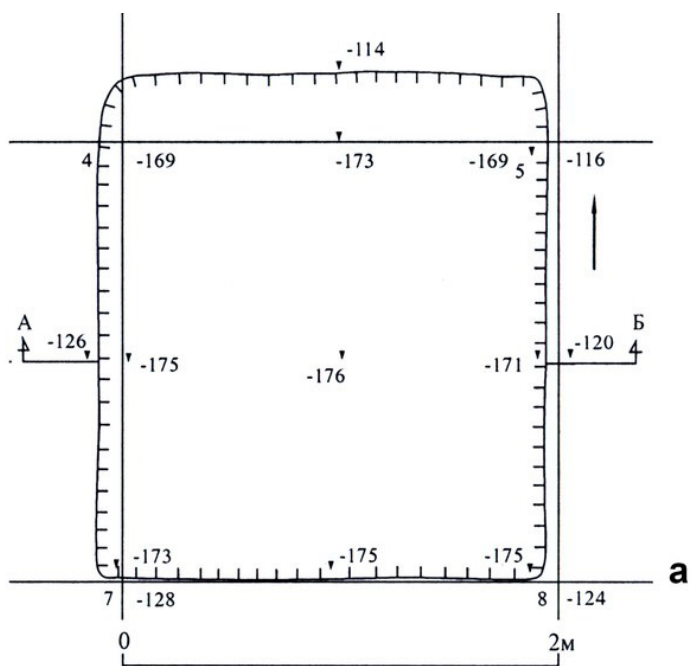

Рис. 9. 1 – план материка; 2 – зачистки по матерiku. Вид с востока

Таким образом, первоначально на подготовленной материковой поверхности был сделан квадратной формы котлован (230 x 202 см, глубиной 40–50 см), стенками ориентированный по сторонам света (см. рис. 9). В него по периметру были уложены три яруса камней. Причем хорошо видно, что вначале выкладывались крайние ряды в каждом ярусе, а затем заполнялась середина. Третий ярус был присыпан материковым слоем для выравнивания фундамента. Затем на нем строили платформу кумирни, состоящую из двух ярусов камней. Нижний ярус платформы представлял собой обработанные гранитные плиты, нижняя часть которых была конусообразной. На верхний ярус укладывали гранитные плиты больших размеров. Платформа имела высоту 40 см. Плиты верхнего яруса являлись одновременно полом кумирни.

Что именно представляла собой верхняя часть кумирни сейчас точно установить трудно. От стен и крыши вокруг платформы были найдены несколько обломков гранитных плит и столбиков (см. рис. 10), когда-то стоявших вертикально, а также гранитное навершие в виде бутона лотоса, украшенное с двух сторон растительным орнаментом, и фрагмент головы дракона (?) (см. рис. 11).

Обнаружены фрагменты шести столбиков, изготовленных из крупнозернистого гранита:

1) шестигранный столбик высотой 63 см, шириной 20 см, сужающейся к верхней части. Ширина граней на двух концах разная: 17–12,5; 12–12; 8–6; 12–12; 8–6; 12–10 см;

2) столбик четырёхгранный со скошенной поверхностью верхнего конца. Высота — 37 см. Нижний конец столбика отколот. Две большие боковые грани имеют ширину в 14,5 см. Две другие грани заужены к низу. Их ширина вверху — 14 см, в середине длины столбика — 12 см и внизу — 9 см;

3) столбик четырёхгранный с плоской верхней поверхностью. Высота — 40 см. Нижний конец столбика и одна из узких боковых граней сколоты. В сечении он приближается к квадрату со сторонами 14,5x14 см;

4) столбик четырёхгранный с верхней поверхностью, оформленной в виде двух сходящихся под углом граней. Высота — 37 см. Нижний конец столбика отколот. Две большие боковые грани имеют ширину 14,5 см. Две другие — 11 см;

5) столбик четырёхгранный, квадратный в сечении со стороной 14,5 см. Высота — 24,5 см. На боковых гранях с трудом прослеживается неразборчивое изображение иероглифа или цветка;

6) столбик четырёхгранный, прямоугольный в сечении со сторонами 13,5 и 11 см. Высота — 20 см. Одна из боковых граней неровная и в середине столбика имеет утолщение. На боковых гранях с трудом прослеживается неразборчивое изображение иероглифа или цветка;

7) навершие из серого крупнозернистого гранита в виде бутона лотоса высотой 15 см, шириной в средней части — 12 см, толщиной там же — 6 см, а у основания — 7 см с двусторонним изображением цветка лотоса;

8) деталь скульптуры сложных очертаний, возможно, фрагмент головы дракона, с максимальной длиной — 29 см, шириной — 20 см и толщиной — 11,5 см. Эта находка была сделана сотрудниками заповедника;

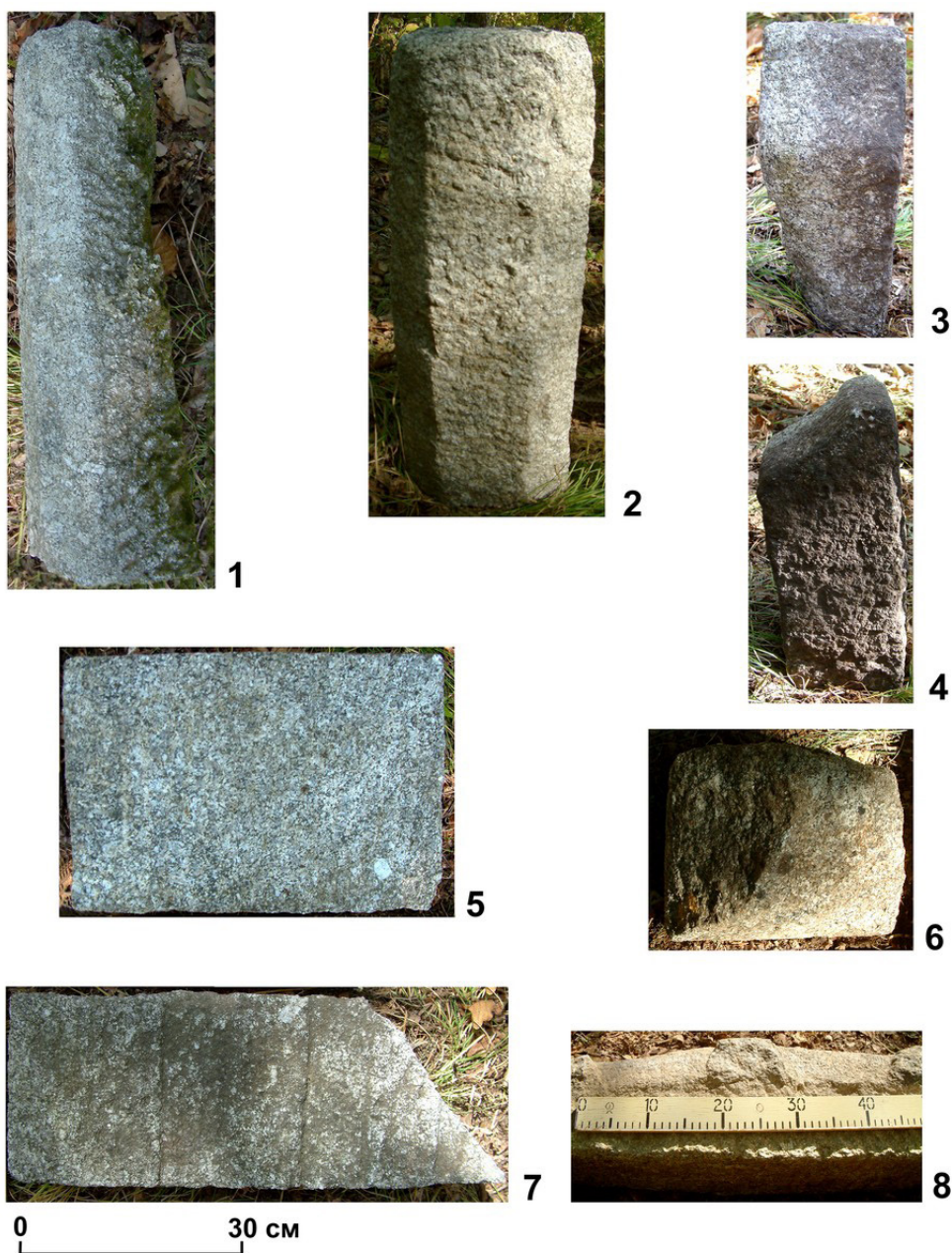

Рис. 10. 1–4 – фрагменты столбиков, 5–6 – плиты-базы, 7 – плита с «бороздками», 8 – столбик со следами обработки

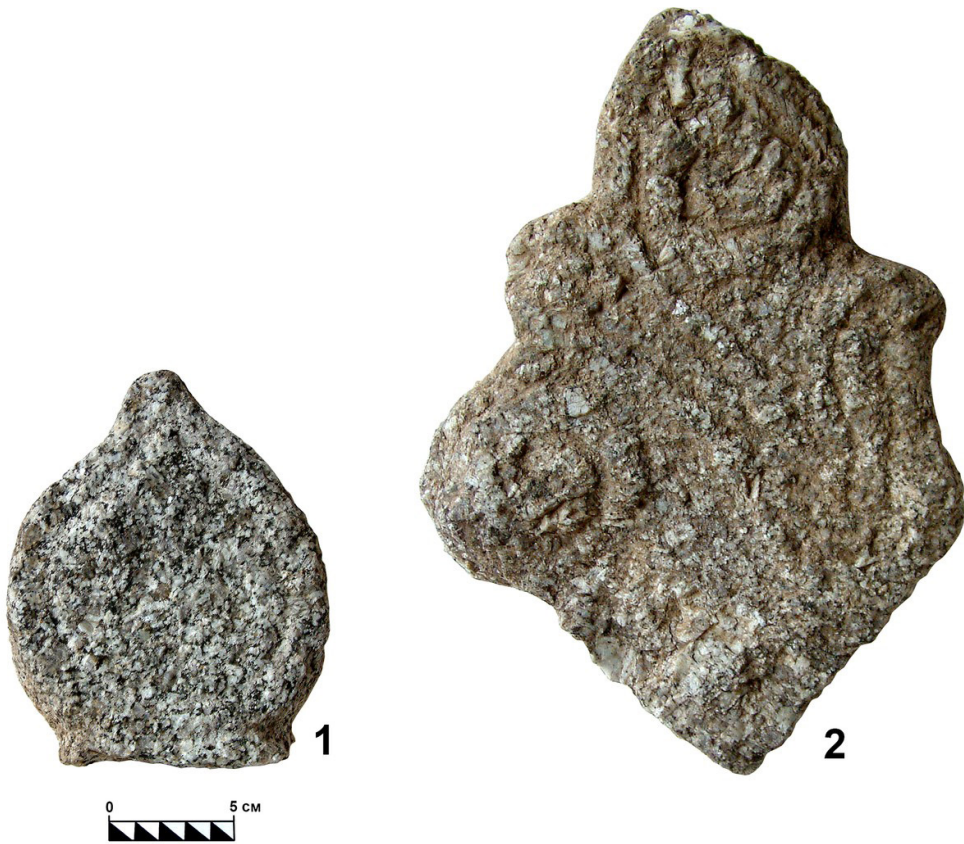

Рис. 11. 1 – фрагмент навершия в виде бутона лотоса; 2 – фрагмент скульптуры в виде головы дракона (?)

9) нижняя часть столбика. Общая высота обломка — 15,5 см, у основания 7 см. В сечении прямоугольник размерами 13,5x12,5 см;

10) плита четырёхугольная из серого крупнозернистого гранита. Один конец сколот по диагонали. Длина — 60 см, ширина — 22 см. Толщина плиты 11 см. С одной из сторон, на расстоянии 19–29 см от её конца, прослеживается уступ с зазором в 1,5 см, за которым эта часть плиты имеет толщину до 9,5 см. На одной из широких сторон плиты имеются три «выбранных» на 0,4–0,5 см в глубину полосы шириной 7,5–8 см.

Вокруг остатков кумирни было обнаружено около двух десятков фрагментов известкового строительного раствора, который использовался для скрепления каменных стен кумирни.

Из-за неполного набора строительных деталей реконструкцию кумирни сделать довольно трудно. По количеству строительного материала можно предположить, что на платформе был сооружен небольших размеров алтарь в виде пагоды. Колонны, поддерживающие крышу, нижней частью опирались на каменные базы-плиты. На столбики со скошенным верхним краем могла укладываться крыша кумирни. Если предпо-

ложить, что она была четырехскатной, то в центре сооружения должна быть помещена центральная колонна, в верхней части которой располагалось навершие в виде бутона лотоса. Фрагмент головы дракона и упоминание о четырех головах дракона дают возможность предположить, что каждый скат крыши украшался именно такими деталями. Фасадом кумирня была обращена на юг, где перед платформой прослежена каменная ступенька. Наша гипотетическая реконструкция дает возможность предположить, что это была буддийская кумирня. Рядом с ней находился чугунный котел, который, возможно, использовался для подношений.

Находки, обнаруженные на территории кумирни, не дали оснований для её датировки. Зато в 18 м к югу от кумирни была прослежена древняя дорога шириной до 2 м, идущая по склону сопки. Возле нее были найдены железный наконечник стрелы, две целых железных подковы и три их фрагмента, два железных гвоздя-ухналя, два фрагмента чугунного колокола с орнаментом, семь фрагментов чугунного котла, фрагмент бронзового кольца, бронзовая бляшка от конской сбруи, девять железных гвоздей и три бронзовых монеты (табл.)*. Две из них китайские: Дао-гуан тунбао 道光通寶 (маньчжурские знаки, обозначающие выпуск на дворе «баосу», провинция Цзянсу), (1821–1851), достоинством 1 вэнь; Дао-гуан тунбао 道光通寶 (маньчжурские знаки, обозначающие выпуск на столичном дворе министерства финансов «баоюань»), достоинством 1 вэнь; одна — корейская: Санъпхёнъ тхонъпо 常平通寶 (вверху — знак «хо» 戶, слева — «юк» 六, справа — точка, внизу — «вань» 往)** (XVIII–XIX вв.), достоинством 1 мун. Судя по обнаруженному подъемному материалу, кумирню можно датировать XVIII–XIX вв.

Монеты, обнаруженные рядом с кумирней

№	Per. №	Монета Надпись на аверсе (надпись на реверсе)	Дата	Почерк	Достоинство	Место находки	Диаметр	Изображение
Китай, династия Цинь								
1	550	Дао-гуан тунбао 道光通寶 (маньчжурские знаки, обозначающие выпуск на дворе «баосу», провинция Цзянсу)	1821-1850 гг.	Кайшу	1 вэнь	Раскол 1, 12 м к югу от кв.8, №3. 6.X. 2004.	20,0 мм	
2	551	Дао-гуан тунбао 道光通寶 (маньчжурские знаки, обозначающие выпуск на столичном дворе министерства финансов «баоюань»)	1821-1850 гг.	Кайшу	1 вэнь	Раскол 1, пл.1, 12 м к югу от кв.8. №4, 06.X. 2004 г.	22,6 мм	
Корея, династия Ли								
3	549	Санъпхёнъ тхонъпо 常平通寶 (вверху — знак «хо» 戶, слева — «юк» 六, справа — точка, внизу — «вань» 往)	XVIII-XIX вв.	Кайшу	1 мун	1 м к востоку от кв. 9. №1.	23,2 мм	

* Определение монет сделано А. Л. Ивлиевым, за что авторы выражают ему свою благодарность.

** Согласно имеющейся литературе монеты в один мун с такими знаками на реверсе неизвестно, однако есть монета в 2 мун с такими знаками (без знака «юк»), относящаяся к выпуску монетного двора Хочо, вероятнее всего, в столице. Судя по качеству изготовления, а на монете почти совсем не видно знаков на аверсе, и по точке и цифре «юк» — «6» на реверсе, это, скорее всего, частный выпуск, подражающий столичному монетному двору. В целом, монеты Санъпхёнъ выпускались в Корее с 1633 г. по 1890-е гг. Однако, как указывают Цюй Хуйчуань, Юань Линь, такие монеты грубого качества должны относиться к частным выпускам позднего периода династии Ли [Цюй Хуйчуань, Юань Линь, 1985: 70–74].

Заключение

Первые исследователи Дальнего Востока России по-разному называли такие сооружения — часовнями, кумирнями, храмами, молельнями, капличками, божничками [Маак, 1861: 63; Венюков, 1868: 16–17, 58; Пржевальский, 2008: 95, 169; Палладий, 1871: 376; Браиловский, 1901: 109–110; Арсеньев, 1914: 70, 1937: 208, 211, 213, 1912: 190]. При этом все подчеркивали их китайское происхождение. В. К. Арсеньев писал, что на всех дорогах, идущих через горы, на самих перевалах всюду можно видеть маленькие кумирни из дерева или из дикого камня, с изображениями богов, поставленные китайскими охотниками и искателями женьшеня [Арсеньев, 1912: 190]. Н. М. Пржевальский описывал, что на самой высшей точке перевала стоит китайская капличка с изображением «размалеванного божества», и что такие сооружения манзы (китайское население) ставят на всех перевалах, на небольших возвышенностях и в самых глухих местах Уссурийского края [Пржевальский, 2008: 169]. Они же, поклоняясь тигру, приносят ему жертвы и строят в честь тигра кумирни, в которых размещают рисунки с его изображениями [Палладий, 1871: 376].

Интересное замечание было сделано С. Н. Браиловским, когда он, описывая кумирни на перевалах, подчеркивает, что эта традиция строительства божничек была «позаимствована орочами-удихэ от манз вместе с буддийской религией» [Браиловский, 1901: 109–110]. Известно, что тазы — это население, образованное браками между аборигенным населением (удэгейками и нанайками) и китайцами, составившие новую этническую группу метисного происхождения, которую рассматривали как «окитаенных» удэгейцев [Арсеньев, 1926; Решетов, 1994]. Для покинувших родину китайцев очень важным было сохранение своих религиозных традиций, поэтому, поселяясь на новых местах, они начинали сооружать кумирни, устраивать алтари и святилища, при этом им во время отправления текущих религиозных обрядов и ритуалов не требовалось присутствие профессиональных служителей культа. Обычно, заходя в кумирню, молящийся становился перед образом или священной надписью, клал несколько земных поклонов, делал подношение. После этого ставил свечку и три раза ударял колотушкой в *цин*, обращая тем самым внимание божества на себя и свой дар. В качестве подношения использовались самые различные предметы — домашние животные и птицы, рыба, зерновые и бобовые культуры, водка (*ханшин*), деньги, разноцветные лоскутки и ленточки, прочие мелочи, включая даже табачный пепел [Аниховский, 2004: 69].

Китайские религии оказали заметное влияние на шаманские практики коренных народов Дальнего Востока. Каменные кумирни сооружались корневищниками (собирателями женьшеня) и охотниками в местах удачных промыслов в память об этом и в честь благодарности хозяину местности за удачный промысел. Также в кумирни ставились флажки, на которых китайскими иероглифами указывался тот дух местности, которому приносили жертвоприношение [Старцев, 2019: 78]. Поэтому на примере традиции возведения кумирен в виде небольших храмов (или домиков), в которых проводились обряды, связанные с разными религиозными верованиями, хорошо видна трансформация религиозных обычаев. Это и определило синкретизм религий населения, находившегося на территории в зоне активных этнокультурных и религиозных контактов, а кумирня, построенная на перевале возле с. Киевка, яркий пример этому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аниховский С. Э. Этнорелигиозные отношения на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах взаимодействия православия с религиозными верованиями китайского населения) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 158 с.

Арсеньев В. К. Карты к краткому военно-географическому и военно-стратегическому обзору Дальнего Востока. М. : Литогр. Приамур. воен. топогр. отд., 1911. 19 л. к., 20 л. литогр. к.

Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901–1911. Хабаровск, 1912. 327 с.

Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае: ист.-этногр. очерк. Хабаровск, 1914. 207 с.

Арсеньев В. К. Лесные люди — удэгейцы. Владивосток : Кн. дело, 1926. 48 с.

Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня. М. : Молодая гвардия, 1937. 276 с.

Артемьев А. Р. Отчет об исследованиях Амурской археологической экспедиции в 2004 г. Читинская и Иркутская области, Приморский край // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 575. 265 л.

Браиловский С. Н. Тазы или удиһэ: Опыт этнографического исследования (отд. Оттиск из журнала «Живая старина»). СПб., 1901. 223 с.

Венюков М. И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб. : тип. Имп. акад. наук, 1868. 528 с.

Маак Р. К. Путешествие по долине реки Уссури. СПб., 1861. Т. 1. 203 с.

Палладий, архимандрит. Уссурийские маньцзы // Известия ИРГО. СПб., 1871. Т. 7. С. 369–377.

Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна тангутов. М. : Дрофа, 2008. 766 с.

Решетов А. М. Китайцы // Народы России: энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 193–196.

Старцев А. Ф. Религиозные воззрения и культовые сооружения тазов Приморского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 74–81.

Цюй Хуйчуань, Юань Линь. Чаосянь-дэ чан пин тун бао цянъ (Монеты Санъпхёнъ тхонъбо Кореи) // Чжунго цянъби. 1985. № 3. С. 70–74.

REFERENCES

Anihovskij S. Je. Jetnoreligioznye otnoshenija na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. (na materialah vzaimodejstvija pravoslavlja s religioznymi verovanijami kitajskogo naselenija) [Ethnoreligious relations in the Far East of Russia in the second half of the XIX — early XX centuries. (based on the interaction of Orthodoxy with the religious beliefs of the Chinese population)]. Dissertacija... kandidata istoricheskikh nauk. M., 2004. 158 s. (in Russian).

Arsen'ev V. K. Karty k kratkomu voenno-geograficheskomu i voenno-strategicheskomu obzoru Dal'nego Vostoka [Maps for a brief military-geographical and military-strategic review of the Far East]. M.: Litogr. Priamur. voen. topogr. otd., 1911. 19 l. k., 20 l. litogr. k. (in Russian).

Arsen'ev V. K. *Kratkij voenno-geograficheskij i voenno-statisticheskij ocherk Ussurijskogo kraja 1901–1911* [A brief military-geographical and military-statistical essay of the Ussuri Territory 1901–1911]. Habarovsk, 1912. 327 s. (in Russian).

Arsen'ev V. K. *Kitajcy v Ussurijskom krae: Ocherk ist.* — jetnogr [The Chinese in the Ussuri Territory: Essay on the historical ethnogr]. Habarovsk, 1914. 207 s. (in Russian).

Arsen'ev V. K. *Lesnye ljudi — udjehejcy* [Forest people — Udeheists]. Vladivostok: Kn. delo, 1926. 48 s. (in Russian).

Arsen'ev V. K. *V gorah Sihotje-Alinja* [In the mountains of Sikhote Alin]. M.: Molodaja gvardija, 1937. 276 s. (in Russian).

Artem'ev A. R. *Otchet ob issledovanijah Amurskoj arheologicheskoi jekspedicii v 2004 g. (Chitinskaja i Irkutskaja oblasti, Primorskij kraj* [Research report of the Amur Archaeological Expedition in 2004 (Chita and Irkutsk Regions, Primorsky Territory)]. Arhiv IIAJe DVO RAN. F.1. Op.2. D. 575. 265 l. (in Russian).

Brailovskij S. N. *Tazy, ili udihje: Opyt jetnograficheskogo issledovanija (otd. Ottisk iz zhurnala “Zhivaja starina”)* [Tazy or Udhehe: An Ethnographic Study Experience (Sep. Imprint from Living Antiquities magazine)]. SPb., 1901. 223 s. (in Russian).

Venjukov M. I. *Puteshestvija po okrainam russkoj Azii i zapiski o nih* [Travels on the outskirts of Russian Asia and notes about them]. SPb.: Tip. Imp. akad. nauk, 1868. 528 s. (in Russian).

Maak R. K. *Puteshestvie po doline reki Ussuri* [Ussuri River Valley Tour]. T. 1. SPb., 1861. 203 s.

Palladij, arhimandrit. *Ussurijskie man'czy* [Ussuri Mansi]. *Izvestija IRGO*. SPb., 1871. T. 7. S. 369–377 (in Russian).

Przheval'skij N. M. *Puteshestvie v Ussurijskom krae. Mongolija i strana tangutov* [Travel in the Ussuri region]. M.: Drofa, 2008. 766 s. (in Russian).

Reshetov A. M. *Kitajcy* [Chinese]. *Narody Rossii: jenciklopedija*. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1994. S. 193–196 (in Russian).

Starcev A. F. *Religioznye vozrenija i kul'tovye sooruzhenija tazov Primorskogo kraja* [Religious views and places of worship in the basins of the Primorsky Territory]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija*. 2019. № 1. S. 74–81 (in Russian).

Цитирование статьи:

Артемяева Н. Г., Макиевский С. В. Буддийская кумирня возле села Киевка (Приморский край) // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 108–126.

Citation:

Artemieva N. G., Makievskij C. V. Buddhist idol near s. Kiev (Primorsky kraj). *Nations and religions of Eurasia*. 2020. № 3 (24). P. 108–126.

УДК 902.03

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-08

Л. С. Марсадоллов*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (Россия)*

НОВАЯ СЕМАНТИКА ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ НА САРКОФАГЕ ИЗ КУРГАНА БАШАДАР-2 НА АЛТАЕ

В статье анализируются изображения на огромной деревянной колоде-саркофаге, найденном экспедицией С. И. Руденко в большом кургане Башадар-2. Этот саркофаг — один из самых значимых и ритуально важных предметов VI в. до н. э. на Алтае.

В древности мастера вырезали на крышке и стенке колоды образы 16 животных, из них — 8 тигров и 8 копытных (по три лося и горных козла и два кабана). Верхние образы тигров являются главными, а нижние образы копытных животных — второстепенными. Изображения тигров с зимним мехом находятся в нижней части саркофага, а на крышке тигры с летней шерстью опираются на спины копытных животных. Два крайних лося, лежащих на спине, отражают переломные природно-сакральные моменты в дни весеннего и осеннего равноденствий.

Образ тигра можно сопоставить с созвездием Орион, которое «господствует» в северной части неба в зимний период. Это созвездие не видно летом, но на небе оно находится рядом с созвездиями Быка/Лося и Овна/Барана. Вероятно, изображения на саркофаге должны были помочь в дальнейшем процессе «возрождения» вождя из Башадара-2.

Ключевые слова: Алтай, Башадар, пазырыкская культура, деревянный саркофаг, образы животных, тигр, копытные животные, семантика.

L. S. Marsadolov*The State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia)*

NEW SEMANTICS OF ZOOMORPHIC IMAGES ON THE SARCOPHAGUS FROM BARROW BASHADAR-2 IN ALTAI

The article analyzes images on a huge wooden sarcophagus, found by the expedition of S. I. Rudenko in the large barrow Bashadar-2. This sarcophagus is one of the most significant and ritually important objects of the 6 century BC in Altai.

In ancient times, craftsmen carved images of 16 animals on the lid and wall of the sarcophagus, of which 8 tigers and 8 ungulates (3 elks, 3 mountain goats and 2 wild boars).

The upper images of the tigers are the main, and the lower images of ungulates are secondary. Images of tigers with winter fur are located in the lower part of the sarcophagus, and on the lid tigers with summer fur rest on the backs of ungulates. Two extreme elks lying on their back reflect the crucial natural sacred moments on the days of spring and autumn equinoxes.

The image of the tiger can be compared with the constellation Orion, which “dominates» in the northern part of the sky in the winter. The Orion constellation is not visible in the Summer, but is it in the sky next to the Bull/Elk constellations? and Aries/Ram. Probably, the images on the sarcophagus should have helped in the further process of “revival” of the leader from Bashadar-2.

Keywords: Altai, Bashadar, Pazyryk culture, wooden sarcophagus, images of animals, tiger, astronomy, Orion, semantics

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург (Россия). Адрес для контактов marsadolov@hermitage.ru

Marsadolov Leonid Sergeevich, doctor of cultural studies, leading researcher of the Department of archaeology of Eastern Europe and Siberia at the State Hermitage Museum, Saint Petersburg (Russia). Contact address marsadolov@hermitage.ru

В больших курганах пазырыкской культуры Алтая мумифицированные тела племенных вождей древних кочевников были помещены в деревянные колоды, которые по своей сакральности могут быть сопоставлены с саркофагами египетских фараонов и китайских правителей.

В первой половине VI в. до н. э. группа воинственных кочевников, возможно, потомков киммерийцев, побывавшая в Передней Азии и северной части Китая, заняла «ключевые» долины в Башадаре и Туэкте, быстро распространила своё влияние на многие районы Алтая, составила правящую элиту населения пазырыкской культуры и подчинила ранее проживавшие на этой территории местные племена [Марсадолов, 1997, 2006].

Археологический памятник Башадар находится на левом берегу р. Каракол, в 3 км к северо-востоку от посёлка Кулада. Башадар — сложный археологический комплекс ритуальных и погребальных сооружений пазырыкской, древнетюркской и других культур, включающий сотни различных по величине объектов. В 1950 г. экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР под руководством известного ленинградского археолога С. И. Руденко раскопала в Башадаре два больших кургана, а в 1985–1986 гг. экспедиция Государственного Эрмитажа исследовала два малых кургана VI в. до н. э. [Руденко, 1960; Марсадолов, 1997].

С. И. Руденко [1960: 22] считал, что топоним «Башадар» значит «простреленная голова». Л. С. Марсадолов предполагает, что топоним «Башадар» восходит к алтайским и тюркским словам: «*Баиш*» — голова, верх, глава, предводитель и «*адар*» — стрелять, стрелок, что в целом обозначает «глава/главный/предводитель стрелков» или местонахождение/ставка «главы стрелков = вождя воинов = военачальника». Вероятно, та-

кой перевод больше соответствует социальной значимости и сакральности этого места в древности и современности.

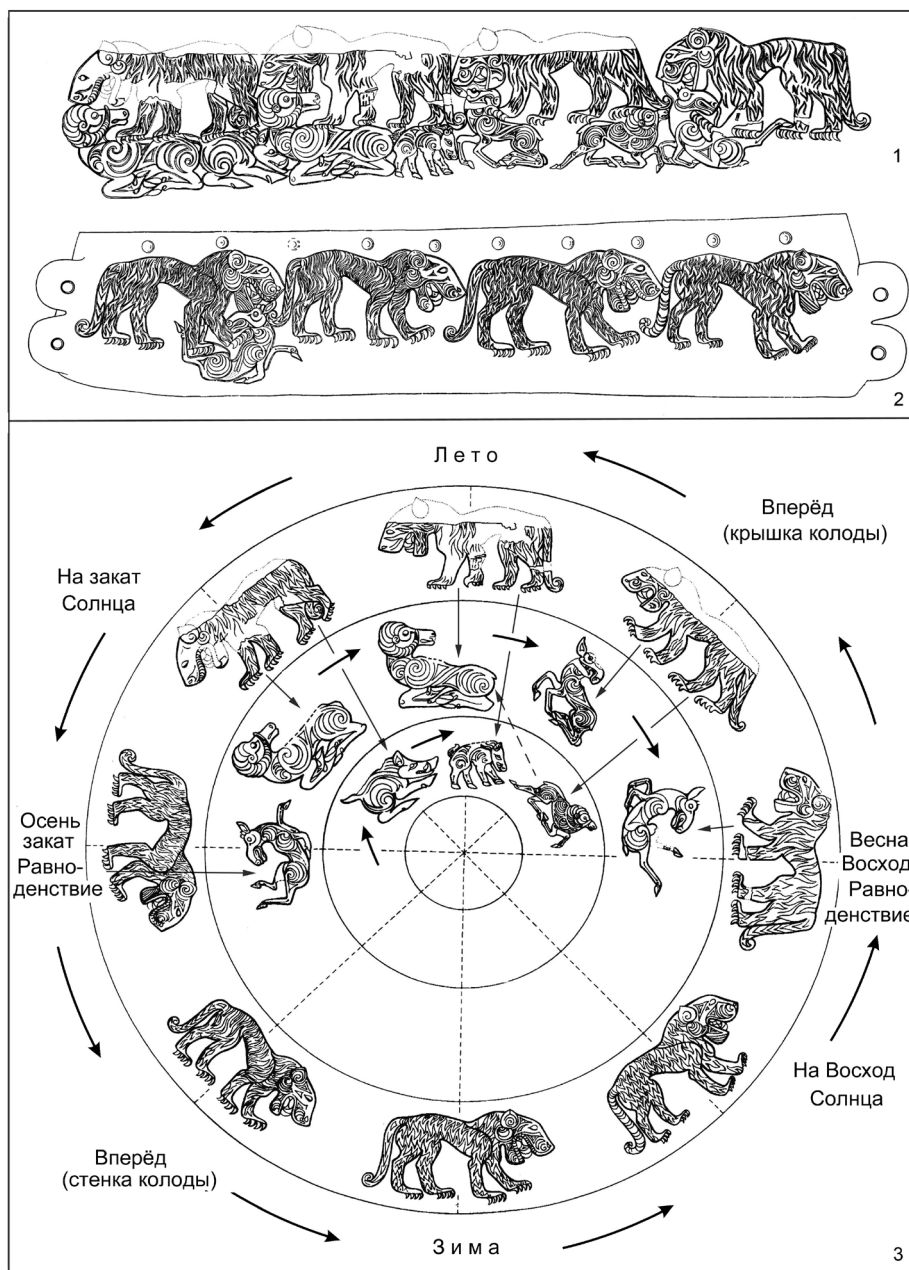

Рис. 1. Алтай, курган Башадар-2. Изображения на деревянной колоде:
 1 – на крышке колоды; 2 – на стенке колоды, обращённой к югу;
 3 – семантическая реконструкция движения образов на колоде

Предыдущие объяснения изображений на саркофаге из Башадара-2

Колода для мужчины в кургане Башадар-2 была сделана из части огромного ствола сибирского кедра и покрыта вырезанными изображениями тигров, кабанов, горных баранов и лосей. Длина колоды — 315 см, высота — 50 см (см. рис. 1. — 1–2).

С. И. Руденко дал общее подробное описание башадарской колоды, её местонахождение в кургане и проанализировал стилистические особенности изображенных на ней художественных образов. Он обратил внимание на то, что колода стояла у южной стенки внутреннего деревянного сруба и была обращена стороной с изображениями к стене сруба. По его мнению, мастер, украсивший полностью резьбой крышку колоды, не успел своевременно завершить композицию на лицевой стенке саркофага [Руденко, 1960: 46].

В 1984 г. Л. Л. Баркова отметила, что «сцена была задумана такой, какой мы её теперь видим» (с этим положением согласен и автор этой статьи). Она привела широкий круг евразийских стилистических аналогий для образов животных на колоде из Башадара-2, а также попыталась рассмотреть сцены на саркофаге «как единую многофигурную композицию», имеющую «определённое ритуальное действие» [Баркова, 1984: 86–88].

А. С. Суразаков в 1986 г. предположил, что погребенный в саркофаге военачальник, изображенный в образе тигра, участвовал при жизни в ряде важных сражений, отраженных в изображениях на колоде. «В начале своей воинской деятельности башадарский военачальник разгромил (вывернутая задняя часть тулова) родо-племенную группу, тотемическим предком которой считалась лосиха, затем прогнал от границ своей территории группу барана (убегает)» ... и т. д. Против этого вождя «в процессе его жизни выступали силы трёх родов — лосихи, барана и кабана, причём род лосихи выступал против военачальника два раза самостоятельно и один раз в коалиции с родом барана, род барана один раз совместно с родом лосихи и два раза с родом кабана, род кабана оба раза с родом барана ... Популярность его (военачальника) была настолько велика, что основные выигранные им сражения, были зафиксированы на сооружённой для погребения колоде» [Суразаков, 1986: 24–26].

Основные физиологические особенности реальных животных и их отражение в образах на колоде из Башадара-2

Чтобы понять важные моменты в жизни животных, образы которых отражены на башадарском саркофаге, кратко рассмотрим их особенности в разные сезонные периоды.

Тигры. Как лев в Африке и Передней Азии, так и тигр в Сибири и Восточной Азии у многих народов считались «царями» всех диких зверей и животных. Учёные относят тигра к семейству кошачьих и роду пантер (лат. *Panthera tigris*), а само слово *тигр* возводят к древне-персидскому «*tigrī*» от корня «*taig*» — «острый, быстрый», так как этот хищник развивает скорость до 60 км в час.

Идущие тигры на колоде и на её крышке переданы по-разному. На стенке саркофага на туловах тигров изображено гораздо больше «полос», чем у таких же образов на крышке. Вероятно, в древности мастер, зная, что зимний мех более плотный, так старался изобразить более густой волосяной покров у тигров на стенке саркофага (рис. 1. — 2 и 2. — 2). У четырёх тигров на крышке колоды «полос» гораздо меньше, что, вероятно, свидетельствует о том, что так передан более редкий по густоте во-

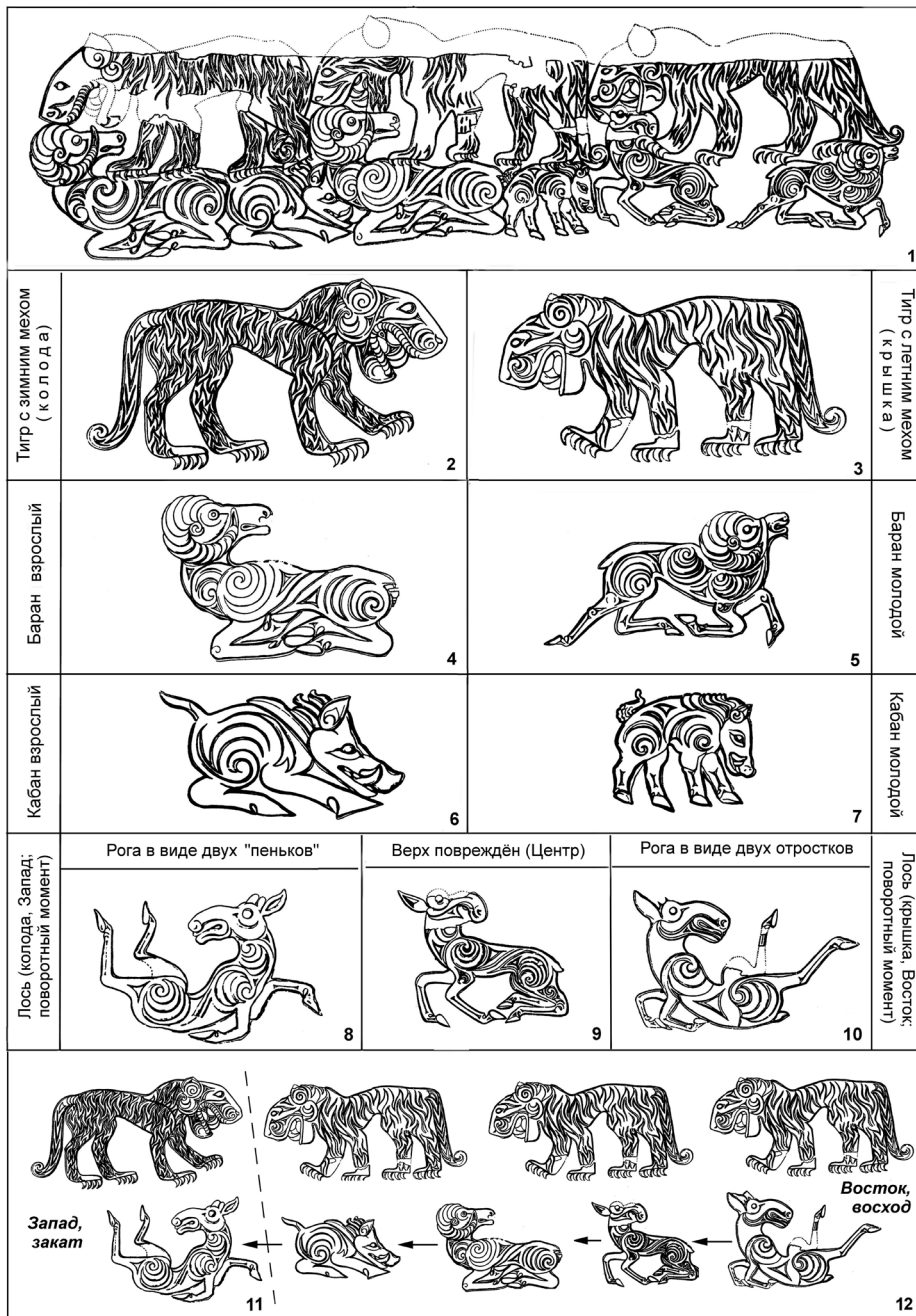

Рис. 2. Башадар-2. Отражение сезонных и астрономических изменений: 1 – фрагмент изображений на крышке колоды; 2–3 – тигры с зимним и летним мехом; 4–7 – молодые и взрослые горные бараны и дикие кабаны; 8–10 – разные по возрасту лоси, маркирующие поворотные моменты в дни весеннего и осеннего равноденствий; 11 – переход к новому сезону на стенке колоды; 12 – ориентация образов на крышке колоды

лос летний мех (см. рис. 2. — 3). При движении, начиная с первого восточного тигра на крышке колоды, постепенно «густота шерсти» становится более плотной к западной части колоды, а затем также постепенно переходит от более густой к более редкой «шерсти» у крайнего восточного тигра на стенке саркофага.

Лоси. Следует отметить, что и на туловах лосей «густота шерсти» также изображена не одинаково. На крышке колоды у первого лося голова повёрнута на восток, в сторону восхода солнца и тепла, а «шерсть» в виде спирального орнамента, менее плотно закручена, чем на стенке саркофага у лося с головой, повёрнутой на запад, в сторону захода солнца и наступления холода (см. рис. 2. — 8, 10). Лоси с головами, повёрнутыми на восток и запад, изображены в динамичной позе разворота задней части туловища на 180 градусов или, как называют такое изображение некоторые археологи, с «вывихнутым задом». Возможно, эти лоси показаны лежащими на спине, с поднятыми вверх задними ногами и полусогнутыми в коленях передними ногами. Такая необычная для животных поза, наиболее вероятно, свидетельствует о «поворотных моментах», например, солнца. У лося, голова которого повёрнута на восток, передние ноги подогнуты под тулово, а у лося, головой обращенного на запад, ноги передают момент подготовки к началу движения.

У лося, вырезанного в центральной части крышки колоды, голова повёрнута на восток, спина и тулово прямые, задние ноги подогнуты, но он пытается подняться на передних полусогнутых ногах (см. рис. 2. — 9). Этот лось гораздо меньше по размерам двух других лосей. Изображение верхней части головы этого животного не сохранилось. У двух крайних лосей на голове показаны по два небольших отростка рогов.

Известно, что новое потомство у лосей рождается в мае-июне и только в возрасте 6–8 месяцев (т. е. в начале следующего года) у лосей-самцов на голове появляются небольшие костные выросты — «пеньки», на которых в мае начинают отрастать собственно рога. В первый год у молодых лосей рога имеют вид «шпилек» длиной 20–30 см.

На крышке башадарской колоды «восточный» лось имеет очень маленькие острые отростки рогов, а «западный» — более крупные отростки-«пеньки». В целом рога этих двух лосей свидетельствуют, что на крышке и на саркофаге вырезаны образы особой возрастом менее двух лет, при этом западный лось более взрослый, чем восточный (см. рис. 2. — 8, 10).

Ежегодно у взрослых животных рога начинают вновь расти в апреле-мае, в конце июля их рост заканчивается, и они постепенно окостеневают. На третьем-четвертом году жизни на рогах образуется не менее трех отростков, начинается формирование расширенной средней части — «лопаты». В возрасте от 6 до 10 лет рога достигают максимальных размеров, и в дальнейшем число отростков мало соответствует возрасту животного, однако большое их количество свидетельствует лишь о том, что это уже взрослый или старый лось. В холодный период, с конца ноября по январь/февраль, в основном в декабре, лоси сбрасывают старые рога, а весной, с наступлением тепла, у них начинают отрастать новые рога [Природа..., 2020].

Горные бараны. На крышке колоды вырезаны три фигуры горных баранов. Головы всех баранов повёрнуты на восток. Самый маленький баран находится под двумя задними лапами второго тигра, а два других более крупных барана изображены под перед-

ними лапами третьего и четвертого тигров. Если мелкий баран показан в позе стремительного движения в восточную сторону, то у двух других более крупных баранов туловище развёрнуто на запад, а голова — на восток. Среди копытных животных, изображённых на крышке колоды, образ барана занимает доминирующее положение как по числу изображений (3 из 7), так и по своим размерам (см. рис. 2. — 1, 4–5).

Дикие кабаны. Две фигуры кабанов с головой, обращённой на восток, также вырезаны на крышке колоды (см. рис. 2. — 6–7). Более мелкий по размерам кабан стоит на четырёх прямых ногах, а его голова с маленьким клыком опущена вниз. Второй кабан, более крупный по размеру, изображён в позе готовности к нападению или защите. У него на холке вздыбленная щетина, хвост поднят вверх, а голова с большим клыком направлена вперёд. Этот кабан отличается от других копытных животных и тигров на колоде тем, что у него показаны не четыре, а две ноги (см. рис. 2. — 6).

Сезонные особенности жизнедеятельности животных. Основные данные о сезонных периодах спаривания, беременности и рождения нового потомства у тигров и копытных животных, по результатам многолетних наблюдений зоологов и охотников, были сведены автором в таблицу 1.

Таблица 1

Сезонные изменения в жизнедеятельности хищников и копытных животных

Комфортность	Сезон	Месяц	Хищник	Копытные		
			Тигр	Лось	Баран	Кабан
Тепло	Весна	Март	Рожд.	Берем.	Берем.	Берем.
		Апрель		Берем.	Берем.	Берем.
		Май		Рожд. (май — июнь)	Рожд.	Рожд.
	Июнь					
	Июль					
	Лето	Август	Гон	Сп. + Берем.	Гон	Гон
Сентябрь						
Октябрь						
Холод	Осень	Ноябрь	Берем.	Берем.	Берем.	
		Декабрь	Сп. + Берем.	Берем.	Берем.	
		Январь	Сп. + Берем.	Берем.	Берем.	
	Зима	Февраль	Берем.	Берем.	Берем.	
Период беременности			97–112 дней (3–3,8 мес.)	226–243 дня (до 8 мес.)	150 дней (5 мес.)	126–133 дня (4,5 мес.)
Приплод (потомство)			1–2 тигрénка	1–2 лосёнка	1 ягнёнок	2–5 поросят

Сокращения: Сп. — спаривание; Берем. — беременность; Рожд. — рождение нового потомства.

В течение одного года у животных отмечены два временных отрезка, по-разному важных для их жизнедеятельности — тёплый (весенне-летний) и холодный (осенне-зимний). Как правило, ухаживание и спаривание у хищников и копытных происходит в холодный период, а рождение нового потомства — в теплое весеннее время. Самый

продолжительный период беременности отмечен у лосих — до 8 месяцев, что гораздо длительнее, чем у самок горных баранов и кабанов (табл. 1). Только у кабанов и тигриц близки числа дней беременности (100–140 дней — близки, но не равны), что почти в два раза меньше времени беременности у лосих (до 240 дней).

Астрономические основы движения Солнца и Луны

Хорошо известно, что солнце и луна — источники жизни на Земле. По дневному и ночному светилам человек научился ориентироваться в пространстве и определять время в течение дня и года. Утром солнце восходит на востоке, вечером заходит на западе, а в полдень солнце находится в самой высокой точке — на юге. В течение суток человек различает светлую половину — день и тёмную — ночь. День связан с тёплым светилом — солнцем, а более холодная ночь — с луной и звёздами.

Солнце позволяло также определить сезоны и времена года/лета, которые слагаются из суток, сезонов и полугодий (тёплых и холодных). Тёплые весенне-летние и холодные осенне-зимние отрезки времени образуют две противоположности — лето и зиму, в целом составляющих один год.

В дни осеннего и весеннего равноденствия солнце восходит на востоке и заходит на западе. Летом солнце восходит в самой высокой точке на северо-востоке, а заходит на северо-западе (в день летнего солнцестояния). Зимой солнце восходит в самой низкой точке на юго-востоке, а заходит на юго-западе (в день зимнего солнцестояния). Следовательно, в течение года солнце находится в 6 значимых точках-станциях: *восхода* — на востоке, северо-востоке, юго-востоке, *захода* — на западе, северо-западе, юго-западе. Движение солнца относительно звёзд было менее наглядным, чем постоянные перемещения луны.

Луна, как и солнце, восходит на востоке, а заходит на западе в ночное время, делая в течение года небольшие остановки в 8 точках-станциях восхода/захода, высокой/низкой луны, в северной и южной частях горизонта.

Ещё в эпоху палеолита человек осознал движение Солнца и Луны, что нашло отражение в числах, сгруппированных в виде рядов прямых «палочек» или круговых спиралей, изображаемых отрезками линий и точками. В это время был выработан счёт дней, недель, лунных месяцев, продолжительности года и других данных, необходимых для активной жизнедеятельности человека. Новые астронаблюдения, с использованием основных конфигураций звездных скоплений — созвездий, были продолжены в неолите, а затем в разных по времени и территории культурах эпох бронзы и железа.

Звёздное небо, с огромным разнообразием звёздных очертаний, позволяло наблюдать суточные и сезонные изменения, что давало больше возможностей для фиксации практически значимых моментов времени в виде геометрических, зоо- и антропоморфных фигур, символов и знаков.

Календарные представления кочевников Саяно-Алтая почти всегда были тесно связаны с календарями Китая и Передней Азии, но и астронаблюдения кочевников также оказывали на них определённое влияние. У различных народов известно много календарных систем с разным делением года на 2, 4, 6, 8, 12, 24 временных отрезков/сезонов/месяцев.

По мнению многих ученых, в 12-месячном и 12-годовом восточном зоокалендаре названия многих образов-знаков зодиака восходят к животным, встречающимся в своем большинстве в степном поясе, в котором проживали древние кочевники.

Возникновение китайского календаря исследователи относят к III–II тыс. до н. э. К ещё более раннему времени относится «научное» возникновение представлений о движении Солнца, Луны и звёзд. Позднее, во второй половине I тыс. до н. э., в Китае на небе уже были выделены 28 созвездий («обитателей», «домов»), расположенных не строго вдоль эклиптики, а в области, прилегающей к экватору и эклиптике, в которой перемещались Луна, Солнце и планеты. Не случайно эти созвездия назывались «лунными станциями». Расположение этой области ближе к экватору, характерное также и для зодиака вавилонян, возможно, было связано с суточным движением светил как наиболее заметным.

Уже в период династии Чжоу в Китае существовало чёткое деление года на четыре сельскохозяйственных сезона, что позднее нашло отражение в делении зодиакальных созвездий на четыре большие группы с названиями (см. рис. 3. — 19): Зима — Северная часть неба (Чёрная Черепаха или Чёрный Воитель); Весна — Восточный Дракон (Зелёный); Лето — Южная Птица (Красная); Осень — Западный Тигр (Белый).

Китайские созвездия, объединяемые очертаниями животных, можно отождествить с современной европейской звёздной картой (см. рис. 3. — 19). Животные слегка смещены по отношению к современному разделению зодиака на четыре части, определяемые точками равноденствия и солнцестояния, что, возможно, является результатом прецессионного движения [Марсаолов, Чернитенко, 1998].

В Китае изображения тигра и дракона, позднее птицы и черепахи можно найти на бронзовых сосудах и на предметах мелкой пластики, как в более раннее время — во II–I тыс. до н. э., так и позднее.

На зеркале из могильника Шанцуньлинь в Китае (VIII в. до н. э.) в средней части изображены два разных по размерам хищника (тигра), которые готовы напасть на копытное животное (возможно, лося?). В нижней части зеркала расположена птица с раскинутыми крыльями (см. рис. 3. — 1). По своей ориентации — птица внизу, меньший хищник с одной стороны и больший зверь — с другой. Эта композиция очень напоминает поздние ставшие традиционными для Китая четыре участка неба — Птица (Юг), Тигр (Запад), Дракон (Восток) и Север, Зима, Вечность, область незаходящих за горизонт созвездий, а также образов в виде долгоживущей Черепахи, копытных, Черного Воина (живущих севернее кочевников) и других символов (см. рис. 3. — 19).

В течение года менялись точки восхода и захода солнца и его максимальная высота над горизонтом. Эти точки в дни летнего и зимнего солнцестояний на широте около 52 градусов отделены вправо и влево от точек дней равноденствий на 22,5 градуса, что в целом составляет дугу/сектор в 45 градусов.

Если круг в 360 градусов разделить на 8 секторов, то получим 8 секторов по 45 градусов. Круглый диск сакрального келермесского зеркала был в древности разделён на 8 секторов по 45 градусов [Марсаолов, 2013], а на башадарской колоде образы тигров также «сгруппированы» в 8 секторов (см. рис. 1. — 3).

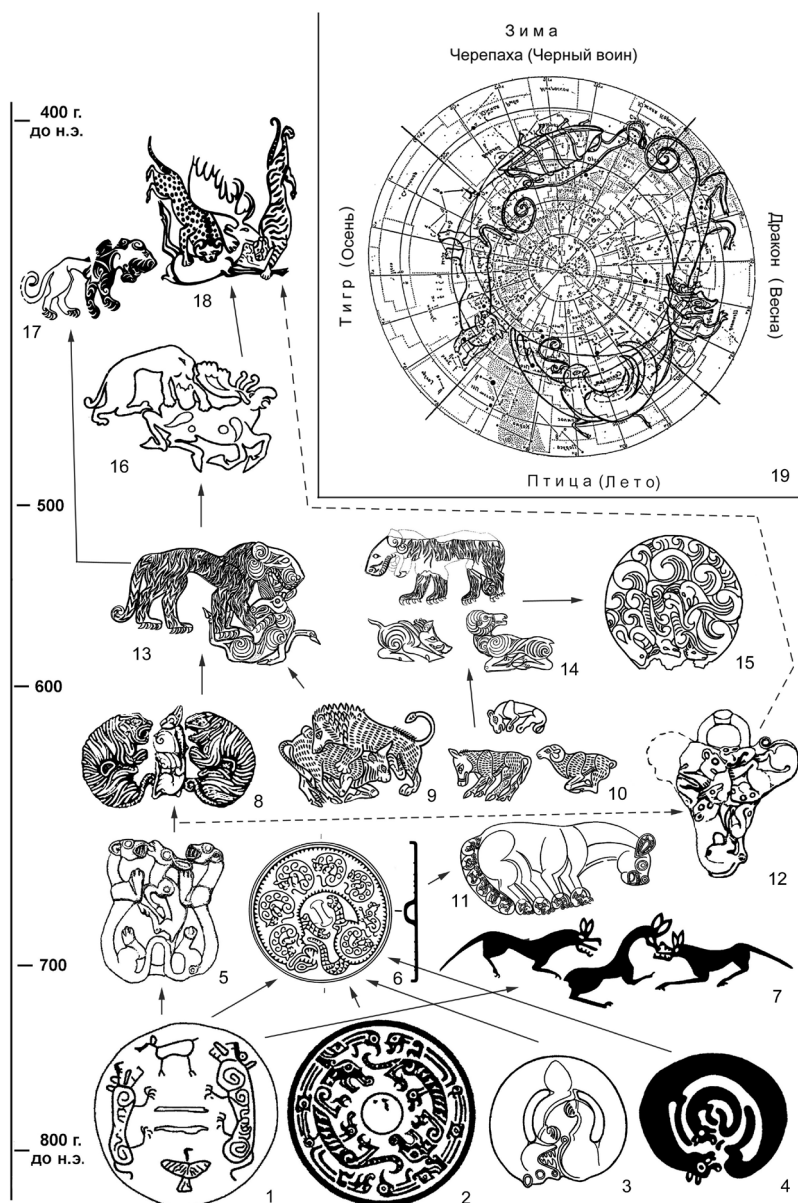

Рис. 3. Сопоставление образов хищников и копытных из разных регионов и памятников: 1 – могильник Шанцуньлин, М-1612, Китай; 2 – отдельная находка, Китай; 3 – курган Аржан-1, Тува; 4 – пос. Аржан, Тува; 5 – случайная находка, Ордос; 6 – Чэньянчунь, Китай; 7 – Гордион, Турция; 8 – курган Аржан-2, Тува; 9–11 – Келермесские курганы, Кубань; 12 – Пьяный Бор, Прикамье; 13–14 – курган Башадар-2, Алтай; 15 – могильник Юстыд-ХII, к. 16, Алтай (раскопки В. Д. Кубарева); 16 – курган Пазырык-1, Алтай; 17–18 – курган Пазырык-5, Алтай; 19 – современная астрономическая карта неба, с наложенной на неё средневековой китайской звёздной картой. Ряд созвездий в Китае были объединены в 4 основных сезонных участка, отражённых в образах – Тигра, Птицы, Дракона и Черепахи

В повседневной жизни наблюдение и использование информации о постоянно меняющихся на горизонте точках восхода/ захода солнца и луны, их высоты в течение года были достаточно трудоёмким и многолетним делом. Как свидетельствуют совместные исследования экспедиции Эрмитажа и астрономов из Пулковской обсерватории, в древности такие постоянные астронаблюдения проводились на святилищах, курганах-храмах и астропунктах Саяно-Алтая во II–I тыс. до н. э. [Марсадалов, 2009].

Новая общая календарная семантика образов из Башадара-2

Даже на первый приблизительный взгляд видно, что на крышке башадарской колоды 4 тигра следуют в западном, а на стенке саркофага 4 тигра — в восточном направлении (см. рис. 1). Вполне допустимо рассматривать шествие из восьми тигров и восьми копытных животных на крышке и лицевой стенке колоды как замкнутую круговую циклическую схему-композицию (см. рис. 1–3; табл. 2–3). В основе такой схемы лежат сакральные представления о постоянном природно-сакральном круговороте, отражённом через движение по кругу сезонных звериных образов.

Изменения сезонной густоты волосяного покрова и размеров у изображенных тигров и копытных животных на башадарской колоде свидетельствуют, что алтайские кочевники, жрецы и мастера хорошо осознавали, как теплые и холодные временные периоды, так и возрастные особенности молодых и взрослых особей животных (см. рис. 2).

Четыре крупных изображений тигров на крышке колоды символизируют тёплую половину года, а четыре других тигра с «густой шерстью» на стенке саркофага — холодную половину (см. рис. 2, табл. 2).

Таблица 2

Башадар-2. Основные образы хищников и копытных на крышке и колоде

Образы		Крышка (верх)		Колода (низ)	Всего образов	
<i>Хищники</i>	тигр	4 тигра (с летним мехом)		4 тигра (с зимним мехом)	8 (4 + 4)	8
		передние ноги	задние ноги			
<i>Копытные</i>	лось	1 (переход весна-лето) +1 (малый)	—	1 (переход осень-зима)	3	8
	баран	1 + 1 (взрослых)	1 (молодой)	—	3	
	кабан	—	1 + 1 (молодой и взрослый)	—	2	
<i>Всего копытных</i>		4	3	1	Итого — 16	

Всего на колоде и её крышке вырезаны 16 животных, из них — 8 тигров и 8 копытных (по три лося и горных козла и два кабана — табл. 2). На стенке колоды по числу изображенных образов преобладают тигры (4 + 1 лось), а на крышке гораздо больше копытных (7 копытных против четырех хищников).

Под передними лапами тигров находятся крупные изображения пяти копытных животных — трех лосей и двух горных баранов. На крышке колоды задние лапы трех тигров опираются на более мелкие изображения трех копытных — одного барана и двух кабанов (см. рис. 1). Трое тигров на стенке саркофага не имеют под лапами копытных животных, а каждый из трех тигров на крышке колоды попирает двух копытных. Один

тигр на крышке и один тигр на стенке колоды удерживают каждый по одному отчаянно сопротивляющемуся лосю, с головой, повёрнутой назад, в сторону, противоположную голове тигра. Изображённые под задними лапами тигров более мелкие копытные животные постепенно переходят под передние лапы следующего тигра. Это можно проследить на изменениях размеров горных баранов. При этом более молодые животные «взрослеют», переходя под лапы следующего вперёд на запад тигра, т. е. через определённый промежуток времени (см. рис. 1 и 2).

Интересно отметить, что хотя четыре тигра на крышке колоды движутся с востока на запад и четыре тигра на стенке саркофага — с запада на восток, но все эти восемь тигров шествуют *против хода солнца* (против часовой стрелки), против хода Времени, что может свидетельствовать о надежде на новое возрождение после смерти башадарского вождя.

У четырех копытных животных (двое лосей и двое баранов), на которых тигры наступают передними лапами, головы повернуты на восток по ходу светил, а туловище ориентировано на запад (см. рис. 1). Голова, туловище и ноги этих копытных расположены в виде S-образного знака перемен. Два кабана и один малый баран, находящиеся под задними лапами тигров, головой, туловищем и ногами направлены *по ходу солнца и луны* в восточном направлении (см. рис. 1. — 3).

На башадарской колоде комбинации сцен с разными по виду и возрасту животными не повторяются. Каждая малая сцена «шествия» отличается от последующей. Более наглядно этот процесс можно представить в знаковой форме, учитывая такие признаки, как вид животного, направление его движения или поворот головы и туловища, плотность меха и возраст особи (табл. 3).

Таблица 3

Отражение возраста, сезонности и направления движения в образах хищников и копытных на крышке и колоде из кургана Башадар-2

Крышка	Хищник	Тигр (западный)		Тигр		Тигр		Тигр (восточный)
	Движение	←		←		←		←
	Мех	Переходный		Летний		Летний		Летний
	Лапы	Перед.*	Задние	Перед.*	Задние	Перед.	Задние	Передние
	Копытные	Баран	Кабан	Баран	Кабан	Лось	Баран	Лось
	Возраст	Взросл.	Взросл.	Взросл.	Молод.	Молод.	Молод.	Молод.
	Движение	∞	→	∞	→	∞	→	∪
	Колода	Хищник	Тигр (западный)		Тигр		Тигр	
Движение		→		→		→		→
Мех		Зимний		Зимний		Зимний		Переходный
Лапы		Перед.	Задние	Перед.	Задние	Перед.	Задние	Передние
Копытное, возраст		Лось, взросл.	—	—	—	—	—	—
Движение		∪						

Сокращения*: Перед. — передние (лапы); Взросл. — взрослый; Молод. — молодой.

Вероятно, на крышке и стенке колоды в древности отразили постепенное изменение с молодого (М) на взрослый (В) возраст у восьми копытных животных, что можно кратко «записать» с востока на запад: М — ММ — МВ — ВВ — В (см. табл. 2 и 3). Этот процесс «взросления» копытных и тигров можно сопоставить с временным движением солнца и луны, с их «рождением» на востоке и постепенным угасанием на западе. В кургане Башадар-2 было найдено большое число солярных и лунарных символов на различных предметах [Руденко, 1960].

«Переломные природно-сакральные моменты» годового межсезонья в дни весеннего и осеннего равноденствий в Башадаре-2 изобразили в виде двух крайних лосей на крышке и стенке колоды, которые лежат на спине и пытаются подняться с помощью передних ног. Каждый из тигров одной передней лапой опирается на переднюю часть туловища лося, а другой передней лапой прижимает вниз заднюю половину лося с двумя беспомощно поднятыми вверх ногами, при этом две задние лапы этих тигров спокойно шествуют по кругу вперёд.

Древние кочевники Евразии, как и многие оседлые народности, вероятно, также подразделяли на две части как сутки (день-ночь), так и годовой цикл (лето-зима), выделяя более тёплые, светлые (день, лето) и холодные, тёмные (ночь, зима) временные промежутки. Переходные между этими двумя частями временные межсезонья кочевники старались привязать к переломным астрономическим точкам — дням весеннего и осеннего равноденствия и летнего и зимнего солнцестояния.

Астрономически важные моменты восхода и захода солнца в сакральные дни весеннего и осеннего равноденствия, перед летним и зимним природными сезонами особо выделены на башадарской колоде через образы тигра и лося. На саркофаге в целом изображённые образы тигров — основные, а ниже расположенные образы копытных животных помогают им при круговом движении (см. рис. 1). На крышке колоды, внизу, под передними лапами тигра (в точках заката, против хода светил) изображены предшествующие по времени образы, а под задними лапами тигра даны образы, которые последуют в будущем (в точках восхода, по ходу светил).

По результатам анализа изображений на башадарской колоде можно сделать вывод, что ряд важных астрономических моментов нашли отражение в отдельных сложных изобразительных сценах единой композиции.

Астрономические и семантические основы образа тигра

Жители Востока считали тигра посредником между Жизнью и Смертью, а также между Небом и Землей. Образ тигра в Китае использовался для ориентации как в пространстве, так и во времени — на Земле и на Небе. По древним легендам пять тигров являлись охранниками центра и четырех сторон света [Тресиддер, 1999]. В дальнейшем тигры стали охранниками восточной и западных сторон (см. рис. 3. — 1–2), а затем только западной части света на Земле, а также были связаны с Западным дворцом на Небе (см. рис. 3. — 19).

В связи с формированием новой календарной системы в Китае в VIII–V вв. до н. э. интерес к сезонности был очень большим, что отразилось в летописи «Весны и осени» («Чуньцю»), основным составителем которой считают великого государственного дея-

теля и философа Конфуция. Даже целый исторический период в Китае с 722 по 481 г. до н. э. был назван периодом «Весны и Осени».

Следует напомнить, что по многочисленным фактам археологами, дендрохронологами, палеозоологами и ботаниками установлено, что в VIII–IV вв. до н. э., в том числе и в период сооружения на Саяно-Алтае курганов Аржан-1, Башадар-2, Пазырык-1–5 и других, основным временем захоронения правящей элиты были весна и осень. На башадарской колоде наблюдается «переход» одних и тех же значимых образов (тигра, лося) из одних сцен (участков/секторов) в другие для усиления и подчёркивания важности движения этих образов через последовательные сезонные и возрастные изменения.

В египетской сакральной мифологии днём Солнце в образе бога Ра с головой барана плывёт на золотой ладье по Небу, а ночью в серебряной ладье-Луне — по подземной реке Дуат. На крышках саркофагов в Древнем Египте часто изображали Небо, Звёзды и антропо- и зооморфных богов.

На своде больших каменных гробниц в Китае и Корее в I тыс. н. э. иногда изображалось звёздное небо в виде отдельных созвездий как в виде символов — зоо- и антропоморфных образов. Как было отмечено выше, в Китае для удобства ориентации звёздное небо было разделено на 4 части, а ряд созвездий, объединённых в образ Тигра, при этом занимали почти $\frac{1}{4}$ часть видимого небесного свода (см. рис. 3. — 19).

Согласно восточному календарю начало нового года приходится на 2-е новолуние после зимнего солнцестояния, что выпадает на один из дней в период между 21 января и 19 февраля, что соответствует знаку Тигра. Если Тигр в этой восточной календарной системе символизирует начало нового года, то конец предшествующего старого года выпадает на знак Быка.

В связи с тем, что народы Востока считали тигра царем всех диких животных, то и созвездие Тигра обозначает первый главный месяц нового года. При формировании календарной системы этих народов образ Тигра стал одним из 12-летних, 12-месячных и 12-часовых циклических символов-знаков.

В Китае повелительницу Запада — богиню Си Ван Му, которая также являлась хранительницей бессмертия и плодовитости, часто изображали с тигроморфными чертами. Образ богини Си Ван Му семантически близок к образу Великой Богини Девы (Кибелы и др.) в переднеазиатской и западной сакрально-календарных системах, которая держит в руках за лапы двух львов/львят/леопардов или других хищников, что соответствует осенним созвездиям Девы и Весов [Марсадилов, 2013].

При изображении сакрального Тигра в Китае на его лоб часто ставили иероглиф «ванг» 王 (wàng), означающий «правитель, царь, король» или «царствовать, править». Этот иероглиф по своему написанию близок к астрономическому обозначению у многих народов Евразии созвездия Орион (см. рис. 4. — 1, 3, 5, 14).

Созвездие Орион господствует в северной части неба в холодную половину года — с начала декабря по конец января, а затем это созвездие полностью скрывается за линией горизонта и вновь появляется только поздней осенью. Известно, что окончание осени и приход зимы определяли по восходу над горизонтом созвездия Орион (по-китайски — Тсан) сразу после захода Солнца.

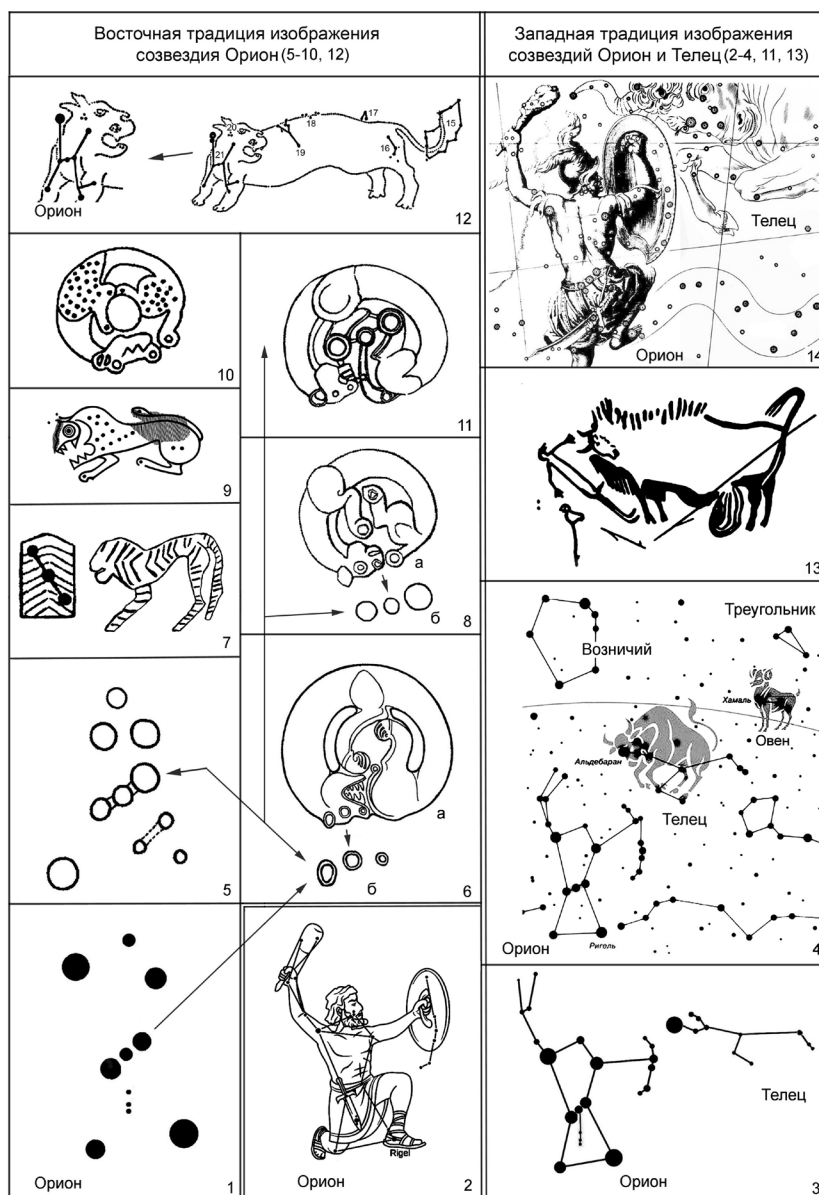

Рис. 4. Изображения созвездия Орион и образа тигра: рисунки созвездия Орион на современных (1–4) и средневековых (13) астрономических картах; 5 – наскальный рисунок из святилища Бийке на Алтае; 6, 8–11 – образы хищников на предметах из археологических памятников (6 – Аржан-1, Тува) [Грязнов, 1980]; 8 – Майэмирский клад, Западный Алтай [Баркова, 1984]; 9 – отдельная находка, Тува; 10 – Туран-II, Хакасия (раскопки А. Д. Грача) [Богданов, 2006]; 11 – Сибирская коллекция Петра I; 7 – изображение «пояса Ориона» и тигра на «оленных» камнях Монголии [Волков, 2002]; 12 – рисунок на стене в пещере Ляско, Франция; 14 – рисунок на карте неба из Китая [Марсадоллов, Чернитенко, 1998]

Наиболее яркие звезды в созвездии Орион образуют своеобразную фигуру (см. рис. 4. — 1–5), которую в Китае в древности изображали в виде полной фигуры хищника-тигра. В эпоху Средневековья, когда в образе западного Тигра, занимающего почти четверть видимого небосвода, объединили ряд крупных созвездий, то схематичный знак созвездия Орион стали изображать только на голове Тигра (см. рис. 4. — 14). Рядом с Орионом расположены созвездия Тельца (см. рис. 4. — 14, 18–19), далее Овна/Барана (см. рис. 4. — 14, 16–17) и другие звёздные скопления (см. рис. 4. — 4, 14).

На башадарской колоде изображения тигров с зимним мехом полностью «господствуют» в нижней «холодной» части саркофага, а на крышке колоды образы тигров с летней шерстью опираются на спины копытных животных, так как летом созвездие Орион не видно на небе.

Три традиции в изображении созвездия Орион

При наблюдении за звёздным небом на протяжении тысячелетий сформировались три основные традиции для символического обозначения и фиксации созвездий, в том числе и созвездия Орион — геометрическая (точечная /линейная/ схематичная), зооморфная и антропоморфная (см. рис. 4).

Геометрическое/схематичное изображение созвездий в виде *точек-ямок*, возможно, является самой древней из трёх традиций, с «корнями», уходящими в эпоху палеолита. Эта традиция просуществовала тысячелетия, и именно она наиболее популярна и среди современных астрономов.

Зооморфная традиция фиксации созвездий также была широко распространена в течение тысячелетий во многих регионах мира, в том числе в Передней Азии, Китае, Центральной Азии и Сибири.

Антропоморфная традиция изображений созвездий также своими корнями уходит вглубь веков и тысячелетий и известна во многих регионах мира. В арабских странах и в Европе в эпоху Средневековья на небесных картах созвездие Орион обычно изображали в виде вооруженного воина, который нападает или обороняется от разъяренного быка (созвездия Тельца — см. рис. 4. — 2–4, 13). Это в основном западная «календарная» традиция, противоположная восточной, когда Тигр побеждает Быка/Тельца/крупного копытного.

Согласно греческой мифологии I тыс. до н. э. охотник-великан Орион также связан с Небом, Солнцем, быком и другими животными [Мифы, 1992]. Не исключено, что одно из самых ранних палеолитических изображений созвездия Орион в виде антропоморфной фигуры с птичьей головой и рядом лежащим сломанным дротиком, поверженной Быком/Бизоном/Тельцом, находится на стене «шахты» в пещере Ляско, в Западной Европе, во Франции (см. рис. 4. — 12).

Созвездие Орион и древние кочевники Центральной Азии

На скальном выходе в центральной части святилища Бийке (эпоха бронзы), на «оленьих» камнях Монголии и сакральных предметах (IX — VII вв. до н. э.) изображены по три точки-ямки, соединённые между собой короткими линиями, что, вероятно, обозначает «пояс» в созвездии Ориона (см. рис. 4. — 5–11).

Особо следует подчеркнуть, что традиция изображения точками-кольцами важных частей зверей и копытных животных: *на голове* (глаз, нос и ухо) и *на тулове* (пе-

редняя, задняя части и хвост) в образах копытных животных и хищников широко использовалась уже в карасукское время в Центральной Азии, Китае и Сибири, в период господства так называемого евразийского геометрического художественного и сакрального стиля.

В начале I тыс. до н. э. у кочевых народов Евразии астроархеологически прослежена активизация астрономических наблюдений, что отразилось в курганах-храмах Аржан-1, Улуг-Хорум, Салбык и на святилищах в Семисарте, Ак-Бауре, Адыр-Кане, Юстыде, Туру-Алты, Бийке, на «оленных» камнях, стелах, наскальных рисунках, сакральных предметах и на других культовых объектах [Марсадолов, 2009; 1999; 2013].

У евразийских кочевников VIII–VI вв. до н. э. стилизация созвездия Орион, вероятно, постепенно привела к символическому образу свернувшегося хищника. Наиболее наглядное сходство между созвездием Орион и его сакральными образами можно проследить на примере изображений в виде свернувшихся пантер на предметах из кургана Аржан-1 в Туве, Майэмирского клада на Западном Алтае, пятого Чиликтинского кургана, Сибирской коллекции Петра-I и др. (см. рис. 4. — 6–11).

В это время жрецы и мастера выделили основные части морды, передних и задних лап и хвоста хищника в виде разных по размерам «точек — колец — отдельных звёзд», как и всей фигуры в целом, образующей «большой круг — кольцо — созвездие в целом».

Кочевники Монголии и в XIX в. называли ряд каменных изваяний Орионами, что зафиксировал во время своих путешествий Г. Н. Потанин. Вслед за ним М. Х. Маннай-оол, В. В. Волков и В. Д. Кубарев связывали символ в виде трёх или двух косых линий, нанесённых в верхней части лицевой стороны многих «оленных» камней Монголии, Тувы и Алтая, с созвездием Орион [Кубарев, 1979: 43].

Вероятно, три параллельных линии — это символ Неба, известный на окуневских изваяниях в более раннее время, а позднее и на триграмме из «Книги перемен» в Китае, на «оленных» камнях Центральной Азии, а три точки на ряде наскальных рисунков, изваяний и на образах хищников — отражение небесного культа созвездия Орион (см. рис. 4).

Композиционные и сакральные аналогии

Для сакральной композиции «кругового шествия зверей» на колоде из Башада-ра-2 можно отметить ряд композиционных и семантически близких аналогий. Наряду с изображениями «свернувшихся в кольцо хищников» у древних кочевников Евразии в первой половине I тыс. до н. э. ныне отмечено и огромное число образов «идущих» и «стоящих» в разных позах хищников, в том числе и тигров, которые вначале преследовали, а затем вели активную борьбу против других животных и между собой (см. рис. 3–5) [Руденко, 1960; Кубарев, 1979; Грязнов, 1980; Волков, 2002; Марсадолов, 2005, 2013, 2018; Богданов, 2006; Баркова, Панкова, 2006; Азбелев, 2017; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017].

Сцены в виде нападения одного, двух, трёх хищников на копытное животное были широко распространены в I тыс. до н. э. во многих регионах Евразии — в Центральной Азии, Китае, Передней Азии и в Европе (см. рис. 3). Более простые по сюжету композиции были многократно выявлены на евразийских археологических памятниках.

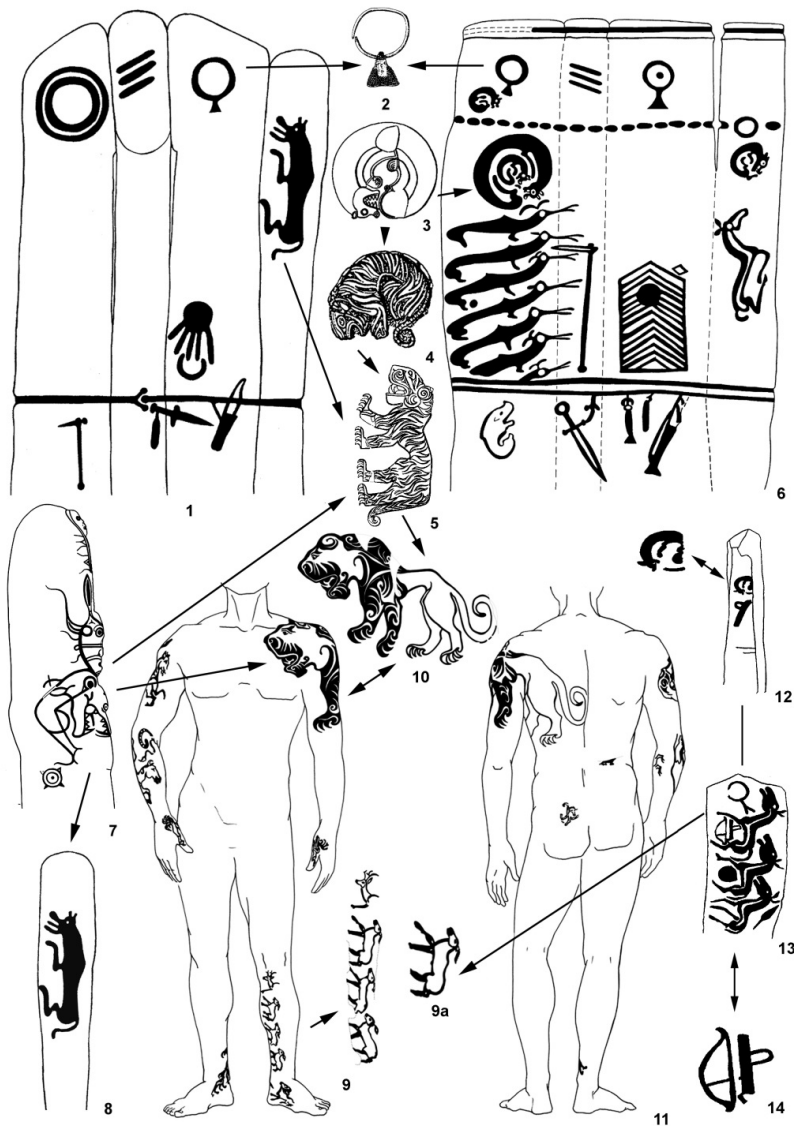

Рис. 5. Сопоставление изображений на каменных изваяниях, предметах и на татуировке:

Каменные изваяния: 1, 6, 8 – «оленные» камни VIII в. до н. э. из Тувы, пос. Аржан; 7 – окуневская культура, Хакасия, III-е тыс. до н. э.; 12–14 – «оленные» камни VIII в. до н. э. из Монголии. Предметы: 2 – золотая серьга из Бойтыгема-II на Алтае, VII в. до н. э.; 3 – бронзовая бляха из кургана Аржан-1, Тува, конец IX в. до н. э.; 4 – изображение на перекрестье кинжала из кургана Аржан-2, VII в. до н. э.; 5 – изображение на колоде из кургана Башадар-2, VI в. до н. э.; 9–11 – на татуировке вождя из кургана Пазырык-5 на Алтае, V в. до н. э.

По материалам: 1, 6, 8 – Л. С. Марсадолова [2005]; 2 – А. А. Тишкина [1999]; 3 – М. П. Грязнова [1980]; 4 – К. В. Чугунова, Г. Парцингера и А. Наглера [2017]; 5 – С. И. Руденко [1960]; 7 – Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько и Ю. Н. Есина [2006]; 9–11 – Л. Л. Барковой и С. В. Панковой [2006]; 12–14 – В. В. Волкова [2002]

На бронзовом зеркале из Чэньянчуня в Китае внутри большой фигуры свернувшегося в кольцо хищника/тигра расположены ещё 6 небольших «кольцеобразных» тигров и одна небольшая фигурка лежащего хищника (рис. 3. — 6). Всего на этом зеркале, учитывая основного большого зверя, изображено 8 хищников, как и на колоде из Башадара-2. Если «развернуть» свёрнутого в кольцо хищника из Чэньянчуня, то полученная композиция из большого и ряда малых зверей будет напоминать бляху из Келермесского кургана в виде большой пантеры и 10 малых хищников на лапах и хвосте (см. рис. 3. — 11).

В VII в. до н. э. ещё более семантически сложная, чем башадарская «композиция», состоящая из ряда близких к Башадару-2 образов (пантера — баран — кабан), зафиксирована на сакральном зеркале из Келермеса (рис. 3. — 10) [Марсадилов, 2013]. Совпадают и детали — секторальное расположение образов барана с подогнутыми ногами и кабана, стоящего на прямых ногах, а также нападения хищника на крупного травоядного животного, которые находятся в верхней части на зеркале из Келермеса и на крышке колоды из Башадара-2 (см. рис. 3. — 9–10, 13–14).

Образы башадарских тигров, с одной стороны, стилистически восходят ко многим предшествующим изобразительным традициям, в том числе к аржанской и даже окуневской культурам, а с другой стороны, они также оказали большое влияние и на последующие по времени пазырыкские и евразийские изображения (см. рис. 3). Окуневские стилистические элементы в виде хищного зверя с оскаленной зубастой пастью (см. рис. 5. — 7) [Леонтьев и др., 2006] характерны для изображений головы пантеры на бронзовой бляхе из кургана Аржан-1 и на «оленных» камнях Центральной Азии (см. рис. 5) [Марсадилов, 2018: рис. 2–3]. Образы антропоморфов, хищных зверей и копытных животных на каменных изваяниях окуневской культуры нашли продолжение на «оленных» камнях (см. рис. 5. — 1, 7–9) [Марсадилов, 2005; 2018], а немного позднее, через многочисленные промежуточные образы, и на татуировке вождя из кургана Пазырык-5 (см. рис. 5. — 9–11; рис. 3) [Баркова, Панкова, 2006; Азбелев, 2017]. Большая часть рисунка хищника-тигра на этой татуировке расположена в верхней части туловища человека и на его спине, а голова зверя заходит на плечо человека, как и у легендарного Геракла со шкурой льва на плече, предка скифов (см. рис. 5. — 10).

На тулове разных по стилю тигров часто изображали опознавательные для данного вида хищников «полоски». Имитация «шкур тигра» известна на предшествующих по времени предметах из Центральной Азии, на кинжале из Аржана-2, на деревянной колоде из Башадара-2 (см. рис. 5. — 4–5) [Руденко 1960; Чугунов и др., 2017] и на пазырыкской татуировке (см. рис. 5. — 10) [Марсадилов, 2018: рис. 3].

Образ хищника/тигра и его связи с отважным человеком у народов Саяно-Алтая и соседних регионов, вероятно, со временем постепенно трансформировались в земного и небесного героя, охотника и воина, во многом близкого к широко бытовавшим в это время мифам о легендарном герое Геракле и о небесном охотнике Орионе (см. рис. 4–5) [Марсадилов, 2018].

«Эволюционное» развитие образа крупного хищника в I тыс. до н. э. и ранее у разных народов Евразии постепенно привело к сакральным и художественно выразительным изображениям тигров на колоде из Башадара-2 (см. рис. 3).

Заключение. Мировоззренческие, календарные и сакральные представления древних кочевников Алтая, как и других народов Евразии, не оставались неизменными, а постепенно дополнялись и усложнялись [Дашковский, 2011].

В первой половине I тыс. до н. э. евразийские кочевники, вероятно, осознавали неразрывность своей жизни и смерти как реальной и сакральной частей окружающего их мира. Образы хищников и копытных на саркофаге из Башадара-2 составляли главную идею годового календарного круга-цикла древних народов Саяно-Алтая и Евразии середины I тыс. до н. э. [Марсадалов, 1999, 2013, 2018].

Башадарская колода с вождем была поставлена у южной стенки деревянного сруба [Руденко, 1960; Баркова, 1984], а южная сторона в северном полушарии всегда считается самой тёплой, так как полуденное солнце в своей высшей точке бывает на юге. Погребенный в деревянном саркофаге вождь по традиционному обычаю в пазырыкское время на Алтае ориентирован головой на восток, а ногами на запад.

На крышке саркофага из Башадара-2 «летние» тигры также следуют в сторону захода солнца — в страну мёртвых на западе, а копытные ориентированы на восток — на восход светил. Два раза в год в течение двух недель — в марте и сентябре, что примерно совпадает с днями, близкими к весеннему и осеннему равноденствию солнца, у тигров сменяется волосяной покров, т. е. они линяют, что отражается на густоте их шерсти, поэтому зимний мех гораздо более плотный, чем летний. На внешней стенке саркофага направление «зимних» тигров меняется, они следуют на восток, в сторону восхода солнца. Переходные моменты у первых тигров, как на крышке, так и на колоде, зафиксированы в виде тигров, под передними лапами которых находятся лежащие на спине лоси. Круговое движение 8 тигров на крышке и стенке саркофага направлено против хода Солнца и Времени (см. рис. 1 и 2).

Основная цель нанесения изображений на колоде из Башадара-2 в сложной системе погребальной обрядности — помочь вождю в Новом Возрождении через определенный временной период. На небе созвездие Орион расположено рядом с сакрально-календарными созвездиями Быка/Лося? и Овна/Барана, что можно сопоставить с башадарскими образами тигра и копытных, которые могли быть «помощниками» при предполагаемом новом возрождении вождя. Вероятно, башадарская колода в целом не только функционально, но и семантически может быть сопоставлена с саркофагами из Египта, Китая и других регионов мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азбелев П. П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб., 2017. С. 51–60.

Баркова Л. Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 25. Л., 1984. С. 83–89.

Баркова Л. Л., Панкова С. В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Вып. 3. С. 31–42.

Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006. 240 с.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.

Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) : монография. Барнаул, 2011. 244 с.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. 236 с.

Марсадалов Л. С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда) // Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. Вып. 1. СПб., 1997. 56 с.

Марсадалов Л. С. Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н. э. // Международная конференция по первобытному искусству. 3–8 августа 1998 г. Кемерово, 1999. Т. 1. С. 152–163.

Марсадалов Л. С. «Оленные» камни из посёлка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского : сборник статей. М., 2005. С. 301–311.

Марсадалов Л. С. Гордион в Анатолии (Турция) — военная база кочевников Евразии в VIII–VI веках до н. э. // Современные проблемы археологии России : материалы Всероссийского археол. съезда (23–28 октября 2006 г.). Новосибирск, 2006. Т. II. С. 40–42.

Марсадалов Л. С. Палеоастрономические, метрологические и религиозные аспекты больших курганов и святилищ Южной Сибири в I тыс. до н. э. // Астроархеология — естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии : сб. ст. Красноярск, 2009. С. 59–72.

Марсадалов Л. С. Календарные символы на двух культовых предметах из Ольвии и Келермеса // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке : материалы Международной конференции. СПб., 2013. С. 386–394.

Марсадалов Л. С. Преемственность в знаковых и изобразительных системах на Саяно-Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии : сб. ст. Вып. 2. Барнаул, 2018. С. 278–286.

Марсадалов Л. С. Чернитенко Ю. А. О пяти основных участках звездного неба в древнем Китае // Древняя астрономия: небо и человек. М., 1998. С. 218–224.

Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1992. Т. 2. 720 с.

Природа Сибири. Звери Алтая. Лось или сохатый. URL: https://priodasibiri.ru/?id_page=18&id_razd=66/ (дата обращения: 23.04.2020).

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960. 360 с.

Суразаков А. С. К семантике изображений на башадарском саркофаге // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 23–26.

Тишкин А. А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. ст. Барнаул, 1999. С. 184–190.

Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999. 430 с.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск, 2017. 499 с.

REFERENCES

Azbelev P. P. *Pazyrykskiye tatuirovki kak khudozhestvennoye svidetel'stvo drevnikh vojn i brakosochetaniy* [Pazyryk's tattoos as artistic evidence of ancient wars and marriages]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. Sbornik nauchnykh statej* [Actual problems of the theory and history of art. Collection of scientific articles]. St. Petersburg, 2017, vol. 7. S. 51–60 (in Russian).

Barkova L. L. *Reznye izobrazheniya zivotnykh na sarkofage iz 2-go Bashadarskogo kurgana* [Carvings of animals on a sarcophagus from the 2nd Bashadar barrow]. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage Museum]. Leningrad, 1984, vol. 25. S. 83–89 (in Russian).

Barkova L. L., Pankova S. V. *Tatuirovki na mumiyakh iz Pazyrykskikh kurganov v infrakrasnykh luchakh* [Mummy tattoos from the Pazyryk barrows in infrared rays]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Herald of history, literature, art]. M., 2006, vol. 3. S. 31–42 (in Russian).

Bogdanov E. S. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noj Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya)* [The image beast of prey in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)]. Novosibirsk, 2006, 240 s. (in Russian).

Chugunov K. V., Partsinger G., Nagler A. *Tsarskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [Royal's barrow of scythian time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk, 2017, 499 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorij pozdnej drevnosti i rannego srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya): monografiya* [Worldview of the nomads of the Sayan-Altai and adjacent territories of late antiquity and the early Middle Ages (Russian historiography and modern research): monograph]. Barnaul, 2011, 244 s. (in Russian).

Gryaznov M. P. *Arzhan. Tsarskij kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan. Royal's barrow of early Scythian time]. L., 1980, 61 s. (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient statues of Altai (Deer stones)]. Novosibirsk, 1979, 120 s. (in Russian).

Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F., Esin Yu. N. *Izvayaniya i stely okunevskoj kul'tury* [Sculptures and steles of Okunev culture]. Abakan, 2006, 236 s. (in Russian).

Marsadolov L. S. *Issledovaniya v Tsentral'nom Altae (Bashadar, Talda). Sayano-Altajskaya arheologicheskaya ekspeditsiya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Research in Central Altai (Bashadar, Talda). Sayan-Altai archaeological expedition of the State Hermitage Museum]. St. Petersburg, 1997, vol. 1, 56 s. (in Russian).

Marsadolov L. S. *Khudozhestvennye obrazy i idei na Velikom stepnom puti Evrazii v 9–7 vv. do n. e.* [Artistic images and ideas on the Great Steppe Path of Eurasia in the 9–7 centuries BC]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomu iskusstvu. 3–8 avgusta 1998. Trudy.*

[International conference on primitive art. August 3–8, 1998. Proceedings]. Kemerovo, 1999, T. 1. S. 152–163 (in Russian).

Marsadolov L. S. “*Olennye*” kamni iz posyolka Arzhan v Tsentre Azii [“Deer” stones from the village of Arzhan at the Center of Asia]. *Drevnosti Evrazii: ot rannej bronzy do rannego srednevekov`ja. Pamyati V. S. Ol`khovskogo. Sbornik statej* [Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages. In memory of V. S. Olkhovsky. Digest of articles]. M., 2005. S. 301–311 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Gordion v Anatolii (Turtsiya) — voennaya baza kochevnikov Evrazii v 8–6 vekax do n. e.* [Gordion in Anatolia (Turkey) — the military base of the nomads of Eurasia in the 8–6 centuries BC]. *Sovremennyye problemy arkheologii Rossii. Materialy Vserossijskogo arkheol. s`ezda (23–28 oktyabrya 2006 g.)* [Modern problems of archeology of Russia. Materials of the All-Russian Archeol. Congress (October 23–28, 2006)]. Novosibirsk, 2006, T. II. S. 40–42 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Paleoastronomicheskie, metrologicheskie i religioznye aspekty bol`shikh kurganov i svyatilishch Yuzhnoj Sibiri v I tys. do n. e.* [Paleoastronomical, metrological and religious aspects of the large barrows and sanctuaries of Southern Siberia in the 1st millennium BC]. *Astroarxeologiya — estestvenno-nauchnyj instrument poznaniya protonauk i astral`nykh religij zhrechestva drevnikh kul`tur Khakasii. Sbornik nauchnykh statej* [Astroarchaeology is a natural scientific tool for the knowledge of the protoscience and astral religions of the priesthood of the ancient cultures of Khakassia. Collection of scientific articles]. Krasnoyarsk, 2009. S. 59–72 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Kalendarnyye simvoly na dvukh kul`tovykh predmetax iz Ol`vii i Kelermesa* [Calendar symbols on two cult objects from Olviya and Kelermes]. *Bosporskij fenomen. Greki i varvary na evrazijskom perekryostke. Materialy mezhdunarodnoj konferentsyi* [Bospor phenomenon. Greeks and barbarians at the Eurasian intersection. Materials of the international conference]. St. Petersburg, 2013. S. 386–394 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Preemstvennost' v znakovykh i izobrazitel`nykh sistemakh na Sayano-Altaje* [Continuity in continuity and figurative systems on the Sayan-Altai]. *Sovremennyye resheniya aktual`nykh problem evraziyskoy arkheologii. Sbornik nauchnykh statej*. [Modern solutions to urgent problems of Eurasian archeology. Collection of scientific articles]. Barnaul, 2018, vol. 2. S. 278–286 (in Russian).

Marsadolov L. S., Chernitenko Yu. A. *O piati osnovnykh uchastkakh zvyozdnogo neba v drevnem Kitae* [On the five main sections of the starry sky in ancient China]. *Drevnyaya astronomiya: nebo i chelovek. Trudy' konferentsyi* [Ancient astronomy: sky and man. Conference proceedings.]. M., 1998. S. 218–224 (in Russian).

Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2-x tomax. [Myths of the world: Encyclopedia in 2 volumes]. M., 1992, T. 2. 720 s. (in Russian).

Priroda Sibiri. Zveri Altaya. Los' ili sokhatyj [The nature of Siberia. Animals of Altai. Elk or Sokaty]. URL: https://priodasibiri.ru/?id_page=18&id_razd=66/ (accessed: April 12, 2020) (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul`tura naseleniya Tsentral`nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Central Altai in Scythian time]. M.; L., 1960, 360 s. (in Russian).

Surazakov A. S. *K semantike izobrazhenij na bashadarskom sarkofage* [On the semantics of images on the Bashadar sarcophagus]. *Skifskaya epokha Altaya* [Scythian era of Altai]. Barnaul, 1986. S. 23–26 (in Russian).

Tishkin A. A. *Ukrasheniya ranneskifskogo vremeni iz Gornogo Altaya* [Jewelry of the Early Scythian time from Gorny Altai]. *Itogi izucheniya skifskoj epokhi Altaya i sopredel'nykh territorij: Sbornik nauchnykh statej* [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories: Collection of scientific articles]. Barnaul, 1999. S. 184–190 (in Russian).

Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. M., 1999, 430 s. (in Russian).

Volkov V. V. *Olennye kamni Mongolii* [Deer stones of Mongoliya]. M., 2002, 248 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Марсадолов Л. С. Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 127–150.

Citation:

Marsadolov L. S. New semantics of zoomorphic images on the sarcophagus from barrow Bashadar-2 in Altai. *Nations and religions of Eurasia*. 2020. № 3 (24). P. 127–150.

УДК 94 (47)

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-09

В. А. Должиков

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

В. Н. Ильин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Барнаул (Россия)

СТАРООБРЯДЧЕСТВО АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКРИМИНАЦИОННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ*

Рассматривается процесс заселения и хозяйственного освоения предгорной территории Алтая свободолобивыми русскими крестьянами-старообрядцами, подвергавшимися жестоким преследованиям со стороны имперской власти. Главной причиной массового бегства из европейской части страны адептов православного традиционализма на юго-восток являлась правительственная дискриминация. Такого рода государственно-конфессиональная политика вызывала ответное сопротивление, доходившее до крайних форм социального протеста — групповых самосожжений. Однако наиболее распространенным вариантом противодействия старообрядцев репрессивной государственной политике было главным образом бегство в труднодоступные горные местности, что способствовало хозяйственному и культурному освоению необжитых территорий. В результате по концентрации старообрядческого населения Алтай уже к концу XVIII в. занимал одно из первых мест в России. Отмечена особая ценность человеческого капитала данной группы русского народонаселения, которая обладала всеми необходимыми качествами для спонтанной колонизации трансграничного пространства южной Сибири.

Ключевые слова: Алтай, имперская власть, дискриминация, колонизация, «гари», «каменщики», «поляки».

* Работа подготовлена в рамках реализации гранта РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

V. A. Dolzhikov

Altai State University, Barnaul (Russia)

V. N. Ilyin

Altai State University, Barnaul (Russia)

Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Barnaul (Russia)

THE OLD BELIEVERS OF ALTAI IN THE CONTEXT OF DISCRIMINATORY CONFESSIONAL POLICIES OF THE RUSSIAN IMPERIAL POWER

The article discusses the process of settlement and economic development of the foothill territory of Altai by freedom-loving Russian Old Believer peasants, who were subjected to severe persecution by state and church imperial authorities. The main reason for the exodus of Orthodox traditionalism from the European part of the country, that is, the Old Believers to the southeast, was, as the authors note, government discrimination. This kind of state-confessional policy provoked reciprocal resistance, reaching even extreme forms of social protest — group self-immolations, or the so-called “burns”. However, the most common option for counteracting Old Believers repressive state policy was mainly to flee to remote mountainous areas, which contributed to the economic and cultural development of uninhabited territories. As a result, by the concentration of the Old Believer population, Altai already by the end of the 18th century. occupied one of the first places in Russia. The authors note the special value of the human capital of this group of the Russian population, which possessed all the necessary qualities for the spontaneous colonization of the transboundary space of southern Siberia.

Keywords: Altai, imperial power, discrimination, colonization, “burning”, “masons”, “Poles”.

Должиков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: dolzhikov@yandex.ru

Ильин Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: vse-ilin@mail.ru

Dolzhikov Vyacheslav Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: dolzhikov@yandex.ru

Ilyin Vsevolod Nikolaevich, candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations of the Altai state University; associate Professor of the Department of state and municipal

administration of the Altai branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, Barnaul (Russia). Contact address: vse-ilin@mail.ru

На трансграничных территориях южной Сибири в XVII–XVIII вв. была принята стихийная попытка реализации вековой народной мечты о свободной «земле и воле». Сюда бежали, спасаясь от наступавшего крепостничества, опричного террора и преследований за веру, первые русские крестьяне-землепроходцы. Своеобразным маяком для них служил миф о Беловодье — стране мужицкого рая. Легенда эта, как считают некоторые исследователи, распространялась в народном сознании еще с XIV в. Мифологема имела двоякий смысл, указывая, с одной стороны, на конкретный географический ориентир, связанный с наличием долин с множеством рек и ручьев белого цвета. Координаты четко соотносились с древнерусским толкованием слова «белый» как синонима понятия «свободный» (сравни, например: «обельный холоп», «беломестная слобода» и т. д.) [Чистов, 1962: 116]. Именно плодородные предгорья и горные долины Алтая русские первопоселенцы «... называли прежде “Беловодьем”», что означало «край вольный, обильный всеми житейскими потребностями, и удобный для поселения в каких угодно местах». А до той поры, пока здесь не закрепились еще имперская администрация, «многие жители северо-восточных областей [европейской] России по следам промышленников-звероловов приходили туда целыми обществами». Вольные поселения здесь основывали по преимуществу крестьяне, как подчеркивает С. И. Гуляев, «придерживающиеся старообрядчества» [ГААК. Ф. 163. Оп. 1 Д. 113. Л. 109]. Данное обстоятельство замалчивалось исследователями, унаследовавшими от официозной имперской историографии казенно-бюрократическую версию заселения региона русскими крестьянами. Вольно-народный характер колонизации Верхнего Приобья они традиционно не признавали, зато всячески преувеличивали роль агентов императорского правительства в освоении природных ресурсов края [Булыгин, 1974: 44].

Историки и этнографы, изучающие народный фольклор, при текстуальном анализе мифа о Беловодье, как правило, акцентируют его социально-политический утопизм и поэтический характер. В свою очередь авторы данной статьи придерживаются иной версии декодирования беловодческого мифа, связывая его происхождение с мечтой о свободе, утраченной земским сообществом во второй половине XVI в. после контрреформ Ивана IV Грозного 1560-х гг. и особенно в итоге деструктивной церковной реформы 1660-х гг.

Момент перелома для русских крестьян-поселенцев наступил, когда богатые рудные месторождения Алтая, в первую очередь серебро как драгоценный и в то время дефицитный для казны «валютный» металл — оказались в сфере повышенного внимания со стороны имперской власти. Не располагая еще достаточными финансовыми ресурсами, правительство вынуждено было в 1726 г. предоставить монопольное право на строительство здесь рудников и заводов талантливому организатору горнодобывающей промышленности А. Н. Демидову. Для развертывания многоотраслевого производственного комплекса на Алтае требовалась рабочая сила, при-

чем в большом количестве. Поэтому Демидов получил от власти своего рода «карт-бланш» на принудительное использование труда освоившихся здесь к тому времени «самовольных» русских поселенцев. Ему были даны необходимые полномочия на приписку, т. е. фактически на закрепощение, как жителей окрестных деревень, учтенных всероссийской ландратской ревизией 1719–1721 гг., так и «пришлых, кои живут в лесах... и шатающихся по селам дворцовых, и монастырских, и помещичьих людей, и крестьян, кои в подушный оклад не написаны». Все они принуждались к работе на демидовских предприятиях, а их тогдашний владелец обязывался за них платить подать [Очерки..., 1987: 50; Булыгин, 1999: 7–8]. Эта мера вызвала новую волну протеста у крестьян-старообрядцев, бежавших ранее от крепостничества из северных губерний Европейской России. При Петре I были разорены старообрядческие поселения на левом берегу Волги близ устья реки Керженец в Нижегородской губернии. Староверы, бежавшие отсюда на Урал и дальше на восток, стали впоследствии называться «кержаками». В Сибири это название распространялось фактически на всех старообрядцев.

Во второй половине 1721 — начале 1722 г. от центральных правительственных учреждений местное начальство получило распоряжение, требовавшее срочно провести поголовную запись «раскольников» в двойной оклад. 24 февраля 1722 г. была направлена соответствующая инструкция генерал-майору П. Г. Чернышеву «О свидетельстве душ мужского пола», в которой устанавливался порядок проведения ревизии. Однако старообрядцы упорно не хотели признавать систему записи в двойной подушный оклад. Согласие платить многие из них рассматривали как подчинение «силам антихриста». Стойкий отказ заноситься в ревизские списки, характерный для наиболее радикальных ответвлений старообрядчества, фиксируется в документах на протяжении всего XVIII в. и в XIX в. [Мамсик, 1973: 1–206; Покровский, 1974: 1–392].

Перепись, за проведение которой отвечало военное начальство, согласно в эсхатологии старообрядцев, была равносильна концу света. Она привела к трагическим последствиям, так как перенесла в Сибирь из второй половины XVII в. крайнюю форму старообрядческого сопротивления — так называемые гари. Теряя надежду на будущую свободную жизнедеятельность, отдельные старообрядческие общины стали прибегать к экстраординарным формам антикрепостнического протеста — коллективным саможжениям [Беликов, 1905: 5–6; Пулькин, 2013: 1–510, Сапожников, 1891: 170].

В начале 20-х гг. XVIII в. неким Иоанном-вероучителем была основана староверческая обитель в Кузнецком уезде Белоярской слободы «близ деревни Язовой на острове на Чумыше». Получив известия об этом, властями была направлена из города Тары военная команда, которая в феврале 1723 г. разгромила скит. Спасшийся от Язовского погрома Иоанн бежал в деревню Елунино. К нему собрались в большом количестве адепты старой веры. Они укрепили деревню и стали готовить ее к обороне, а в случае неудачи, и к самосожжению. Вскоре к селу подошли вооруженные каратели, преследовавшие Иоанна. После штурма старообрядцы подвергли себя самосожжению. Число сгоревших определяется исследователями ориентировочно в 1100 человек [Документы..., 1997: 242]. Но даже если это число и несколько завышено, то все равно по чис-

лу жертв Елунинская «гарь», бесспорно, являлась одной из самых катастрофических в крае по своим последствиям.

Другие массовые староверческие «гари», происходившие в то время на Алтае, это Морозовская 1725 г. в Бердском ведомстве, в деревне Новой Шадриной на реке Лосихе в 1739 г. и в деревне Лепехиной на реке Чумыше в 1743 г. [Документы..., 1997: 241–245]. По данным Н. Н. Покровского, численность погибших при самосожжении староверов деревни Морозовой составила 147 человек [Покровский, 1974: 55].

При правительстве императрицы Анны и Бирона, рассматривавших старообрядцев исключительно как враждебную по отношению к государству силу, происходит уже сточение преследований ревнителей «древлего благочестия». На Алтае происходит широкомасштабная операция по ликвидации всех тайных убежищ беглых. «Староверческих монахов и монахинь приказывалось развести по монастырям Сибири для увещевания, беглых поселить при казенных заводах для принудительной работы в таких местах, где б они сообщения с правоверными и их превращать в свою ересь распространять случая не имели». Во исполнение данного приказа были арестованы сотни староверов. Преследуемые церковными и светскими властями, староверы стали собираться в глухих местах с целью спасения, а при необходимости и самосожжения. Близ деревни Новой Шадриной Семеном Шадриным был организован укрепленный лагерь, где утаились 324 человека. В ноябре 1739 г. состоялся штурм лагеря правительственным вооруженным отрядом, вследствие чего произошло самосожжение. Огню добровольно подвергли себя свыше 300 человек [Булыгин, 1999: 27].

Староверческие «гари» были актами протеста людей, доведенных до крайнего отчаяния. При этом самосожжения наносили определенный экономический ущерб как процессу заселения Верхнего Приобья, так и горнозаводскому производству. Неслучайно начальник Колывано-Воскресенских заводов А. В. Беэр 14 января 1748 г. сообщал в Сибирскую губернскую канцелярию об острой нехватке рабочих рук, возникшей на заводах и рудниках из-за церковных розысков староверов. Он потребовал возвратить ведомству 19 арестованных рудоискателей. Беэр подчеркивал, что именно из-за жестоких преследований со стороны церкви погибли лучшие из них: «Кабанов убит, Кудрявцев сам сгорел» [Булыгин, 1999: 7].

Об ущербе человеческому капиталу, наносимом «гарями», говорит и следующий документ: в Белоярском ведомстве в деревне Лепехиной крестьяне Ефим, Федор и два Ивана Лепехина с матерями в избе у Федора Лепехина приготовились к самосожжению, обложив избу сеном. «И сказывали они Лепехины, что приписаны они к Колыванским заводам в работу и из тех заводов бежали и умыслили де оне згореть в своей деревне собою, ежели де им от кого гонение будет» [Документы..., 1997: 246–247]. В связи с этим происшествием Кузнецкой воеводской канцелярией в Бийскую крепость 8 марта 1742 г. было послано распоряжение, «чтоб за тем смотрели накрепко и в том собрании и в другие места к раскольническому собранию и сожжению никого не допускать...». О дальнейшей судьбе этих староверов писал Д. Н. Беликов: «В 1743 году крестьяне Лепехины на Чумыше решились на самосожжение». В 1744 г. в указе из Синода митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию об этом событии сообщалось: «...Кузнецкого ведомства Белоярского острога в деревне Лепехиной раскольники Фе-

дор Лепехин с матерью и детьми и прочими мужской и женского пола, всего 18 человек, собрався в одну избу, сгорели» [Покровский, 1974: 322; Беликов, 1905: 35]. В. В. Розанов дает следующую характеристику староверческим гарям: «Сама Церковь изменила вере, а народ — есть дитя веры, дитя Церкви. Горели они мучительной смертью, Христовой смертью, в венце колючем мучений, чтобы уподобиться святым, за веру пройти путь мученический, как протопоп Аввакум, и другие противники никоновских нововведений» [Розанов, 1994: 205].

Все, что делается для Бога, со старообрядческой точки зрения, — не может считаться греховным. Понятно, что далеко не каждый из обычных людей мог решиться на такое. Акт огненного спасения выбирали для себя лишь самые непримиримые и твердые приверженцы старообрядческого православного традиционализма. Оставшиеся в живых, а таких было подавляющее большинство, стремились уйти подальше на юг и юго-восток Алтая, в глухие и пока недоступные для горнозаводского начальства местности. Тем не менее, на территории Русского Алтая в первой половине XVIII в. самосожжения все же представляли собой крайнюю форму социального протеста, вызванного тотальным закрепощением подданных государственной властью. В целом же антикрепостническое сопротивление крестьян-старообрядцев Алтая носило пассивный характер, чаще всего проявлялось в форме одиночных и групповых побегов в наиболее отдаленные и малоосвоенные местности.

Бежали обычно семьями, а иногда и группами (иногда до 80 человек). Мотивировкой для такого бегства было стремление спастись не только от физического порабощения, но и духовного подчинения «Царству антихриста». Об этом документально свидетельствуют многочисленные протоколы полицейских допросов пойманных беглецов [Кривоносов, 1988: 50–53]. К подобным формам протеста старообрядцы стали прибегать все чаще в период правления императрицы Елизаветы, когда процесс распространения крепостнических порядков на Алтае резко усилился. Это во многом было обусловлено кардинальными изменениями в характере собственности на землю, природные ресурсы и само горнозаводское производство в округе [Мамсик, 1978: 30–34].

Массовый уход из пределов досягаемости системы государственного крепостничества и синодально-церковного порабощения способствовал распространению социальной легенды о Беловодье — прекрасной стране «свободы и справедливости». В глубине наиболее труднодоступных горных долин Алтая начинали создаваться тайные убежища беглецов — «каменщиков». Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова в 1930 г. объясняли происхождение этого названия историей первоначального появления этого населения в верховьях реки Бухтармы. Предки современного бухтарминского населения, состоящие по преимуществу из лиц, бежавших с горных заводов Алтая и из других мест вследствие религиозных преследований, «забежали», как там говорят, в наиболее недоступные места, в ущелья и горы, или «камни», по местной терминологии. От этого названия гор (камни) и происходит название данной группы старообрядцев — каменщики [Бломквист, Гринкова, 1930: 2]. Г. Спаский и А. Принтц писали о каменщиках: «Жилища, ими построенные среди дикой природы, соединявшей некоторые удобства для домашнего скота и земледелия, были со всех сторон окружены высочайшими горами и быстрыми многоводными реками. Они жили мирно, соблюдая строго старо-

обрядческие правила веры; земля, никогда не возделанная, щедро вознаграждала труды земледельцев, звероловство давало несметные богатства, одним словом, они могли пользоваться полной независимостью привольной жизнью» [Очерки..., 1987: 330].

В Бухтарминской и Уймонской долинах русское население появилось не позднее середины XVIII в. и как раз в тех местах, которые до того времени были районом кочевков скотоводов-казахов. Впервые о поселках стало известно властям уже в конце века. Поселившиеся самовольно в верховьях алтайских рек крестьяне основали ряд поселений и положили начало старообрядческим населенным пунктам в Горном Алтае. Начав первыми осуществлять культурное и хозяйственное освоение региона, беглецы в первую очередь закладывали основу для будущей колонизации этого богатого края русскими людьми, выполняли пригранично-охранительные функции. «В 80-х годах XVIII века отношение царской администрации к каменщикам, — замечает Ю. С. Булыгин, — меняется. Их начали рассматривать не только как беглых, а, следовательно, в глазах властей — преступников, но и как первопоселенцев, обживающих новую территорию и тем облегчающих ее окончательное закрепление за Россией. ... Летом 1792 года на Бухтарму были посланы землемер для описания и определения мест для земледелия и унтер-шихтмейстер для описания новой территории и перепеси каменщиков. Было установлено, что всего у каменщиков было 30 населенных пунктов и в них приняты в подданство 250 душ мужского и 68 женского пола. ... Вскоре для военной охраны нового района был построен Бухтарминский редут. Присоединение Верхнего Приобья к России закончилось» [Булыгин, 1974: 24–25].

Правительствующим Сенатом 1 февраля 1762 г. был издан указ по предотвращению самоубийств. Рекомендовалось в срочном порядке прекратить все следственные дела о староверах, а находившихся под караулом — отпустить. Уже 4 декабря 1762 г. был издан манифест о *позволении* бежавшим из России возвращаться в страну. 14 декабря того же года этот манифест был дополнен комментариями. Разъяснялось, что старообрядцы, возвратившиеся на родину из-за рубежа, властью больше не преследуются, но должны записываться в двойной подушный оклад наравне с другими единоверцами. При уплате других налогов им предоставлялась льготная отсрочка на 6 лет, а для поселений отводилась территория на Алтае по рекам Березовке, Убе и Ульбе.

В Польше в тот момент на реке Ветка сложился крупный старообрядческий центр. Старообрядцы, будучи теснимыми правительством, бежали сначала в Стародубье, потом за польскую границу, в Гомельский уезд. Правительство неоднократно обращалось к ветковцам с приглашением вернуться на родину. Однако никаких добровольных переселений по вполне понятным причинам не последовало. После неоднократных отказов ветковцев в 1735 г. в этот старообрядческий центр был направлен военный отряд, который разорил его, а население было возвращено в пределы России. Правда, через некоторое время Ветка снова возродилась, и только в 1764 г. царские войска разгромили старообрядческие поселения на этой реке. В 1765 г. было предписано с «раскольников» вместо откупных денег взимать рекрутов натурой (не стали исключены даже те, кто находился в скитах). Указом 1767 г. для купцов, записанных в «раскол», вводился двойной подушный оклад с вносимых ими «податей и прочих сборов с торгов и промыслов». Старообрядцы из Польши в итоге были переселены в Сибирь насиль-

но, сразу после захвата правительственными войсками Ветки. Всего было депортировано до 20 тысяч человек [Курилов, Мамсик, 1998: 23]. На Алтай переселенцы прибыли в 1766 г. Часть из них поселилась в уже существовавших ранее деревнях (Шемонаихе, Екатерининской), а большинство переселенцев образовали новые деревни: Секиловскую, Бобровскую, Верх-Убинскую. Крупнейшим центром «поляков» стала деревня Староалейская. Согласно выразительной оценке академика Н. Н. Покровского, «полторы тысячи переселенцев составили яркое и заметное пятно на этнографической карте Алтая» [Покровский, 1974: 330; Беликов, 1905: 23].

По мнению исследователей, принудительная «штрафная колонизация» старообрядцами территории Русского Алтая имела важное экономическое значение. Вблизи заводов и рудников необходимо было поселить достаточное число крестьян-землепашцев, которые могли бы производить необходимое количество продуктового и фуражного зерна для нужд горнозаводского и военного контингента. Рост горнозаводской промышленности в регионе, наличие здесь гарнизонов регулярных войск требовали расширения хлебопашества. Поэтому имперская власть видела в старообрядцах по преимуществу колонистов, которые смогут производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватало. Тем более, что эти русские люди отличались прирожденным трудолюбием, предприимчивостью, трезвым образом жизни [Курилов, Мамсик, 1998: 24].

Несмотря на жесткую «противораскольническую» имперскую политику, приобретающую иногда откровенно репрессивный характер, благодаря старообрядцам происходило культурно-хозяйственное освоение необжитых ранее земель Алтая, находившихся в трансграничном пространстве Российской империи. По оценке Ю. С. Булыгина, «старообрядцы внесли значительный вклад в заселение и освоение бассейнов рек Чарыш и Алей, окрестностей Колывано-Воскресенского завода. Приверженцы старой веры приходили на эту территорию самостоятельно, а также присылались А. Н. Демидовым, укрывавшим нужных ему людей от развернувшихся на Урале преследований. Среди раскольников, осевших на Колывано-Воскресенских заводах или в окрестных деревнях, были талантливые организаторы, знатоки горнорудного дела. Они внесли солидный вклад в организацию работы демидовских предприятий в Верхнем Приобье» [Булыгин, 1999: 24–25].

В процессе как «самовольной», так и правительственной колонизации Алтай постепенно превращался в один из крупных региональных центров старообрядчества. «Алтайский край почти сплошь раскольнический, — отмечал дореволюционный томский историк, протоиерей Д. Н. Беликов, — православные или, по раскольническому выражению, “мирские” составляют здесь редкость, но и они, если принадлежат к исконным сибирякам, заражены старообрядческой “закваской”» [Беликов, 1901: 7, 28]. Вместе с тем данная территория оставалась ареной ожесточенной борьбы светских и церковных властей империи с ненавистным им «расколом».

По мнению представителей официального православия, именно алтайские «каменщики» и переселенные сюда из западных губерний «поляки» считались даже «более упорными фанатиками», чем остальные их единоверцы [Записка..., 1997: 85]. Благодаря этой своей стойкости они смогли перенести на вновь осваиваемые земли юга

Сибири духовные ценности, нравственные традиции, бытовую и социальную культуру северорусского Поморья. Старообрядцы не просто способствовали хозяйственному освоению этой территории и закреплению ее в составе Российской империи, они придавали Алтаю «русскую» этнокультурную идентичность.

Тяга старообрядцев русского Алтая к свободе увенчалась созданием в середине XVIII в. в горной Бухтарминской долине большой территориальной общины «каменщиков» [Гуляев, 1845; Принтц, 1867; Бломквист, Гринкова, 1930], общественная и хозяйственная жизнь которых строилась на принципах коллективистской солидарности, самоуправления и самоорганизации. Это была, говоря словами Г. Н. Потанина, своеобразная «республика русского духа» [Потанин, 1977: 35]. Основали ее бежавшие от принудительного труда и чиновничьего произвола мастеровые, не желающие идти в рекруты молодые крестьяне из подзаводских приписных сел, дезертировавшие от ненавистной муштры солдаты, недавние каторжники и ссыльнопоселенцы. Однако социальное ядро Алтайской Руси составили активные адепты народного, староверческого православия. Среди «каменщиков» они пользовались большим авторитетом и уважением «за образ жизни скромный» и «знание грамоты». По оценке С. И. Гуляева, «причины побегов их заключались в том, чтобы свободно отправлять обряды своего толка, и что по толкованиям своих “старцев” — учителей для спасения душ необходимо удаляться в места пустынные и необитаемые: поелику-де в мире распространилось царство антихриста...». Но это верно только по отношению к «ядерному» составу формировавшейся общины. Остальные беглецы пробирались в дальние горы с несколько иной целью: «одни дабы освободиться от своих обязанностей (т. е. от принудительных заводских и рудничных работ или от рекрутчины. — В. Д., В. И.), — сообщает исследователь, — другие от наказания, все для житья по своей воле, беспопытной меновой торговли с инородцами и звериного промысла». В целом же волостная община «каменщиков» (русских горцев) состояла из «людей, любивших жизнь, не ограниченную надзором власти» [Гуляев, 1845].

Абсолютное их большинство — это недавние крестьяне поморских северорусских областей [Чистов, 1962: 166], бежавшие от наступающих крепостнических порядков. «Весь этот люд, — отмечал социолог-народник Н. М. Зобнин, — сложился в общество «каменщиков», с особыми порядками и собственными неписанными, но строго исполнявшимися законами» [Зобнин, 1894: 51]. В повседневной хозяйственной жизни они руководствовались принципами реального коллективизма, так как «сохранили, — фиксирует С. И. Гуляев, — многие хорошие качества русского народа; были надежные товарищи. Делали взаимные пособия друг другу, особенно же помогали всем неимущим припасами, семенами для посева, земледельческими орудиями, одеждою и прочим». И все это при «заимочно-захватном способе поземельного расселения», когда крестьянские семейные усадьбы находились в 2–3-х верстах одна от другой [Гребенщиков, 1990: 6].

Со временем экономика «каменщиков» по необходимости стала предпринимательской. Вначале основным источником, благодаря которому могли удовлетворяться потребности общины в жизненно необходимых товарах, был пушной промысел. Меха выполняли функцию основного платежного средства в торговых отношениях с китайскими, а позднее и российскими купцами. «Мягкое золото» сбывалось в обмен на метал-

лические изделия, порох, ткани, соль и прочее особыми доверенными лицами — «гостями», избравшимися на общих собраниях. Наличие в общине алтайских «каменщиков» народных сходов и выборов, кстати говоря, указывает на бережное сохранение ими северорусских (новгородских) вечевых социально-политических традиций.

Много лет спустя уже Н. М. Ядринцев обратил внимание на сформировавшийся многоотраслевой, а, главное, товарно-рыночный характер сельского хозяйства местных крестьян-старообрядцев. Помимо пашенного земледелия, скотоводства, охоты на пушных зверей и рыболовства, по его наблюдениям, «во всех деревнях развито пчеловодство, есть хозяева, имеющие до 1.000 колодок». Причем «они вывозят мед даже на продажу в среднюю Сибирь». Вообще, как заметил Ядринцев во время своей экспедиции 1880 г., «бухтарминцы славятся своим пчеловодством и сплавляют мед по Иртышу до Омска около 8 000 пудов и воска до 500 пудов». Упоминались в его заметках и соседние с Русским Алтаем приграничные территории Китайской (Цинской) империи, куда отправляли мед на продажу или в обмен на готовую одежду и ткани [Ядринцев, 1886: 28].

К тому времени алтайские старообрядцы успешно приручили и начинали разводить благородных оленей-маралов. Характерно, что они экспортировали олени рога (панты), «продающиеся в Китай на лекарство, стоимостью до 80 руб. пара». По данным Ядринцева, «эта новая ветвь скотоводства создана в Алтае русским крестьянством». Прибыльной и перспективной отрасли хозяйства «каменщиков» он специально посвятил более позднюю по времени статью, очень содержательную в информационном отношении [Ядринцев, 2009: 95–100].

Житейские конфликты, возникавшие иногда между «каменщиками», рассматривались на волостном сходе. Решающее слово на них оставалось за «лучшими людьми», которых соседский общинный коллектив наделял властными полномочиями. «Лучшие люди, — разъясняет С. И. Гуляев, — как известно, суть зажиточные, семейные, хорошей нравственности крестьяне в деревне». По его же определению, «это аристократы или патриции мирской общины, дела которой решаются ими на сходках» [Гуляев, 1845]. Алтайским каменщикам, что бесспорно, удалось решить проблему самоуправления, воссоздавая традиционную земскую организацию выборной общественной власти, которая формировалась «снизу» из наиболее авторитетных представителей крестьянского коллектива.

Определенный интерес представляют методы борьбы с уголовными преступлениями, хотя и редко, но случавшимися в общине. Такие происшествия обычно выносились на суд «лучших людей». Их мнение по существу дела «уважалось не менее законной власти и происходило на словах». Сама процедура судебного разбирательства носила гласный и оперативный характер. При выяснении обстоятельств совершенного преступления, вынесения и исполнения приговора строго соблюдался принцип коллегиальности. Общинный суд являлся по-настоящему народным, скорым и справедливым. Правда, способ наказания, определяемый осужденному нарушителю общественного порядка, был, по современным меркам, все-таки варварским. Обычно приговор сводился к битью плетьюми либо палками, а количество ударов назначалось «по важности проступка». Некто А. Вершинин, подвергавшийся уже ранее многократному пуб-

личному битью за кражи личных вещей у односельчан, был, например, приговорен к самой крайней мере наказания. Его посадили на бревенчатый плот, ноги заколотили накрепко в два выдолбленных отверстия, дали небольшой запас еды и шест для управления плотом, а затем пустили вниз по реке Белой. Миссия исполнителя приговора вручалась речной стихии. Судьи напоследок сказали: «если-де может выплыть (т. е. выйти куда), то и счастлив, а если потонет, того будет и достоин». Выносившие приговор старейшины, судя по всему, руководствовались каноническим религиозным постулатом, согласно которому Бог — это и есть высший судья любого человека.

«Связанные одинаковою участью, одним образом жизни, отчужденные от общества, — замечает Гуляев, имея в виду внешний, оказавшийся до предела мир бюрократической России, — каменщики составляли какое-то братство, несмотря на различные верования» [Гуляев, 1845]. Действительно, ведь основавшие общину старообрядцы принадлежали к определенным соглашениям (толкам). В силу этого, казалось бы, между ними не могли возникнуть прочные добрососедские взаимоотношения. Однако, хотя внутри согласий строго соблюдался запрет на общение со сторонниками других вероучений в молитве или трапезе, но, тем не менее, подобное табуирование не препятствовало их мирному сожительству. Право личности на инакомыслие как норма уважалось всеми. Примечательно, что «каменщикам» была свойственна феноменальная веротерпимость, которая неизменно вызывает большой научный интерес у отечественных исследователей.

Ресурс исторического времени, отведенный социальному эксперименту алтайских «каменщиков», оказался невеликим. Тем не менее они продержались на трансграничном пространстве двух империй — Цинской и Российской — около полувека. При этом основатели общины в критический момент, не дожидаясь полного разгрома, предпочли самоликвидацию независимости своего коллектива на максимально выгодных условиях. «Всегдашняя боязнь от преследования пограничных начальств; неуверенность в своем положении, отчуждение принадлежавших к православному вероисповеданию от церкви; посылки в Алтайские горы партии для исследования рудных приисков и открытия новых рудных месторождений; наконец, предполагаемая постройка крепостей и форпостов в Бухтарминском крае» — так определял С. И. Гуляев мотивы, побудившие «каменщиков» в 1791 г. обратиться к императорскому правительству с ходатайством о добровольном возвращении в российское подданство [Гуляев, 1845]. В данном случае «каменщики» продемонстрировали отнюдь не фанатизм, а, напротив, реалистическое понимание окружающей их нерадостной действительности и проявили стратегически оправданную конъюнктурную дальновидность.

Императрица Екатерина II приняла в основном их условия. Русские горцы Бухтарминской и Уймонской долин к кабинетским заводам и рудникам не были прикреплены, чего они больше всего опасались. Их волостные общины принимались в подданство империи на льготных правах «инородцев» с ежегодной уплатой ясака вместо полагавшейся им, так сказать, «по закону» двойной подушной подати. Они сохраняли определенную автономию в управлении собственной общественной жизнью, получив относительную независимость от горнозаводской администрации. Социально-правовой статус бухтарминцев определялся в рамках действовавшей государственной систе-

мы по аналогии с казачеством. Они должны были выполнять обязанности пограничной иррегулярной службы [Принтц, 1867: 556].

Итак, самая любопытная коллизия, обусловленная возвращением в лоно Российского государства «каменщиков», — это их фактическое признание метрополией в качестве особого, «инородческого» этнокультурного сообщества. Следовательно, конечный результат многолетнего народного сопротивления алтайских крестьян-старообрядцев был достаточно плодотворным. Но в выигрыше оказалась и государственная центральная власть. Благодаря мудрой политике императрицы Екатерины II произошла мирная инкорпорация в состав Российского государства обширной, богатой разнообразными ресурсами, а, главное, уже населенной трудолюбивыми людьми трансграничной территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беликов Д. Н. Томский раскол. Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1901. 246 с.

Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. 69 с.

Белослюдов А. К истории «Беловодья» // Записки ЗСО РГО. Т. XXXVIII. Омск, 1916. С. 32–35.

Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы / ред. С. И. Руденко. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. 460 с.

Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул : Алт. книжное изд-во, 1974. 144 с.

Булыгин Ю. С. Документы из Государственного архива Алтайского края о заселении приписными крестьянами территории за Бийской военной линией в конце XVIII — начале XIX в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск : Наука, 1991. С. 200–214.

Булыгин Ю. С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество: история и культура : сб. науч. ст. / под ред. Л. С. Дементьевой. Барнаул : Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1999. С. 6–24.

Гребенщиков Г. Д. Алтайская Русь: историко-этнографический очерк. Приложение к газете писателей Алтая «Прямая речь». 1990. декабрь. Барнаул : Дом литераторов им. В. М. Шукшина, 1990. 37 с.

Гуляев С. И. Алтайские каменщики (рукопись) // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 163. Гуляевы. Оп. 1. Д. 113.

Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. 5 февр. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII — нач. XX вв.) / ред.-сост. И. Н. Никулина. Барнаул : Упр. арх. дела адм. Алт. края, 1997. 407 с.

Записка священника Иоанна Смирнова об истории старообрядчества на Алтае // Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII — начало XX вв.). Барнаул : Упр. арх. дела адм. Алт. края, 1997. С. 283–284.

Зобнин Н. М. Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Вып. 1. Томск, 1894. С. 1–75.

Кривоносов Я. Е. Документы Государственного архива Алтайского края о побегах крестьян и работных людей в «Алтайские урочища». В поисках Беловодья. Духовные уроки // Гуляевские чтения. Барнаул, 1988. С. 50–53.

Курилов В. Н., Мамсик Т. С. Поляки Рудного Алтая: историографический миф и демографическая реальность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 23–28.

Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск : Наука, 1973. 206 с.

Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. 448 с.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 392 с.

Потанин Г. Н. Письма: в 4 т. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1977. Т. 1.

Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки РГО. По общей географии (отделениям географии физической и математической). СПб., 1867. Т. I. С. 543–582.

Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 510 с.

Розанов В. В. В темных религиозных лучах. Купол храма // Розанов В. В. Собрание сочинений. М. : Республика, 1994. Т. 3. С. 184–199.

Сапожников Д. И. Самосожжения в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Исторический очерк по архивным документам. М. : Университетская типография, 1891. 170 с.

Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Т. 35. Петрозаводск, 1962. С. 116–181.

Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки ЗСО РГО. Кн. XXV. Омск, 1898. С. 1–64.

Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец, дипломат и воин // Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание. СПб., 1886. Кн. 1. С. 21–47.

Ядринцев Н. М. Сведения о мараловодстве в Алтае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. Барнаул : АКУНБ, 2009. Т. 3. С. 95–100.

REFERENCES

Belikov D. N. Tomskii raskol. Istoricheskii ocherk ot 1834 po 1880-e gody. [Tomsk split. Historical essay from 1834 to 1880s.] Tomsk: Tipo-litografiia P. I. Makushina, 1901. 246 s. (in Russian).

Belikov D. N. Starinnyi raskol v predelakh Tomskogo kraia [Ancient schism within the Tomsk region] Tomsk, 1905. 69 s. (in Russian).

Belosliudov A. K istorii “Belovod’ia” [To the history of “Belovodye”]. Zapiski ZSO RGO. T. XXXVIII. [Notes ZSO RGO. T. XXXVIII]. Омск, 1916. S. 32–35 (in Russian).

Blomkvist E. E., Grinkova N. P. Bukhtarminskie staroobriadtsy [Bukhtarma Old Believers]. L.: Izd.-vo AN SSSR, 1930. 460 s. (in Russian).

Bulygin Iu. S. Pervye krest'iane na Altae. [The first peasants in Altai]. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo, 1974. 144 s. (in Russian).

Bulygin Iu. S. Dokumenty iz Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia o zaselenii pripisnymi krest'ianami territorii za Biiskoi voennoi liniei v kontse KhVIII — nachale KhIKh v. [Documents from the State Archive of Altai Territory on the settlement of the territory beyond the Biysk Military Line by registered peasants at the end of the 18th — beginning of the 19th centuries.]. Istochniki po istorii obshchestvennogo soznaniia i literaturny perioda feodalizma. [Sources on the history of social consciousness and literature of the feudal period]. Novosibirsk: Nauka, 1991. S. 200–214 (in Russian).

Bulygin Iu. S. O roli raskol'nikov-starobriadtsev v pervonachal'nom zaselenii i osvoenii russkimi liud'mi Verkhnego Priob'ia v pervoi polovine XVIII v. [On the role of schismatics, Old Believers in the initial settlement and development by Russians of the Upper Ob region in the first half of the XVIII century.]. Starobriadchestvo: istoriia i kul'tura: sb. nauch. st. [Old Believers: history and culture: Sat. scientific Art]. Barnaul: Izd-vo Barnaul. ped. un-ta, 1999. S. 6–24 (in Russian).

Grebenshchikov G. D. Altaiskaia Rus': Istoriko-etnograficheskii ocherk. Pril. k gazete pisatelei Altaia "Priamaia rech'". 1990. dekabr' [Altai Russia: Historical and Ethnographic Essay. Adj. to the newspaper of Altai writers "Direct Speech". 1990. December.]. Barnaul: Dom literatorov im. V. M. Shukshina, 1990. 37 s. (in Russian).

Guliaev S. I. Altaiskie kamenshchiki (rukopis') [Altai masons (manuscript)]. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (sokrashch. GAAK). F. 163. Guliaevy. Op. 1. D. 113 (in Russian).

Guliaev S. I. Altaiskie kamenshchiki [Altai masons]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Vedomosti] 1845. 5 fevralia (in Russian).

Dokumenty po istorii tserkvei i veroispovedanii v Altaiskom krae (XVII — nach. XX vv.) / red.-sost. I. N. Nikulina [Documents on the history of churches and religions in the Altai Territory (XVII — early XX centuries)]. Barnaul: Upr. arkh. dela adm. Alt. kraia, 1997. 407 s. (in Russian).

Zapiska sviashchennika Ioanna Smirnova ob istorii starobriadchestva na Altae [Note by priest John Smirnov on the history of the Old Believers in Altai] // Dokumenty po istorii tserkvei i veroispovedanii v Altaiskom krae (XVII — nachalo XX vv.) [Documents on the history of churches and faiths in the Altai Territory (XVII — early XX centuries)]. Barnaul: Upr. arkh. dela adm. Alt. kr., 1997. S. 283–284 (in Russian).

Zobnin N. M. Pripisnye krest'iane na Altae [Ascribed peasants in Altai] // Altaiskii sbornik. Vyp. 1. [Altai collection. Vol. 1.]. Tomsk, 1894. S. 1–75 (in Russian).

Krivososov Ia. E. Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia o pobegakh krest'ian i rabotnykh liudei v "Altaiskie urochishcha". V poiskakh Belovod'ia. Dukhovnye uroki. [Documents of the State Archive of Altai Territory on the escapes of peasants and working people to the "Altai tracts." In search of Belovodye. Spiritual lessons]. Guliaevskie chteniia. [Gulyaev readings]. Barnaul, 1988. S. 50–53 (in Russian).

Kurilov V. N., Mamsik T. S. Poliaki Rudnogo Altaia: istoriograficheskii mif i demograficheskaia real'nost' [Poles of the Ore Altai: historiographic myth and demographic

reality] // *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii*. [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul, 1998. S. 23–28 (in Russian).

Mamsik T. S. Pobegi kak sotsial'noe iavlenie. Pripisnaia derevnia Zapadnoi Sibiri v 40–90-e gody XVIII v. [Shoots as a social phenomenon. Ascribed village of Western Siberia in the 40–90s of the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1973. 206 s. (in Russian).

Ocherki istorii Altaiskogo kraia. [Essays on the history of the Altai Territory.] Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1987. 448 s. (in Russian).

Pokrovskii N. N. Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'ian-starobriadtsev v XVIII v. [Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 392 s. (in Russian).

Potanin G. N. Pis'ma. V 4 t. T. 1. [Letters. In 4 volumes T. 1]. Irkutsk: Vost.-Sib. knizh. izd-vo, 1977 (in Russian).

Printts A. Kamen'shchiki, iasachnye krest'iane Bukhtarminskoi volosti Tomskoi gubernii i poezdka v ikh seleniia i v Bukhtarminskii krai v 1863 g. [Stonemasons, yasak peasants of the Bukhtarma volost of the Tomsk province and a trip to their villages and to the Bukhtarma region in 1863]. *Zapiski RGO. Po obshchei geografii (otdeleniiam geografii fizicheskoi i matematicheskoi)*. T. I. [Notes of the Russian Geographical Society. In general geography (departments of physical and mathematical geography). T. I]. SPb., 1867. S. 543–582 (in Russian).

Pul'kin M. V. Samosozhzheniia starobriadtsev (seredina XVII–XIX v.). [Self-immolation of the Old Believers (mid XVII–XIX centuries).] M.: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2013. 510 s. (in Russian).

Rozanov V. V. V temnykh religioznykh luchakh. Kupol khrama [In the dark religious rays. Dome of the temple]. Rozanov V. V. *Sobranie sochinenii*. T. 3. [Rozanov V. V. Collected works. T. 3]. M.: Respublika, 1994. S. 184–199 (in Russian).

Sapozhnikov D. I. Samosozhzheniia v russkom raskole (so vtoroi poloviny XVII v. do kontsa XVIII v.). *Istoricheskii ocherk po arkhivnym dokumentam* [Self-immolations in the Russian schism (from the second half of the 17th century to the end of the 18th century). Historical essay on archival documents]. M.: Universitetskaia tipografiia, 1891. 170 s. (in Russian).

Chistov K. V. Legenda o Belovode [The legend of Belovodye]. *Trudy Karelskogo filiala AN SSSR*. T. 35. [Proceedings of the Karelian branch of the USSR Academy of Sciences. T. 35]. Petrozavodsk, 1962. S. 116–181 (in Russian).

Shmurlo E. Russkie poseleniia za iuzhnym Altaiskim khrebtom na kitsaiskoi granitse [Russian settlements beyond the southern Altai ridge on the Chinese border] // *Zapiski ZSO RGO*. Kn. XXV. [Notes ZSO RGO. Prince Xxv.]. Omsk, 1898. S. 1–64 (in Russian).

Iadrntsev N. M. Raskol'nich'i obshchiny na granitse Kitaia. Zemledelets, diplomat i voin [Schismatic communities on the border of China. Farmer, diplomat and warrior]. *Sibirskii sbornik. Nauchno-literaturnoe periodicheskoe izdanie* [Siberian collection. Scientific and literary periodical]. SPb., 1886. Kn. 1. S. 21–47 (in Russian).

Iadrntsev N. M. Svedeniia o maralovodstve v Altae [Information about deer breeding in Altai]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII — nachala XX vekov*. T. 3 [Altai

in the writings of scientists and travelers of the XVIII — early XX centuries. Т. 3]. Barnaul: AKUNB, 2009. S. 95–100 (in Russian).

Цитирование статьи:

Должиков В. А., Ильин В. Н. Старообрядчество Алтая в контексте дискриминационной конфессиональной политики российской имперской власти XVIII в. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 151–166.

Citation:

Dolzhikov V. A., Ilyin V. N. The Old Believers of Altai in the context of discriminatory confessional policies of the Russian Imperial power of the XVIII century. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 3 (24). P. 151–166.

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-10

Н. И. Рыбаков*Российская академия художеств, Красноярск (Россия)*

НАЗОРЕЙСКИЙ ОБРЯД НА ЕНИСЕЕ. ЧАСТЬ I

Исследуется одно из загадочных изображений, выгравированных на плоскостях Ошкольской писаницы. Объекты писаницы расположены в 270 км к северу от города Абакана, который находится на юге Сибири. Ошкольская писаница была открыта экспедицией доктора И. Р. Аспелина (1887). В степных ландшафтах двух рек Ах-Юс и Хара-Юс находилось государство средневековых кыргызов. Предлагаемый памятник из материалов Н. Рыбакова публикуется впервые, автор трактует его как визуальное воспроизведение обряда — назорейской клятвы. Ни в древних рукописях, ни в новозаветной литературе мы не находим подробных описаний или иконографических свидетельств этой клятвы. Наши сведения слишком скудны и ограничиваются отрывочными упоминаниями об этом обряде в религиозной истории древности. Однако одной из важных составляющих в облике енисейских персонажей является скрученная коса, которая свисает из-под тиары вдоль затылка до плеч. Этот фактор характерен для всех персонажей иноверцев без исключения и имеет сходство с нарядом секты назореев-гностиков II–III вв. Длинные волосы как этнографический акцент позволяют более успешно решать семантические задачи. Образ входит в группу персонажей священнослужителей в мантиях, которые являются фактом многослойного синкретизма — чужеродной проповеди в середине VIII в. Структурные сочетания обряда констатируют влияние раннехристианской религии Палестины, насаждающейся на манихейство. Сектантские группировки в свое время продвинулись к средневековым кыргызам на Енисей.

Ключевые слова: Ошкольская писаница, кыргызы, раннее Средневековье, назорейская клятва, буддизм, манихейство, христианство, шаманизм.

N. I. Rybakov*Russian Academy of arts Russian Academy of ARTS, Krasnoyarsk (Russia)*

THE NAZARENE RITE ON THE YENISEI. PART I

The material of the article is one of the mysterious images engraved on the planes of the Oshkolskaya Pisanitsa. Pisanitsa objects are located 270 km North of the city of Abakan in southern Siberia. Oshkol Pisanitsa was discovered by the expedition of Dr. Aspelin (1887).

Here in the steppe landscapes along the rivers Ah-YUS and Khara-YUS was the state of the medieval Kyrgyz. The proposed monument from the materials of N. Rybakov, published for the first time, the Author interprets it as a visual reproduction of the rite—the Nazorean oath. From ancient manuscripts or new Testament literature, we do not find any detailed description or iconographic evidence of the oath. Our information is too sparse and limited to fragmentary references to this rite in the religious history of antiquity. However, one of the important components in the appearance of the Yenisei characters is a twisted braid that hangs from under the tiara along the back of the head to the shoulders. This factor, without exception, is characteristic of all the characters of the Gentiles and has a convergence with the dress of the sect of the Nazarenes-Gnostics of the II–III centuries. Long hair, as an ethnographic accent, allows you to solve semantic problems more successfully. The image is part of a group of characters of clergymen in robes, which are a fact of multilayered syncretism—an alien sermon in the steppes of modern Khakassia in the Middle of the VIII century. Structural combinations of the rite state the influence of the early Christian religion of Palestine, layered on Manichaeism. Sectarian groups at one time advanced to the medieval Kyrgyz on the Yenisei.

Key words: Oshkol writings, Kyrgyz, early Middle Ages, Nazarene rite, Buddhism, Manichaeism, Christianity, Shamanism.

Рыбаков Николай Иосифович, независимый исследователь, Российская академия художеств, Красноярск (Россия). Адрес для контактов: nikolayrybakov@yahoo.com
Rybakov Nikolay Iosifovich, independent researcher, Russian Academy of arts, Krasnoyarsk (Russia). Contact address: nikolayrybakov@yahoo.com

Ошкольская писаница (см. рис. 1) была открыта и задокументирована финской экспедицией доктора И. Р. Аспелина [Aspelin, 1887]. Часть графического материала писаницы нашла предварительное научное объяснение в известном труде под авторством члена экспедиции художника Отто Аппельгрена-Кивало [Alpengren-Kivalo, 1931]. В это классическое издание вошли изображения священнослужителей в мантиях инородного происхождения, засвидетельствованные в пределах степных участков правобережья реки Хара-Юс. Изображения в технике гравировок разбросаны по плитам погребений вблизи улуса Подкамень и на плоскостях Ошкольской писаницы по дороге на Талкино. Памятник, о котором пойдет речь, не был привлечен в фонд опубликованного материала экспедиции и в последующем никем не рассматривался.

Петроглифические работы в Ошкольской степи проводились художником В. Ф. Капелько в 1979 г. Им были осуществлены качественные петроглифические копии. Документирование объектов культуры иноземного происхождения в Северной Хакасии выполнялись Н. И. Рыбаковым в течение 15 лет, начиная с 2001 г., а с 2003 г. — исследовательницей С. П. Панковой. Со времени открытия писаницу осматривали многие ученые. Осенью 2018 г. этот культурно-исторический объект был подвергнут внешнему анализу автором совместно с известным ученым Кириллом Гласом. Материал предлагаемой статьи является первым исследованием археологического объекта в виде сообщ-

щения и кратких комментариев и не претендует на полный анализ религиозного явления в контексте культурной традиции средневековых кыргызов.

Рис. 1. Расположение Ошкольской писаницы – 270 км севернее Абакана. Памятники иноземного происхождения между рек Черный Июс и Белый Июс. Место административного центра Кыргызского государства VIII–XII вв. (Северная Хакасия)

Горно-таежный хребет Арга разделяет две реки — Хара-Юс и Ах-Юс (с древнетюркского «черная вода» и «белая вода»), которые имеют истоки в массиве Кузнецкого Алатау. По северо-западному борту хребта Арга находится Ошкольская степь, в 270 км севернее современной столицы республики Хакасии Абакана (район среднего течения Енисея). Протяженность сухих участков Ошкольской степи составляет 35–40 км, с востока на запад, от Барбаковых гор (*Порбахтар таг*) до заболоченной долины озера Ошколь (*Ос колъ*), где находится пункт Секта. Петроглифическое искусство размещено по каменистым выступам хребта Арга с западной стороны, вблизи старой дороги к Черному озеру через деревню Талкино, на высоте до 40 м от подножия.

Изображения, расположенные в два яруса, в основном отражают временной промежуток четырех археологических культур: гунно-сарматской, таштыкской, ранне-

средневековой Чаа-Тас и незначительных фрагментов этнографического времени. Таким образом, памятник представляет собой четырехслойный палимпсест. Многослойность писаницы создает значительные затруднения в восприятии и понимании ее хронологических наслоений.

Камнеграфический памятник раннего Средневековья имеет прямое отношение к ранней истории кыргызов: самые глубокие слои палимпсеста отражают докыргызский период военизированного таштыкского кочевого этноса. В средних слоях палимпсеста выгравированы изображения фигур в длиннополых мантиях иноземного происхождения — период развитой государственности енисейских кыргызов. Персонажи имеют отношение к западной религиозной традиции Ближнего Востока постгностического времени раннего Средневековья начиная с середины VIII в. Религиозно-историческая культура кыргызов этого периода изучена недостаточно и составляет значительную проблему для науки. Никаких упоминаний о проявлении прозелитарных религий на Енисее или религиозных контактов с соседними странами Центральной Азии на сегодняшний день мы не знаем. Сохранившаяся на уровне реликтового визуального искусства иконография представляет доступный для изучения материал.

Культурно-историческая среда на Енисее. В междуречье двух Июсов, в окружении Ошкольской степи, находилось предполагаемое местонахождение ставки Кыргызской администрации в период VII — первой половины IX в., до 840 г. В этот исторический отрезок времени, как известно, усилившиеся кыргызы выходят на юг за пределы Западного Саяна и хребта Танну-Ола в монгольские степи. Места кочевий и стоянки кагана на Июсах выбраны не случайно: в стратегическом отношении район обусловлен закрытыми ландшафтами в горах хребта Арга. По степным участкам на курганных плитах и скальных плоскостях разбросаны петрографические памятники древности — от ранней бронзы до Средневековья — и этнографического времени.

По результатам многолетней работы в сезоны 2001–2016 гг. задокументировано значительное количество фигуративных воспроизведений религиозного комплекса иноземного происхождения.

Это четыре новых многофигурных композиций с изображением пришельцев:

- комплекс Барстаг — «носители ваджр» (четыре фигуры);
- Барбаковы горы — «сцена с умершим» (две фигуры);
- Кызыл Хая — «праздник Бема» (четыре фигуры);
- Кижиг Чуль — «процессия» (десять фигур).

Вместе с тем по участкам степей Ирбен-чазызы, Оргинек, Ошкольской степи и по сухим поймам рек и озер междуречья Июсов засвидетельствован значительный объем сопутствующего символического искусства в виде культовых знаков: крестов, солярно-лунарных изображений харизматического свойства, удостоверительных тамг, часть которых не местного происхождения, нескольких рунических текстов и т. п. Графическая геральдика этого визуального комплекса, как и другие изображения, по новейшим исследованиям находят некоторые подобия и соответствия петроглифам Гиндукуша южных торговых согдийских направлений в сторону северной Индии. Идеологическая территория, которая находилась под влиянием «пришельцев в мантиях», охватывала пространство междуречья двух рек Июсов в поперечнике 60 км. Часть материала опубли-

кована, часть готовится к печати для повторных публикаций: [Рыбаков, 2009: 355–366; 2013; 2014: 166–170; Rybakov, 2011: 50–61; 2016/17: 32; 2018: 241–253].

Рис. 2. Детский персонаж в обряде посвящения. Ошкольская писаница, верхний ярус (копия Н. Рыбакова)

Предлагаемый памятник (рис. 2) размещен на верхнем ярусе Ошкольской писаницы в иконографической среде, где были воспроизведены в нижнем подслое динамичные фигуры с луками военизированной культуры таштыкского периода I–V вв. н. э. Эта особенность палимпсеста, когда один временной слой наползает на другой, спровоцировала ряд ложных суждений, суть которых в том, что священнослужители и воины с луками таштыкской культуры якобы одновременны. Следуя этому заблуждению, бытовавшему в научном сообществе, статья Отто Менхен-Хельфена не нашла в 1951 г. единомышленников, а утверждаемый им факт манихейства у средневековых кыргызов не был принят.

С первого взгляда сопоставление двух фигур в необычном структурном варианте несет загадку: левая фигура в окружении некой арки, а вторая фрагментарная, такой же величины, устремлена вправо. После продолжительного изучения камнеграфического материала мы понимаем двуфигурную сцену как визуальное запечатленное обрядовое действие неизвестного культа. От изображения правого персонажа сохранилась только верхняя часть головы. Но по пропорциональной величине фрагментарной головы этого персонажа и соразмерности к голове и туловищу фигуры в арке мы можем судить об их возрастной идентичности: это лица подросткового возраста лет десяти или три-

надцати. Пропорциональное соотношение головы к фигуре в целом как 1: 5 характерно для подростка. Левый персонаж в арке наиболее выразителен — он главный герой церемонии. У него большая голова на тонкой шее, лицо скрыто или повернуто к нам затылком, он обращен к нам спиной, одет в длиннополое платье, которое орнаментально декорировано значительным набором украшений. Нижний край платья в виде шлейфа направлен влево. Особо подчеркнем, в изображении персонажа-малолетки не показаны руки — характерный признак для всех изображений енисейских «длиннополых». Сразу отметим, в целом наряд персонажа несет характеристики подобия одеяния священнослужителей, задокументированных доктором И. Р. Аспелиным (см. : [Appelgren-Kivalo, 1931, p. 58, abb. 304–308]). Как заметил в свое время Ал-Бируни: «...они не различаются в отношении слабости и силы, длины и краткости, образа и внешности; они подобны одинаковым светильникам» [Ал-Бируни, 1963: 79]. Однако непокрытая голова персонажа в арке является непонятным явлением и порождает серьезные проблемы толкования мотива в целом.

Арка представляет собой конструкцию, составленную из трех частей: слева высокий шест в виде посоха, справа предмет, напоминающий секиру, сверху поперек в виде перекладины воспроизведена стрела с наконечником, обращенным влево. На острие стрелы выгравирован знак «круг в круге». Последний, вероятно, тождествен эмблемам в виде «круг в круге» на лбах некоторых фигур в мантиях. В рост фигуры справа располагается топор или секира на длинной ручке. Ручка обернута лентой справа налево и сверху вниз. (Отметим, такой принцип обертывания поручней и рукояток широко распространен в быту и в церемониальной практике тюрков). На голове кудрявые волосы, над ними прядь волос, которая огибает голову от затылка до шеи. Такая прядь волос или коса, закрученная справа налево сверху вниз, характерный признак всех без исключения персонажей-пришельцев. Волосы развеваются, находятся в состоянии трепета и движения слева направо, возможно, под сильным напором ветра. Длиннополый наряд с несколькими поперечными планками в целом имеет тринитарный вариант уровней магического свойства, который подчеркнут рядами украшений или амулетов-эмблем. В верхней части наряда на уровне плеч читаются солярно-лунарные эмблемы. Ниже них на поперечной планке подвешены круглые амулеты на скрученных нитях. На уровне поясницы обозначена широкая планка, по которой нанесены многочисленные вертикальные штрихи. По подолу наряда нанесены зигзагообразные начертания сверху вниз, прореженные вертикальными отрезками. Платье заканчивается откинутым влево шлейфом.

Языческие корни магии и волшебства. Эмблематике природных стихий во всех культурах Востока приписываются функции культово-магического порядка: превентивные амулеты и талисманы имеют охранительные свойства. Следуя тринитарной структуре декорированной мантии, отметим, что нижняя часть наряда свойственна раннеземледельческому комплексу Переднего Востока. Средний уровень изображений констатирует природные стихии кочевнического мира всего пустынного и степного пояса Евразии. Изображения космических стихий верхней части наряда отражают древнейшие представления семитских народов. Астральные культы древности явились главным средоточием мистической маргинальной религии махагистии, распростра-

ненной в языческих халдее-вавилонских святилищах Месопотамии и хараано-иудейских — Палестины. В период Поздней античности гностические мифологемы «диалога с космосом» сопровождают солнечные и лунные культы в синкретических учениях иудею-христианских сектантских объединений. Сектантские верования представляли собой богатые комбинации второстепенных традиций, сплавленных обаянием и надеждой. Начало эпохи синкретизма (II–IV вв.) было связано с продвижением идей в период торговли на Шелковом пути от одного культурного центра к другому. Одной из черт гностического мистицизма является то, что идеи и качества были персонифицированы и выведены в знаковых системах. Гностическая метафора — знак таинства. «Свет и Тьма братья, Они произошли от одной тайны; тело удерживало их, одному знак света, другому знак тьмы» [Дровер, 2002: 258].

Рис. 3. Туркменский мальчик в культовом наряде [Васильева, 2006: 20]

Из этнографических сводок по Средней Азии приводим изображение туркменского мальчика в культовом наряде (рис. 3). Ему от семи до десяти лет. В соответствии возрастных пропорций он близок нашему персонажу в арке. На голове его перья филина, символ небесной харизмы избранных — почетная эмблема, нередко используемого в парадном костюме у тюркских племен Центральной Азии. На платье спереди и на спине множество украшений превентивного назначения, эмблем и оберегов. Они расположены в три ряда. Спереди — на плечах две солярных эмблемы слева и справа, а также другие украшения, не совсем ясные по форме. Ниже на груди от шеи до подола платья свисает ожерелье на шнуре из нескольких круглых медальонов или шаров с бубенцами. На спине, на уровне лопаток, особенно ярко представлены в большом количестве солярно-лунарные эмблемы в четыре горизонтальных ряда. Ниже в районе пояса — на шнурах многочисленные подвески с амулетами разных очертаний. Весь наряд

с превентивными эмблемами, особенно спинка платья, напоминает геральдические украшения шаманистского назначения. В описаниях подобного рода нарядов упоминаются лучок со стрелой — ок-яй на спинках халатов мальчиков до семилетнего возраста у ломутов, текинцев и сарыков [Васильева, 2006: 20].

Во внешнем наряде костюмированных в длиннополые мантии енисейских *elekti*, как было отмечено, наблюдается смешение двух прототипов: во-первых, исходный образ колдуна или шамана — мага-экзорциста языческого уровня центральной вавилонско-семитской традиции, во-вторых, приобретенный внешний образ якобы духоведца-шамана в период длительного проповеднического опыта с привлечением методов и принципов шаманских обрядовых практик автохтонных кочевых обществ Центральной Азии и Саяно-Алтая. Если исходить из контекста их изначального синкретического образа, обусловленного иудеохристианской религиозной природой, которая позволяет их относить к назареем-гностикам, то, вероятно, есть основания искать их корни и заимствования в эзотерических учениях пифагорийцев и неоплатоников, в абсолютном трансцендентализме «несущего» бога Василида, в более ранних формах первого гностика Симона-мага, а также в свидетельствах тайн иудеев, мандеев, ессеев, наасеев, элхасаитов, в астрологическом искусстве персов, в волховании халдеев-астрологов и мидийских магов. Элхасаиты, из культурной среды которых вышел Мани, посвятили себя принципам математики, астрономии, магии, они учили формулам и заклинаниям. Следует добавить, что астрологические модификации гностицизма имеют египетское и арабское происхождение. Сохранились имена халдеев-астрологов: Манилий, Юлий Фирмика, Павий, Дионис Петавий [Schaff, Кн. 4: 46–47].

Однако, как подчеркивает Ипполит в своем труде «*Philosophumena*», языческие корни античной магии прежде всего имеют истоки в искусстве древних египтян, ассирийцев, и финикийцев. По словам Плиния, «происхождение магии приписывается Зороастру, и однажды разработано, оно сделало быстрый прогресс: в него входят три системы: искусство медицины, религия, гадание. Это соответствует разделению магии гностика Гриппы, на — естественное, небесное, церемониальное (суеверное)» [Schaff, Кн. IV. Гл. XLII: 71]. Эти раннеантичные и античные гностические религиозные убеждения и разрозненные идеи, со слов Иренея, «все вместе восходят к языческим мистериям и философии». Различные школы, которые существовали одновременно друг с другом, оттачивали свою аргументацию во взаимной полемике, а их идеи и доктринальные убеждения основывались на творениях первых апологетов. А накоплению все новых и новых теорий мистических традиций, как результат, сопутствовали доктринальные разногласия в сопровождающей их мифологии истории. Например, иудейская секта ессеев Кумрана противопоставила себя официальному иудаизму, но в целом являлась образцом иудейского гностицизма. По словам Иренея, все гностики — язычники: каждая школа гностиков называет себя по имени древнего отца-основателя, сохраняя традиции и преемственность («Против ересей»). Как известно, какая-то доля языческих митраистских культов представлена в магических гностических текстах, которые были включены в манихейскую доктрину, например — Царь Мрака. Предшественник его (библейско-месопотамский субстрат) — образ Эона — Иалдаваофа — Архонта [Смагина, 1995: 56].

Кыргызско-манихейские (раннехристианские) контакты и их особенности в VIII–X вв.

Что касается енисейских священнослужителей, то их образ свидетельствует о том, что магический набор атрибутов их костюма, их идеи и содержательные формы проповеднической практики развивались в том же русле Античного Востока. Но, как было подмечено выше, зиндики, так их называли арабы, в период их движения на восток (VI–VII вв.) попали в среду тюркских племен согдийско-семиреченских государств, а в последующем — кочевых народностей Джунгарии, Алтая и монгольских степей. Как следствие, меняя территории своей проповеднической деятельности, они обновляли свой поведенческий комплекс, нормативные правила и, в каком-то смысле, — обрядовую практику. Согласно меткому замечанию S. Lieu, «манихеи изменчивы, как хамелеон, настолько же и приспособляемы», гибкость и восприимчивость к местным традициям содействовали их выживаемости [Lieu, 1998: 55].

Приведем историческую справку этого периода, используя материалы А. Берзина: «После заключения союза между тибетцами и западными тюрками, тюрки утвердили тюргешей, одно из своих племен, в качестве правителей северо-западной части Туркестана» [Берзин, 1996]. Родина тюргешей — окрестности Суяб. Тюргеша, как и карлуки, поддерживали дружеские отношения с енисейскими киргизами на уровне обменом посольств и взаимных дипломатических брачных миссий друг к другу.

Не менее важно то, что мы можем проследить историческую судьбу буддизма в этот период: последователи учения Будды то укреплялись в том или ином месте, то изгонялись вновь. Буддисты и манихеи, по сути, проходили теми же путями, иногда совместно, иногда врозь, но известно, что их догматы сововлекались на исторической арене Центральной Азии. Как принято сегодня считать, их проповедь «следовала» по торговым артериям Центральной Азии, центральными пунктами которых считаются города Согдианы. Коммуникационный трафик по направлению в Китай пополняли инородцы — персы, согдийцы, уйгуры. Согдийские купцы, а среди них были манихеи-торговцы, несториане и зороастрийцы, доходили до границ с Индией (южное направление), это район старой Гандхары, современного Гилгит-Балтистана. В пункте Шатъял района Чиласа обнаружена эпитафия, среди которой наблюдаются посетительские надписи, знаки-тамги, молитвы на согдийском, санскрите, тюркском и других языках. Кроме того, петроглифы охото-промыслового содержания в долине Spiti района Zhang-Zhung в Западном Тибете включают буддийские и другие инородные обозначения, которые имеют отношение к согдийскому исходу. Петроглифические комплексы Шатъяля и долины Spiti согласно новейшим исследованиям трактуются как южный торговый плацдарм, где встречались пути с севера от Согдианы и с юга из Индии [Antiquities of Zhang Zhung, 2014].

Более того, по новейшим материалам, поперечное ответвление Великого Шелкового пути к кыргызам Енисея и племенам Алтая, так называемый киргизский путь (северное направление?) подтверждается известными археологическими артефактами и новой визуальной документацией. Этот путь со стороны заамударьинских и согдийских областей пролегал на север, через Джунгарию и монгольские степи до Минусинской котловины [Киселев, 1947: 95–96]. Этот транспортный канал был известен со вре-

мен арабской торговли с древними кыргызами [Бутанаев, Худяков, 2000]. Археологические свидетельства подтверждают проникновение сирийцев в конце I тыс. н. э. на земли курыкан Прибайкалья [Окладников, 1976: 36–43]. В районе среднего течения Енисея, в Июсских степях, засвидетельствована эпиграфика — знаки-тамги, изображения верблюдов и повозок, а также другой визуальный инородный материал южного согдийского, семиреченского, арабского окружения. Ошкольская степь может считаться тупиковым торговым плацдармом северного направления, малым фрагментом Великого Шелкового пути.

Забытое, ныне не существующее поселение в районе верховий Ах-Юс в старину называлось Тарча — *tarho-tarsa*, т. е. христианин. Этот пункт исторически связан с рунической надписью Тогазгасской пещеры, открытой краеведом П. С. Проскуряковым. Вопрос христианской проповеди на Енисее неожиданно и недвусмысленно говорит о возможных продвижениях несториан ко двору средневековых кыргызов [Кляшторный, 1959: 162–169; Бутанаев, 2003: 13; Малов, 1952: 67–68; Проскуряков, 1889]. (Исторические факты христианских коммуникаций на Енисей готовятся к печати). В 45–50 км ниже по течению Ах-Юс в глубине Ошкольской степи разбросаны первые графические находки, обнаруженные в XIX в. финской экспедицией. (Отрезок нижнего течения Ах-Юс в районе старого пункта Поросенов с глубокой древности считается наиболее подходящим местом для переправ через реку как гужевых повозок, так и караванов с поклажей. Выше и ниже этого участка бассейн реки сильно заболочен). Эти иконографические, топонимические и географические данные фактически формируют наши представления о том, что в глубине Июсских степей в период усиления кыргызской государственности происходили многоуровневые идеологические коммуникации.

По А. Берзину [1996], в 708 г. принц тюркских шахов Назартаг-хан после изгнания Омейядов из Бактрии устанавливает там буддийский закон. В 715 г. Омейяды разрушили монастырь Нава Вихара в Балхе, после чего буддисты бежали в Хотан. В 720 г. антибуддийские сторонники императора династии Тан, свергнув местного царя Хотана, изгоняют из Хотана буддистов, которые направляются в Тибет. Но в 739 г. монахи вновь были изгнаны из Тибета и ушли в Гандхару (к северу от Udyana-Swat). После 755 г. бонцы изгоняют буддистов из Тибета.

Тюрки в период династии Вэй (386–535) впервые знакомятся с буддизмом северо-западной формы. Туркестанская южная форма буддизма — тохаро-хотанская. Тапар-каган (572–579) — правитель Восточно-Тюркского каганата — в свое время выбрал смесь индийской, северо-китайской и тохарийско-хотанской форм буддизма, включив в нее некоторые черты христианства и тенгрианства.

При императоре Сасанидов Хосрове I (530–578) начались гонения на манихеев, которые были изгнаны в оазисы Восточного Туркестана. Первые переводы манихейских текстов на согдийский язык были осуществлены манихейским миссионером Мара Шаг Ормиздом (умер в 600 г.). Возможно, тохарийские буддисты Турфана в этот период были вдохновлены контактами с согдийцами-манихеями. С этого момента манихейские миссионеры отвергли свои сирийский и персидский языки, заменили их на сог-

дийский. До семидесятых годов VI в. буддизм в этом регионе был наиболее влиятельной религией, а до середины VII в. в согдийском историческом окружении манихейство не было принято. Свидетельства о первых манихейских миссионерах появились в Китае со второй половины VI в., в 674 г. Примерно в 680-е гг. Тоньюкук убедил кагана второго Восточного тюркского каганата оставить буддизм и вернуться к культовым практикам тенгрианства и тюркской традиции шаманизма. В буддизме, как оказалось, не было опоры для военных и политических целей. Тюркам и другим поздним тюркским и монгольским народам религия была нужна в первую очередь как высшая сила, поэтому они выбрали традиционную религию — шаманизм. Правитель уйгуров Бегю-каган в 744 г. разгромил восточных тюрок, унаследовал роль защитника священной горы — Отукен.

Согдийское сообщество купцов состояло как из буддистов, так и из манихеев. Вероятно, намного раньше времени официальной даты утверждения манихейства в государстве уйгуров при Бегю-кагане согдийцы уже занимались торговлей в городах уйгуров. В 713 г. Тоньюкук убедил кагана Капагана (692–716) выдворить сообщество купцов согдийцев и манихеев из Монголии и отдать предпочтение тенгрианству как государственной религии. В 732 г. император Поднебесной Сюань-Цзян запретил манихейство в Китае. В результате переворота в государстве уйгуров в 780 г. Альп Кутлуг (780–790) убил Бегю-кагана за его расточительность в поддержке религии Света. Альп Кутлуг обращается с просьбой к несторианскому патриарху Тимофею (780–819) основать в его владениях несторианскую метрополию. Однако в 795 г. манихейство вновь было восстановлено.

Несомненно, согдийские торговцы повлияли на выбор уйгурами контроля над Великим Шелковым путем: торговлю на туркестанских дорогах вели согдийцы, ханьцы, тибетцы, участвовали в ней и уйгуры. Таким образом, на протяжении нескольких столетий тюрки меняли свою веру — шаманизм — на буддизм, а затем опять вернулись к шаманизму. А уйгуры соответственно — с шаманизма на буддизм, а затем на манихейство. Однако с начала IX в. допустимые приоритеты получает буддизм, в то время как манихейские культы принимают затухающие формы. В период правления тибетского властителя Ра-па-сан (817–838) согласно тибетскому тексту с упоминанием высокопоставленного лица (Науан) сказано: «уйгуры обратились к буддизму, порицая необходимость в манихействе» [Gabain, 1954: 172]. Пестрый перечень фактов сводится к тому, что новые религиозные идеи менялись, совмещались в поле гибридных взаимовлияний.

Такой замес синкретических воззрений был характерным признаком в буддизме, но более всего — в манихействе. Это можно показать на примере исторического пути буддизма в Центральной Азии, его доктринальных сближений с манихейством. Буддизм подготовил появление манихейства в Центральной Азии, а затем и в Китае, снабдив его в первую очередь готовым терминологическим инструментарием [Алексанян, 2008: 119].

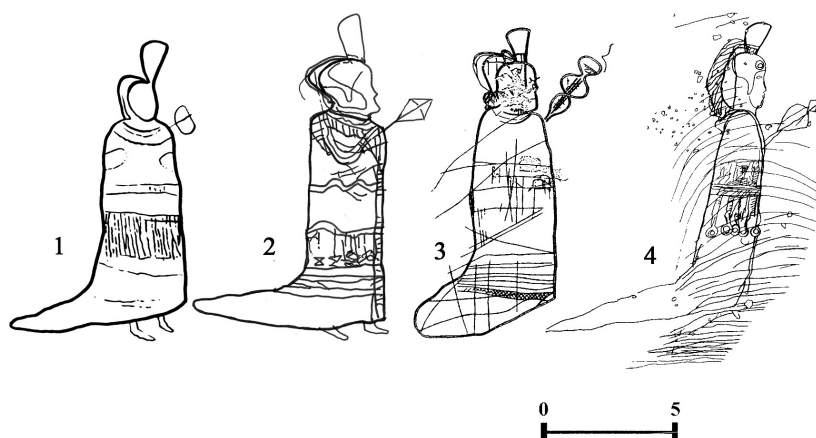

Рис. 4. Ошкольская писаница. Фигура с ваджрой.

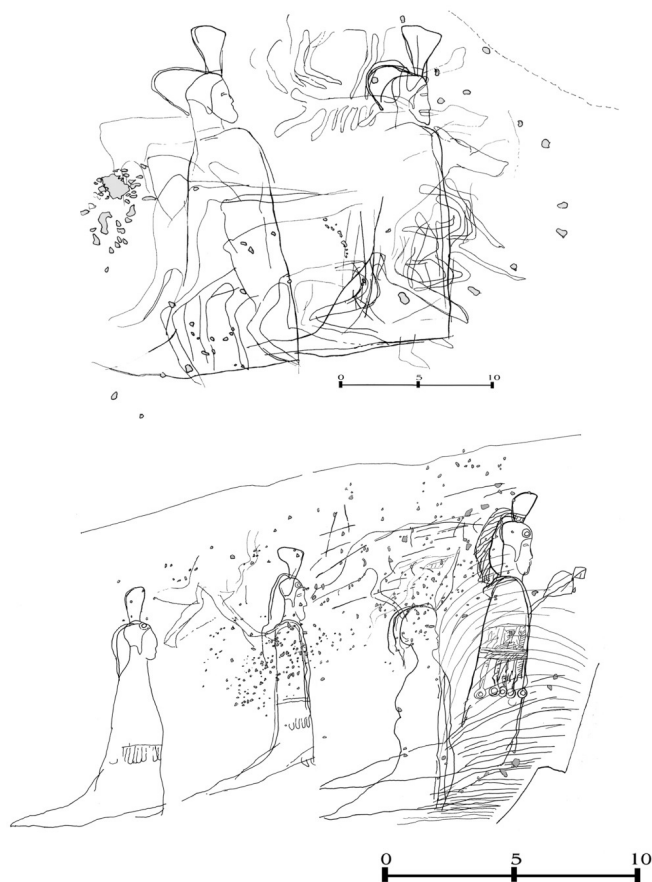

Рис. 5. Персонаж (Маудгальяяна) с трехсоставной ваджрой
[Appel-gren-Kivalo, 1931, P. 58, abb. 304–308]

Глубокий синкретизм применительно к енисейским зиндикам-манихеям дал им дополнительную возможность унаследовать от монашеского буддизма важнейший атрибут последних — ваджру. Приобретение ваджры, вероятно, уникальный енисейский случай заимствования манихеями буддийских вещественных символов. По новейшим исследованиям, енисейский лидер несет образ Маудгальяны [Appelgren-Kivalo, 1931: 58, abb. 304–308; Рыбаков, 2013: 148]. Этот персонаж воспроизведен на плите (Подкамень). В 1979 г. членами экспедиции Л. Р. Кызласова плита была отправлена в Эрмитаж на хранение. Автор осматривал плиту. Копия с нее, выполненная Отто Аппельгрэн-Кивало (Alpelgren-Kivalo), достоверно правдива. Как известно, сохранили свои культуры в согдийском пространстве только христиане несторианского толка. В этом существенное отличие христианских диаспор от манихеев-буддийских.

Таким образом, сложный состав политических событий и фактов, в череде которых наблюдались гонения последователей прозелитарных религий, накладывает окраску на их непрочную историческую последовательность, именуемую нами «фактором выживания». Этот поведенческий феномен сопровождал манихеев, христиан и буддистов на всем пути их следования от согдийских и туркестанских культурных центров в места кочевых обществ Саяно-Алтая. В зависимости от обстоятельств места и времени эти группировки должны были принимать новые решения и способы сохранения своих жизней и проповеднических правил. Более подробно особенности распространения прозелитарных религий у кочевников Саяно-Алтая, а также государственная религиозная политика в кочевых империях эпохи Средневековья рассмотрены в отдельных работах ученых (см. : [Дашковский, 2011; 2014; 2015; 2019; Худяков, 2019] и др.).

В качестве предположения отметим, что в наряде енисейских священнослужителей, кроме изначальных форм центральной традиции, просматривается средний южнотуркестанский этнографический слой религиозно-мифологического компонента. (Этот аспект может быть частью традиции сходства и подобия). Однако допустимые факты в этом контексте приводятся в материалах Х. Хоффмана. Ученый утверждает, что на раннесредневековых территориях, таких как Udyana (Swat) современного Гилгит-Балтистана (северный Пакистан), в свое время было много манихеев [Hoffman, 1986: 159]. В китайских хроникальных записях упоминается «Страна женщин-варваров». Мужчины этой страны, выступая в качестве послов, носили медальоны и бусы и напоминали традиционные изображения ботхисаттв [Alimov, 2009: 185]. Известно, что учитель Падмасамбхава, яркая фигура культовой истории Тибета, был выходцем из (Udyana-Swat). Он принес синкретические новации (762 г.), и в его бытность тибетский Двор познакомился с манихейством [Uray, 1983: 400]. Эти районы были связаны с южными согдийскими торговыми артериями, пролегающими через Гиндукуш до Ладакха и Индии.

В отношении источников заимствований «нарядов и внешности» не следует оставлять без внимания более ранние дописьменные культуры Срединной и Центральной Азии. Намного древнее наряда буддийских ботхисаттв задокументированы одежды культового характера в артефактах карасукской и татарской (скифской) культур. Уникальный палеоэтнографический источник представляют карасукские нагрудники, держащие медные подвески, бусы, скобочки и тагарские сакральные бронзовые изде-

лия: нагрудные диски, оленные бляхи. Они украшали одежду служителей культа [Вадцкая, 1996: 46–49]. Генезис нагрудных атрибутов служителей культа окуневской, карасукской, тагарской культур выявляет связь между ними и приобретает, в допустимой мере, аналогии с параллельными этнографическими модификациями культовой одежды последующего времени.

Здесь следует особо отметить, что, приспособляясь к новым приоритетным условиям тюркских племен и государств, манихеи неизбежно меняли «одежды», но не настолько, чтобы упразднить изначальный характер, предписанный доктринальными нормами вавилонского исхода. Все сказанное, согласно идее гностической системы Гриппы гностика, характеризует магический наряд синкретиков, как — естественное, небесное, церемониально-суеверное [Schaff, Кн. IV: 71]. А в другом сообщении с добавлением магических соответствий, приписанных Зороастру: искусство медицины (естественное), религия (небесное), гадание и чародейство (церемониально-обрядовое). Все эти тройные отпечатки языческих мистерий и философии запечатлены в образе енисейских иноверцев, особенно — «носителей ваджр», представителей раннего прихода середины VIII в. (Учение пока неизвестного лидера, представителя гностической философии, под знаменем которого произошло движение проповедников «носителей ваджр» не входит в данный материал). Разного рода подвески на длинных шнурах, обереги-амулеты и солярно-лунарные эмблемы визуально определяются по своему месту на длиннополых мантиях енисейских пришельцев. Образ мага-экзорциста пришельцев, сформированный как внешне, так и по существу идей и содержанию обрядовых практик, о чем будем говорить на примере «обрядов перехода» (см. ниже), сближается по образу и подобию с нарядом и его оформлением традиционного служителя культа Юга Сибири, специалиста в области магии и культовой практики — сибирского шамана. Вот как должен выглядеть наряд шамана по поверьям и сказаниям племен Северной Монголии: «шаманский плащ, обшитый подвесками из змей или шнуров, символизирующих громовника». Лентами — *ягама* обвешивались онгоны северного Алтая [Потанин, 1882: 289]. Любопытно, что венгерский ученый Энгри так интерпретировал енисейских *elekti* как духоведцев в шаманских костюмах наподобие птиц [Erdy, 1996: 45–95].

Енисейское (тюркское) манихейство

Таким образом, если наши исследования верны, то енисейские синкретики (рабочее название) вышли из одного язычества и пришли к другому язычеству. Иноверцам пришлось мимикрировать, чтобы стать «своими», вынужденно изменяя свои прагматические обрядовые формы вместе с символикой на существенные новации в той и другой сфере деятельности. Последнее отражено в большей мере в многочисленных эпиграфических памятниках междуречья рек Июсов, частично опубликовано, но требует пересмотра и дополнения [Рыбаков, 2014: 166; Rybakov, 2018: 241–53].

Метод сохранения изначальных поведенческих норм и правил вытекает из целей и задач настоящего исследования. О синкретиках, представителях западной культуры, можно сказать следующее: их верования были одними, а внешнее проявление — другим. «Днем они мусульмане, ночью — манихеи». В китайской манихейской истории, в период позднего существования манихеев, сообщается: «днем они преследуют даос-

ские практики, ночью — манихейские таинства» [Overmyer D. L., 1976]. Дискуссии манихеев с буддистами в Центральной Азии параллельны явлению западных манихеев, полемизирующих с христианами. Одна из скрытых манихейских общин продержалась в Александрии до IV столетия [Helwig Schmidt-Guntzer, 1983: 79].

Кыргызы лояльно относились к новым религиозным веяниям, особенно в период и после их военной экспансии за «камень» с середины IX в. (840 г.) и до последней четверти X в., когда каган вернулся из Кемиджкента на север — на Июсы, в свои прежние угодья [Кляшторный, Савинов, 2005: 264]. Какой же веры придерживались кыргызы в это историческое время?

Следует посмотреть на те религиозные представления, которым следовали тюркские племена Саяно-Алтая. На примере верований кунов, кимаков, кыпчаков периода их ранних восточно-евразийских кочевий IX–X вв., мы имеем некоторую информацию. Куны и каи подверглись сильному давлению со стороны Северного Китая и Монголии, будучи под влиянием киданей. Куны какое-то время, с точки зрения Марвици, придерживались несторианской веры [Sharaf al-Zaman, 1942]. Ал-Идриси сообщает, что среди племен кимаков были *majusi* (маги — зороастрийцы или маги язычники). Он также говорит, что наблюдались *zanadiga* — зиндики-манихеи, неверные [Abu al-Idrisi, 1970–1984: 718–719]. Но вместе с тем к кимакам могли проникать веяния от уйгуров в их имперский период (744–840 гг.): часть кимаков была под влиянием несторианства, но в целом они оставались приверженцами тенгрианства и древних верований, связанных с шаманизмом [Кумекоев, 1972: 109–112]. Касательно кыпчаков, то известия об их верованиях ненамного отличаются от кимакских. Кыпчаки были идолопоклонниками и многобожниками, а также следовали старым верованиям и обрядам (шаманизм) [Ahmad Ibn Arabsah, 1986: 135]. Другой арабский комментатор говорит о верованиях тюрок: среди них есть те, кто поклоняется звездам, те, кто поклоняется огню, христиане, манихеи (*manawiyye*), дуалисты (*tanawiyya*), те, кто следует колдовству (*sihr*) [Zakariya al-Qazwini, 1960: 515]. (Уместно сравнить в контексте сказанного, насколько такие понятия, как колдун, маг, экзорцист, священнослужитель, определяются в образах енисейских персонажей-синкретиков. Если даже это и так, то на самом деле все не так просто).

Во всех известных нам источниках красной линией проходит утверждение, что кыргызы в период активной фазы государственности (IX–X вв.) сохраняли духоведческие культы, и в последующем эти культы не менялись. Слово «кам» приводится в хрониках Тан-шу в рассказе о кыргызах. По религии киргизы были, несомненно, шаманистами, и к этой религии относятся слова Абу Дулефа (X в.) «о молитвах и мерной речи» [Бартольд, 1963: 496]. Мухаммад Ибн Мерверруди сообщает: «У кыргызов была письменность: они знали тайны волшебства и небесных светил». Кыргызы — последователи культа неба, духов гор, земли и воздуха; в их верованиях отмечалась идеологическая легитимизация властных полномочий кагана. Не все современные исследователи соглашались с мнением о вероятности манихейской проповеди в кыргызском государстве [Караев, 1968: 96]. Вместе с тем есть упоминания о возможном следовании части кыргызов христианству [Бартольд, 1964: 286–277; Никитин, 1984: 127–128; Кляшторный, 1959: 162–169].

Иконография инородного происхождения в Июсских степях говорит о многослойном замесе верований среди кыргызов, а главнейшим из них является манихейский синкретизм. На какой-то период интересы верховной администрации енисейских кыргызов и пришельцев — представителей религии Света — нашли боговдохновенные сближения. Некоторые принципы кыргызской администрации этого периода напоминают методы проб и ошибок в моменты выбора предпочтений той или иной религии, представители которых, как мы наблюдаем, попеременно предлагали свои проповеднические услуги.

По нашему мнению, в VIII–IX вв. синкретические группировки манихейского верования, преследуя идею сотериологического исцеления и волшебного очарования, проявили свои проповеднические интересы, внедряясь в культурную среду кыргызов. Российский ученый Л. Р. Кызласов еще в 1970-е гг. утверждал о принятии манихейства кыргызами в результате уйгурского влияния. Он считает, что в середине IX в. часть знати приняла манихейство. Вместе с тем ученый подчеркивал, что «манихейство не пустило глубоких корней ни в Хакасско-Минусинской котловине, ни в Туве. Преобладающая часть простых людей по-прежнему оставалась верной шаманизму, и постепенно уже, видимо, к середине X века манихейские проповедники в бассейне Енисея окончательно уступают место шаманам» [Кызласов, 1969: 128].

После многолетнего изучения этого явления мы можем дать краткий комментарий по этому вопросу. Енисейская форма манихейства имеет ряд особенностей. Она не являлась всеобщим этнокультурным явлением для всего народа Кыргызского каганата, а была временным идеологическим событием в узком окружении степных территорий междуречья двух Июсов, в которых локализовались кочевья кагана и членов его административного аппарата. Также стоит добавить, что, как и у всех тюркских народов, верования кыргызов могли быть многослойными, но нестабильными при выборе той или иной религии. Территориальный центр распространения этой синкретической многомерной религии обозначается окружением все лишь не более 60-ти км в поперечнике. Другое дело, что косвенное влияние этой веры могло быть значительно шире. Такова зона фактического расширения согласно эпиграфическим, символическим и фигуративным источникам визуального комплекса Июсских степей. Например, такой геральдический знак, как «кыргызско-манихейский крест», если судить по местонахождению его 14 экземпляров, разбросанных в междуречье двух Июсов, был сформирован в этом же окружении и больше нигде себя не обнаруживает. Однако производные варианты кыргызско-манихейского креста широко представлены в символическом фонде культового искусства Центральной Азии [Рыбаков, 2015: 121–128]. Например, главная составляющая креста «тамга первой группы» (тамга кыргызской знати) протянулась с севера на юг, по линии направления кыргызской экспансии за «камень» от Ошкольской степи до верхних территорий монгольских степей [Кызласов, 1960: 117]. Енисейское манихейство представляет собой движение, отражающее фрагментарные передвижения мелких группировок со стороны древнетюркской, уйгуро-тюркской и согдийско-семиреченской исторических территорий. Но уйгуро-тюркский канал последовательно зависел от исторических событий удаленного экспорта в результате притеснений со стороны Китая и стран мусульманского мира Цен-

тральной Азии. В простом определении мы можем назвать иноверцев манихеями, инкорпорировавшими буддизм, изначальной основой которых являлось иудео-христианское происхождение, однако со значительными оговорками. Буддийский слой в относительном сближении с манихейским последовательно отражает космологические представления небесной топографии sakra и противостоит нижней — земной. Середина отводится посредствующей роли, характерной для комплекса шаманских представлений. Как принято считать, в период укрепления государственности оформляется институт вождества и военно-аристократического аппарата, требовавший новых форм религиозной системы, которая бы удовлетворяла запросы киргизского двора. Существенные новации в социально-культурной сфере кыргызов в значительной степени приобретали новые тенденции в период расширения кыргизской экспансии на юг, за пределы их енисейских кочевий.

В новых условиях при кыргизском дворе в пределах Ошкольской степи иноверцы, проповедующие иную религию, должны были вести дружбу с местными служителями культа. Эта дружба носила весьма временный характер. Известно, что черные шаманы предпочитали, согласно своей религиозной системе, единоличные культовые действия и не допускали на свои родовые территории других практикующих духоведцев. Между соперниками нередко возникали распри и неприятия. (В этой связи распространенный среди современных исследователей термин, определяющий место шамана при тюркских дворах как члена «элиты», выглядит неубедительно и требует корректировки).

Шаманские воззрения включали широкий мифоритуальный пласт: табуирование, магия, тотемы, культ предков и формирование семейно-общинных институтов в кочевых обществах и концепции государственного устройства. Что касается «концепции государственного устройства» у кыргызов Енисея через посредство шаманских волшебных обрядов, то она не совсем устойчива: насколько она имела допуски совершенства или ограничений, до конца не изучено, как видно из следующего ниже материала.

Вот что говорит по вопросу влияния шаманизма, в отношении кыпчаков, на то или иное государственное устройство в кочевых обществах П. В. Голден: «Новая религия (монотеистическая) могла функционировать в качестве объединяющей силы, средства идеологического дистанцирования, символа независимости, и все это помогало процессу формирования государства. Кыпчакам недоставало государственности, но поскольку им нечасто угрожали соседние оседлые государства, они оказались мало расположенными к созданию собственного государства и ограничились лишь случайным и эпизодическим знакомством с окружавшими их универсальными, мировыми религиями. В Степи массовое приобщение к монотеистическим религиям требовало государственности и поддерживаемой государством программы. Шаманизм, доминирующая религиозная ориентация кыпчаков до XIV в., как было показано выше, несовместим с централизованным государством [Hamayon R., 1994: 76–77, 83–84, 88]. Шаманизм никогда не был государственной религией. Это не означает, что шаманистские элементы не могут существовать в централизованном государстве; они часто присутствуют, но обычно ассимилированы в официальную государственную религию. Шаманизм может также стать опорой сопротивления государственной централизации. Он может задержать процесс государственного формирования. Но как только этот про-

цесс начинает идти полным ходом, шаманизм, который не обладает ни организованной церковью, ни письменно оформленной доктриной, неизбежно угасает и трансформируется. Обращение к универсальной монотеистической религии в Степи (кыпчаки) не было предпосылкой формирования государства» [Голден, 2008].

Маловероятно, что шаманизм средневековых кыргызов мог быть государственной религией, он не предлагал универсальных догм и не был оформлен письменной доктриной. Шаманизм набирал централизованную силу тогда, когда в результате тех или иных исторических событий, или бедствий государство ослабевало, испытывая в нем поддержку. Вместе с тем представители шаманства кыштымов, лесных охотников и звероловов, в частности Кузнецкого Алатау, под духоведческой властью которых находились вассальные рода кыргызов, не был равен шаманам кыргызов-скотоводов и аристократии центральных степных территорий государства. (В столь узком изложении мы ограничены исследовательскими рамками). Однако не здесь ли кроется ключ к вопросу сововлечений, или неприятий, или отторжений между шаманизмом и новациями иноземной религии, в частности — манихейством, когда члены двух сторон оказывались одновременно при одном и том же дворе?

Мы не знаем, какие формы сосуществования при администрации кыргызского кагана были сформированы между духоведцами и иноверцами-синкретиками, ясно одно: эти отношения были непростыми. (Есть подозрение, что именно фактор «неприятия» повлиял на глубокие разногласия между двух сторон, и в конце концов религия Света среди кыргызов была отторгнута). Известно, что нередко при центрах государств Центральной Азии и тюркских администрациях устраивались своего рода состязания-диспуты между соперничающими сторонами. Классический пример дебатов на Тибете при императоре Khri-srong Lde-brtsan, которые происходили во второй половине VIII в. между противоборствующими сторонами Падмасамбхавой и Шантаракшитой, с одной стороны, и жрецами религии бон — с другой. Согласно сирийским источникам тюркский народ (эфталиты?) перешел в несторианское христианство около 644 г., когда несторианский митрополит сумел предотвратить бурю, вызванную владеющими искусством Яда-таш шаманами (П. Б. Голден со ссылкой на: [DeWeese D., 1994]). Похожие действия соперничества происходили и у древних уйгуров.

Дипломатическая орбита манихеев должна была обладать механизмом секретных ходов, чтобы не навлечь противостояний главного соперника, шамана. Как видно из сказанного выше, шаман — ненадежный элемент в делах государственности. Однако цели и задачи енисейских синкретиков сводились к следующему: как можно плодотворнее идентифицировать манихейскую идею в местную религиозную среду, используя метод замещения магистральной религиозной веры (шаманства) повсеместно, как было предписано апостолом Мани изначально.

Но если говорить о временных сближениях двух религий, то, вероятно, доктринальный мистицизм манихейской религии нашел отклик в мистицизме и волшебстве местных духоведцев. (Этот аспект требует более глубокого исследования). Та часть манихейских диаспор, которая занималась торговлей и проповедью, создавала себе в некотором значении доходную жизнь из народного суеверия. Способность к процессу инкорпорации восточного манихейства в буддизм, сововлеченность с шаманизмом в свое время

открыли им большую дорогу в культурную среду кочевнических обществ Центральной Азии. Не исключено, что они обладали знаниями местных обычаев и обрядов, вероятно, владели тюркским языком. Если даже манихеи отчасти дегенерировали в своей изначальной традиции, они могли, согласно своей тонкой дипломатии, создавать видимость, «совершенствуясь» в местных верованиях тюркских народов. Поэтому «шаманистская ориентация» манихее-буддийских енисейских группировок в целом принципиально сопряжена с понятийным вопросом особенностей енисейского феномена.

Итак, синкретический религиозно-исторический субстрат определяет новое религиозное явление, которое характеризуется многомерным сововлечением и определяет главным образом три слоя: буддийский, манихейский (иудеохристианский), шаманистский. Каждый из них требует пояснения.

Первый — гностико-магический монашеский буддизм ваджраяны с примесью ламаизма, с включением черт христианства и шаманизма-тенгрианства.

Второй — манихейский (иудеохристианский), с признаками неутраченной ортодоксальности в лице «носителей ваджр», последовательно отраженный по обстоятельствам вынужденных перемещений смены мест пребывания. Вместе с тем значительный эмиграционный приток единоверцев был получен со стороны южного направления — древнетюркский, тюркско-уйгурский. Приток с западного направления — поздний (люди в белых одеждах), согдийско-семиреченский, манихейский в завершающей стадии, деградированный, утративший в определенной мере доктринальные положения. Маздеистский компонент изначальной традиции туманно просматривается, но пока не был в стадии изучения.

Третий — шаманистский, который инкорпорировал в себя широкую вариативность архетипов древнейших культур начиная с эпохи энеолита и бронзы: переднеазиатской, харрано-халдейской, скифской, хунно-сарматской и древнетюркской. Более того, ранние языческие мифопоэтические комплексы Тибета, Индии, Китая также повлияли на культовые системы центральноазиатского и южносибирского средневекового шаманизма.

Манихейское синкретическое учение явилось временным модным увлечением среди знати кыргызского двора: администраторов, высших чинов военной аристократии, предводителей, министров, секретарей, чиновников, управленцев, сборщиков налогов. Так, члены кыргызской элиты прописаны в китайских хрониках [Малов, 1952: 54, 63]. Возможно, некоторые роды кыргызов спорадически приняли новую веру. Вместе с тем есть основания считать, что буддийский экспорт на Енисей в фрагментарных формах имел место, судя по значительному объему накопленных артефактов [Арсланов, Кляшторный, 1973: 315; Нечаева, 1966: 129]. В меньшей степени на поздний период существования Кыргызского каганата, вероятно, приходится попытка христианской (несторианской) веры, но пока убедительно не подтвержденной [Кычанов, 1978: 83].

Начало и протяженность времени манихейской проповеди на Енисее на сегодняшний день имеют дискуссионно-полемический характер. Допустимые временные мерки примерно такие: середина VIII — первая половина IX в. (носители ваджр); конец VIII — середина X в. (люди в белых одеждах). Косвенные свидетельства о том, что кыргызский двор в период конца VIII–XII вв. был знаком с миссионерами-хри-

стианами, входит дополнительным информационным компонентом к сказанному выше, но он только предполагается как возможный, находится в начальной стадии изучения. Подчеркнем, середина VIII в. — исторически обусловленный период сложения кыргызской государственности, как подготовительный этап к стадии могущества Кыргызского каганата.

По мере изучения пиктографических памятников Июсских степей выявлены два типа изображений иноверцев: первый — «носители ваджр», представители раннего прихода, из среды которых происходит наш иницируемый персонаж (собственно этому типу синкретиков посвящена статья). Представители группировок «носителей ваджр», как правило, одеты в пестрые, полосатые или цветные одежды со всем перечисленным выше набором ожерельев, амулетов и других украшений, с буддийским жезлом на короткой ручке, под мышкой, с левой стороны. Лидером их буддийского компонента является святой Маудгальяна [Рыбаков, 2013, 2014а, 2014б, 2015, Rybakov, 2018], а изначальный «западный» лидер их сектантского направления пока от нас скрыт, однако его место гипотетически угадывается в гностических религиозно-мифологических пластах иудеохристианских сектантских объединений древнего сиропалестинского ареала.

Синкретики раннего прихода — не чистые манихеи, они отпрыски потерянных поколений манихеев на артериях Великого Шелкового пути. Неизвестно, где и при каких исторических обстоятельствах они инкорпорировали монашеский буддизм (никаких сведений об этих синкретиках-манихеях мы не знаем: фрагменты уйгурской манихейской истории ничего не сообщают о манихеях, наряд которых был бы дополнен ваджрой на короткой ручке). «Носители ваджр» не утратили в обрядовой практике и внешности следов язычества центральной вавилоно-месопотамской традиции. Особо подчеркиваем: их внешность отвечает намерениям свободного доступа к мистериальным культам автохтонных кочевых обществ, которые следовали шаманизму и тенгрианству. Это обстоятельство формирует сближение образа мага, чародея-экзорциста с образом представителя сибирского шаманства.

Второй тип изображений более поздний. О них упоминается в арабских хрониках как о «людях в белых одеждах» (конец VIII–X или XI вв.). «Носящие белые одежды» — сирийский эпитет. Об этих манихеях-синкретиках обновленного типа, сбросивших «языческие одежды», мы знаем больше. Это время дипломатических брачных отношений между енисейскими кыргызами и тюрками Семиречья и Таласа — тюргешами и карлуками [Rybakov, 2018: 241–253], сведения о которых дошли до нас в кратких упоминаниях китайских и арабских хроник. Тюркское племя чигилей, вероятно, приняло манихейство на короткий период. Есть некоторые сообщения о попытке фрагментарной прозелитарной религии при Дворе кимаков (столица Имакия на Иртыше) [Арсланов, Кляшторный, 1973: 315]. По этому случаю, авторами оговаривается, речь идет о влиянии не манихейской, а буддийской миссии. Тюргеша и карлуки лояльно относились к религии Света, как и уйгуры и тибетцы: в административных центрах последних наблюдались следы деятельности представителей манихейской религии [Uray, 1983: 400]. Люди в белых одеждах упоминаются многократно в период халифа аль-Мансура (754–775) династии Аббасидов. При дворе Аббасидов идеи манихейства привлекали многих чиновников, которые создавали исламские течения, объединив манихейство с шиизмом.

Первый тип манихеев — «носители ваджр», второй тип — «одетые в белые одежды», тот и другой близкородственны по характеру нарядов, в частности — они все длинно-волосы с косой-пряждю на голове (по предположению Кирилла Глас длинные волосы пришельцев сближают их с назореями, сектой иудеохристианского происхождения Палестины). Таким образом, исходную традицию тех и других можно считать близкой по природе и происхождению. Но по мере изучения становится ясно, что дистанция между приходом первых и их внучатых единоверцев составляет примерно 50–60 лет. Поведенческий монашеский комплекс «носителей ваджр» последовательно формирует их предполагаемый исход периода середины VIII в. со стороны буддийских центров Туркестана или Согдианы или, как вариант, Китая. Китайский вариант исхода мог иметь только отраженный характер, где манихеи надолго не задерживались.

Однако существует противоположный факт: по каким-то причинам в 733 г. Тоньюкук убедил кагана Капагана (692–716) выдворить согдийских купцов и манихеев из Монголии и отдать предпочтение тенгрианству. В 732 г. император Сюань-Цзянь запретил манихейство в Китае. Как мы знаем, в зиму 710–711 гг. отряд Тоньюкука нанес поражение кыргызам. После смерти Бильге-кагана и непродолжительных царствований его сыновей в 741 г. начался распад Тюркского каната. А в 759 г. уйгурский правитель Элтмиш Бильге-каган (747–759) вторгается в земли кыргызского государства. Отметим, исторические события до случая похода уйгуров на север, за хребет Танну-Ола (759) и после этой даты можно считать началом коммуникативных движений проповедников «носителей ваджр» на Енисей. Поразительно то, что в древнетюркский исторический период в след за любой военной экспансией в ту или другую страну, как по проторенной тропе, приходили иноверцы. Такой способ вхождения иноземных религиозных новаций наблюдался и в других государствах. Ученые полагают, что тюрки в силу своей полиэтничности лояльно относились к религиозникам-чужеземцам, они не преграждали им путь.

Влияние тюрков отразилось в идеологии кыргызов, в частности, в обожествлении государственной власти и власти кагана. «Небесный эль» — божественное государство. «Божественному государству польза моя: девять вражеских мужей я умертвил», — говорил герой надписи Кызыл-Чира [Малов, 1952: 11]. Характер религиозных исканий этого времени остается не совсем ясным [Худяков, 1987: 65–75]. Но следует отметить, что VIII в. не был таким глухим и замкнутым для кыргызского государства. Это время отмечено рядом активных сношений китайского двора с Енисеем. Арабские караваны раз в три года приходили на Енисей. Но примечательно то, что, несмотря на торговые сношения с буддистами (тибетцами) и мусульманами, нет никаких известий о каком-либо успехе среди кыргызов буддийской, манихейской или мусульманской «пропаганды» [Бартольд, 1963: 496]. И только к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и более широких слоев населения получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, «не вытеснил местных шаманских культов» [Кляшторный, 1959: 167]. В этом контексте любопытно мнение о берестяных тибетских грамотах из Саглынской долины, которое сводится к тому, что эти артефакты свидетельствуют о знакомстве кыргызов с распространенной в Тибете практикой отпугивания злых духов [Во-

робьева-Десятовская, 1980: 131]. Возможна мистическая аргументация обряда посвящения «отпугивание злых сил».

Отметим общие характеристики местных народов, родов и племен, которые с древности следовали шаманизму. Какие местные формы шаманизма были известны манихеям по пути следования на Енисей? Были ли они действительно известны им? Синкретики, появившись в районе Июско-Чулымской котловины, пытались контактировать не только с представителями администрации кыргызов, но, согласно проповедническому установлению Мани, что «его учения — для всех», были намерены распространять свою религию повсеместно, включая близлежащие территории, в данном случае, заселенные племенами малых народов горно-таежной зоны склонов хребта Арга и Кузнецкого Алатау. В государстве кыргызов такие народности назывались кыштымами, кестим, туфань (кит. данниками); они, как правило, занимались охотой и звероловством.

Все эти народности исконно были шаманистами. «Народ будун» именовался в рунических текстах Саяно-Алтая как подвластный кыргызам [Бичурин, 1950: 354]. Среди местных племен были кеты, рыболовы и охотники, которые не знали в то время оседлости, жили в своих ладьях по рекам Ах-Юс, Хара-Юс, Сарала-Юс и их притокам. Кеты занимались промыслом в горно-таежных районах верховий перечисленных рек, также по трем рекам Терся (выдряные реки), которые берут начало в горах Алатау, но имеют направление в противоположную сторону и впадают в Томь. На альпийских лугах горных вершин находились их родовые святилища. В истоках рек добывали белку, выдру, соболя, а также крупных промысловых животных (северный олень, медведь, рысь, россомаха).

Топонимика кетских и самодийских названий рек и урочищ, включая географический комплекс гор между истоками западных склонов Алатау

Севернее территории этих народов, на границе с необитаемыми странами, находилась область кыргызов: на востоке проживал народ кури, а на западе — кестим. Кестим «поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Их речь ближе к халлухской, а по одежде они напоминают кимаков» [Материалы..., 1973: 42]. После военных экспансий на Енисей в первой половине VIII в. и завоевательных походов древних тюрков в Минусинскую котловину (710–711 гг.) и уйгуров (756 г.) на немногочисленные племена, такие как кеты и самодийцы, было оказано давление, захват их родовых территорий, что спровоцировало отток этих племен на север Енисея и в верховья Чулыма [Дульзон, 1964: 247–257]. Названия рек вокруг Кузнецкого Алатау образованы от слов *сес*, *зес*, *сам*, *тет*, *дат*, *шет*, *чет*, которые в разных диалектах кетов имеют значение «река». Примерами являются многочисленные западносибирские гидронимы Айзас, Толзес, Алсат, Итат, Айдат, Бакчет, Тайшет и др. [Дульзон, 1964: 247–257]. Ареалы енисейских топонимов и гидронимов выявлены А. П. Дульзоном на значительной территории Сибири и даже в Северо-Восточном Сибиряке [Дульзон, 1962: 50–84]. Естественно, они отмечены на территории проживания южных родственников кетов — коттов, аринцев и байкотовцев. Блок топонимов, оканчивающихся на *-ас*, можем пополнить таким как Избас (в сводках А. П. Дульзона и В. Я. Бутанаева перевода термина не найдено). По одной из версий, название альпийских высот хребта Кузнецкого Алатау со стороны мест пребывания кыргызов (50 км западнее Ошкольской сте-

пи) переводится как «из следа в след». Полагаем, этот весьма оправдывающий себя термин имеет значение охотничье-промысловой ориентации в переложении на кыштымский вариант древних охотников группы древних кето-байкотовцев. Весь этот этно-географический набор сведений как пример мог быть использован манихейским пытливым умом в определенный момент их проповеднических правил и успешных действий в деле закрепления своих идей среди местного населения. Манихеи были способны подробно изучать особенности местных культур и пользовались языком местного населения, чтобы вести диалог и не казаться чужаками.

Прокомментируем особенности языческих культов народностей, исторически населявших географические пространства по направлениям Великого Шелкового пути и сугубо енисейского направления, так называемого пушного пути, или киргизской дороги, со стороны Джунгарии на Енисей [Берштам, 1952]. Подчеркнем, что согласно современным исследованиям в VIII–IX вв. в Тянь-Шань-Алтайском регионе появились новые общности азов, тухси, яма, родственные племенам чигилей, кыргызов. В последующем эти близкородственные объединения, кроме енисейских кыргызов, составили Караханидский каганат [Мокеев, 1991]. Саяно-алтайская ветвь тюрков и тюргешская генеалогически близки азам-тюргешам (Тюргешский визуальный фактор в эпиграфическом комплексе Июских степей пока не изучен, но он просматривается). Кыргызы Енисея поддерживали дружеские отношения с карлуками Семиречья, последние были выходцами из монгольских степей [Абдуманов, 2002: 153–157]. Тюркский этнос Юга Сибири, Алтая, Монголии, Хангая, Джунгарии, Семиречья и Таласа чрезвычайно многолик: в период раннего Средневековья на этих территориях проживали многочисленные родоплеменные объединения, кочевые общества, существовали государства. В основном две универсальные мировоззренческие системы — своего рода натурфилософия: шаманизм и тенгрианство — на протяжении многих столетий и до начала XX в. были распространены среди народов Центральной Азии и Юга Сибири. Устройство мира представлялось создателям рунических Орхонских памятников (надписи в честь Кюльтегина и Бильге-кагана: КТб, 1; БК, 2–3) предельно простым: голубой свод неба прикрывает обитаемый мир, т. е. бурую землю. Этим понятиям следовали народы монгольских степей, Алтая и Юга Сибири. Знания о многоуровневом небесном пространстве и многослойной земле, которыми владели представители шаманства Енисея, передавалось им от первопредков, предков-шаманов, богов-предков и родоначальников. Маг-шаман был медиатором между небесным и земным, привлекая духов-помощников. Такие воззрения характерны для многих народностей Санно-Алтая, таких как маты, саянцы, тубинцы, багасары, кызыльцы, бельтиры, азы-качинцы, аринцы, урянхай-сойоты, тофалары. Отдаленные народности, которые по историческим свидетельствам могли передавать или получать свои религиозно-мифологические потоки, испытывали их влияние. Это кеты — на севере, алтайские племена теленгиты, кумандинцы, шорцы — на западе и татары-шивэй, орочены, курыканы — на востоке и др. Кеты когда-то имели свои родовые участки по именам своих предков в проточных подтаежных створах рек в верховьях Ах-Юса и Хара-Юса, Сара-Юса, Юс-ик и Печище, но им приходилось делить эти земли с шорцами и самодийскими родами. В пространствах этих ландшафтов, занятых кыргызами в VIII в., появились цивилизованные проповедники с запада.

Синкретики рассчитывали на распространение зоны влияния своей религии среди тюркских государств, верховий Енисея, кыргызов и окружающих их племен и народов, кыштымов. Мани, снователь религии Света, говорил: «Тот, кто имеет свой храм на Западе, он и его паства никогда не достигнут Востока. Тот, кто выбрал себе паству на Востоке, никогда не достигнет Запада. Но моя надежда заключается в том, что мое учение пойдет и на Запад, пойдет и на Восток. И все услышат голос его посланцев на всех языках».

Все эти народности и племена следовали шаманистской вере с разницей только в изложениях мифологических модуляций, знаковых систем и именах богов — теонии. Благодаря обменной торговле они соприкасались друг с другом, оберегая свои местно-укорененные воззрения от начала веков. Но по тем или другим историческим обстоятельствам, особенно, когда стала внедряться тенгрианско-буддийская символика в их кочевническую культуру, обозначился переход с конечной фазы их ранних архаических форм религии (тотемизм, анимизм, магия и др.) родоплеменного периода на культы новых синкретических влияний. Вместе с тем магистральная идеология (шаманизм) сохранялась в плоть до начала XX в. В горно-таежную культуру насельников Саяно-Алтая и окружающего степного пояса проникали фрагментарные импульсы других западных и южных религий, таких как тибетский буддизм (тантра), христианство (несторианство), многослойное синкретическое манихейство. Сирийцы, часть которых следовала манихейству, в конце I тыс. н. э. основали свои фактории на землях курыкан в Прибайкалье [Окладников, 1976: 36–43]. В VIII в. в населенных пунктах государства древних уйгуров появились торговые точки согдийских торговцев [Берштам, 1952]. Прозелитарные религии, буддизм и манихейство, учитывая устаревшие идеологические парадигмы, осваивали богатство местной культуры и языка, разрабатывали и предлагали свои методы проповеди: обновленную теонию, знаковые системы, обрядовую практику.

(Продолжение во второй части).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдуманатов Р. К вопросу происхождения кыргызского племени азык // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 153–157.

Ал-Бируни А. Собрание сведений для познания драгоценностей. Минералогия / пер. А. М. Беленицкого. М. : АН СССР, 1963. 521 с.

Алексян А. Г. Манихейство в Китае (опыт историко-философского исследования). М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2008. 164 с.

Арсланов Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М. : Наука, 1973. С. 306–315.

Бартольд В. В. Торговые сношения с Восточным Туркестаном и Согдианой (в эпоху чаа-гас) / Институт Востоковедения РАН. Л., 1963.

Берзин А. Историческое взаимодействие буддийской и исламской культур до возникновения Монгольской империи. 1996. URL: www.berzinarchives.com/web/x/nav/group.html_1232962266.html.

Берштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА 26 / Ин-т истории материальной культуры, Ленинградское отд. М. ; Л., 1952. 346 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 354 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. 260 с.

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. 372 с.

Вадецкая Э. Б. Атрибуты служителей культа по древним погребениям Енисея // Priesthood And Shamanism in the Scythian Period. The Materials of International conference. St.-Petersburg, 1996. Pp. 46–49.

Васильева Г. П. Магическая роль украшений и некоторых видов одежды в представлениях туркмен // Среднеазиатский этнографический сборник / Институт Миклухо-Маклая. РАН. Вып. 5. Новосибирск : Наука, 2006. С. 20–33.

Воробьева-Десятковская М. Н. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока. Вып. 22. М., 1980. С. 124–131.

Голден П. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 6: Золотоордынское время. Донецк : Донецкий национальный ун-т, 2008. 513 с.

Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015. 224 с.

Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

Дашковский П. К. Отечественная историческая наука о религиях и государственной религиозной политике у кочевых народов Саяно-Алтая и сопредельных регионов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 246 с.

Дашковский П. К. Распространение прозелитарных религий у тюркоязычных кочевников в Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: монография / под ред. П. К. Дашковского. Т. I: Поздняя древность — начало XX в. Барнаул, 2014. С. 37–46.

Дровер Е. С. Сокрытый Адам // Мандеи: история, литература, религия / пер. Н. Н. Каменской. СПб. : Летний сад, 2002. 398 с.

Дульзон А. П. Бывшие поселения кетов. По топонимическим данным // Вопросы географии. Вып. 58. М., 1962. С. 54.

Дульзон А. П. Очерки по грамматике кетского языка. Томск, 1964. 247с.

Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968. 102 с.

Катанов Н. Ф. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в «Образцах народной литературы тюркских племен», собранных В. В. Радловым. СПб., 1888. 84 с.

Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894. 34 с.

Килуновская М. Е. Наскальные изображения как элемент религиозно-мифологических представлений ранних кочевников // *Priesthood And Shamanism in the Scythian Period. The Materials of International conference. St.-Petersburg. 1996. Pp. 149–153.*

Киселев С. В. Из истории торговли енисейских кыргызов // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XVI. М. ; Л., 1947. С. 95–96.*

Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // *Проблемы востоковедения. Вып. 5. 1959. С. 162–169.*

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический фак-т СПб ГУ, 2005. 346 с.

Кумекоев Б. Е. Государство кимаков X–XI вв. по арабским источникам / АН КазССР, ИН-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата : Наука, 1972. С. 109–112.

Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // *Советская археология. 1960. № 3. С. 93–120.*

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во Московского ун-та, 1969. 212 с.

Кычанов Е. И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // *Филология и история. Л., 1978. С. 83.*

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М. ; Л., 1952. 116 с. *Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. : Наука: Восточная литература, 1973.*

Мокеев А. М. Этнокультурные связи кыргызов с карлуками в IX–X вв. Бишкек, 1991. 131 с.

Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // *Труды Тувинской экспедиции АН. ТТКАЭЭ. М. ; Л., 1966. Т. II.*

Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // *Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. С. 121–137.*

Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // *История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 36–43.*

Проскураков П. С. Отчет о предварительных исследованиях Июских пещер // *Известия ВСО РГО. Иркутск, 1889. Т. 20.*

Рыбаков Н. И. Материалы чужеродной религиозной традиции в иконографии Июских степей // *НОМО EURASICUS у врат искусства : сб. научных трудов / отв. ред. Е. А. Окладникова. СПб. : Астерион, 2009. С. 355–366.*

Рыбаков Н. И. Бодхисаттва Маудгальяяна в Июских петроглифах // *Древности Сибири и Центральной Азии: сб. научных трудов / под ред. В. И. Соенова. Вып. 5 (17). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2013. С. 148–149.*

Рыбаков Н. И. Ошкольское дерево и корень зла // *Религии в истории народов России и Центральной Азии : материалы II Межд. конф. Барнаул, 2014а. С. 166–170.*

Рыбаков Н. И. Мировое дерево и его варианты в Июских петроглифах // *Ancient Cultures of Mongolia and Baikalian Siberian. V International conference Kyzyl, 15–19 of September, 2014b, V. 2. С. 70–74.*

Рыбаков Н. И. Кыргызско-манихейский крест // Эпиграфика Востока / Институт Востоковедения РАН. Т. XXXI. 2015. С. 121–128.

Смагина Е. Б. Евангелие египтян — памятник мифологического гностицизма: вступительная статья, перевод с коптского и комментарии // Вестник древней истории. 1995. № 4.

Худяков Ю. С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX — начало XX вв. Новосибирск : Наука, 1987. С. 65–75.

Худяков Ю. С. Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в период раннего и развитого Средневековья // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 127–143.

Abu Abdullah al-Idrīsī, 1970–1984. Kitāb Nuzhat al-Muštāq fī Ixtirāq al-Āfāq/ eds. A. Bombaci et al. Naples; Leiden; Rome. Pp. 718–719.

Ahmad Ibn 'Arabšāh, 1986. 'Ajā'ib al-Maqdūr fī Nawā'ib Tīmūr/ ed. A. F. Ĥimṣī. Beirut, 135 p.

Antigaities of Zhang Zhung: A Comprehensive Inventory of Pre-Buddhist Sites on the Tibetan Upland, Residential Monuments, vl. I. Miscellanea Series — 28. 2014. Pp. 304–308.

Alpengren-Kivalo, Alt-Altäische Kunstdenkmäler — Helsingfors, 1931. P. 58, abb. 304–308.

Vadetskaia E. B. Atributy sluzhitelei kul'ta po drevnim pogrebeniiam Eniseia [Attributes of Ministers of worship on ancient burials of the Yenisei]. *Priesthood And Shamanism in the Scythian Period* [Priesthood And Shamanism in the Scythian Period]. St.-Petersburg, 1996. Pp. 46–49.

Vasil'eva G. P. Magicheskaia rol' ukrashenii i nekotorykh vidov odezhdy v predstavleniiakh turkmen [The Magical role of jewelry and some types of clothing in the representations of Turkmens] *Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik* / Institut Miklukho-Maklaia. RAN [The Central Asian ethnographic collection of the Institute of Miklukho-Maclay. RAS]. Vyp. 5. Novosibirsk: Nauka, 2006. S. 20–33.

Vorob'eva-Desiatovskaia M. N. Fragmentsy tibetskikh rukopisei na bereste iz Tuvy [Fragments of Tibetan manuscripts on birch bark from Tuva]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Vyp. 22. M., 1980. S. 124–131.

Erdy M., Manichaens, nestorians or bird costumed humans in their relations to hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei // *Eurasia Studies Yearbook*. 1996. Vol. 68.

Gabain von A. Buddhistische Turkenmission // *Asiatica Festschrift Friedrich Weller, zum 65. Geburtstag*. Leipzig, 1954. Pp. 166, 172.

Hamayon Roberte, Shamanism in Siberia: From Partnership in Supernature to Counter Power in Society in Shamanism. History and the State. Paris, Gallimard. 1994. Pp. 78–85.

Helwig Schmidt-Glintzer, Das buddhistisch Dewand des Manichaismus // *Sinkretism* — Bonn. 1983. P. 79.

Lieu S. N. C. Manichaeism in Central Asia and China // *Naghammadi and Manichaeism Studies* // Brill — Leiden. Boston-Koln. 1998. P. 55.

Overmeyer D. L., Folk Buddhism Religions: Dissentine Sects in late Traditional China. London. Cambridge, 1976. 295 p.

Rybakov Nikolay. Materials of Yenisei Manicheism // CHRONICA XI. Fourth International Conference on Medieval history of the Eurasian steppe. (januar 25–30. 2010, Cairo). University of Szeged. Hungary, 2011. Pp. 50–61.

Rybakov Nikolay. Ikonographis documents of the syncretic religion on the Yniseu VIII–IX. // Manichaeic Studies News 31. 2016/17. News Bulletin // IAMS ed. Gunner Mikkelsen. 2017. P. 32.

Rybakov Nikolay, The Map of the Manichean. Routes in Central Asia: South-Nort. // CHRONICA XVIII. Medieval Nomads — Sixth International Conference on The Medieval History of The Eurasian Steppe. (November 23–25. 2016). University of Szeged. Hungary. 2018. Pp. 241–253.

Schaff P., Hippolitus, Refutatio omnium haeresium. Ed. M. Markovich. Berlin: De Gruyter, 1986; P. Wondland (GCS 26), Leipzig, 1916.

Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India, 1942/ ed. and trans. by V. F. Minorsky. London.

Uray Geza, Tibet's Connections with Nestorianism and Manicheism in the 8th-10th Centuries // Contributions on Tibetan Language, History and Culture. Vol. I. Wien: 1983. C. 400.

Zakariyā al-Qazwīnī, Atār al-Bilād. Beirut, 1960. 515 p.

REFERENS

Abdumanapov R. K voprosu proiskhozhdeniia kyrgyzskogo plemeni azyk [On the origin of the Kyrgyz Azyk tribe]. *Aktual'nye problemy istorii Saiano-Altaiia i sopredel'nykh territorii*. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2002. S. 153–157.

Abu Abdullah al-Idrīsī, 1970–1984. Kitāb Nuzhat al-Muštāq fī Ixtirāq al-Āfāq/ eds. A. Bombaci et al. Naples; Leiden; Rome. pp. 718–719.

Ahmad Ibn «Arabšāh, 1986. 'Ajā'ib al-Maqdūr fī Nawā'ib Timūr / ed. A. F. Ĥimšī. Beirut, 1986.

Antigaities of Zhang Zhung: A Comprehensive Inventory of Pre-Buddhist Sites on the Tibetan Upland, Residential Monuments, vl. I. Miscellanea Series — 28. 2014, Pp. 304–308.

Alpengren-Kivalo, Alt-Altische Kunstdenkmaeler. Helsingfors, 1931. P. 58, abb. 304–308.

Al-Biruni A. Sobranie svedeniia dlia poznaniia dragotsennostei. Mineralogiia [Collection of information for the knowledge of jewelry. Mineralogy] / per. A. M. Belenitskogo. M.: AN SSSR, 1963. 521 s.

Aleksanian A. G. Manikheistvo v Kitae (opyt istoriko-filosofskogo issledovaniia) [Manichaeism in China (experience of historical and philosophical research)]. M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2008. 164 s.

Alimov L. A. Les zapisei. Kitaiskie avtorskie sborniki X–XIII vv. v ocherkakh i perevodakh []. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2009. 912 s.

Arslanov F. Kh., Kliashtornyi S. G. Runicheskaia nadpis' na zerkale iz verkhnego Priirtys'h'ia [Runic inscription on a mirror from the upper Irtysh region]. *Tiurkologicheskii sbornik 1972*. M.: Nauka, 1973. S. 306–315.

Bartol'd V. V. Torgovye snosheniia s Vostochnym Turkestanom i Sogdianoi (v epokhu chaa-tas) [Trade relations with East Turkestan and Sogdiana (in the Chaa-TAS era)]. L.: Institut Vostokovedeniia RAN, 1963.

Berzin A. Istoricheskoe vzaimodeistvie buddiiskoi i islamskoi kul'tur do vozniknoveniia Mongol'skoi imperii [Historical interaction of Buddhist and Islamic cultures before the Mongol Empire] 1996. URL: www.berzinarchives.com/web/x/nav/group.html_1232962266.html

Bershtam A. N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian' — Shania i Pamiro-Alaia [Historical and archaeological essays of the Central Tien Shan and Pamir-Alai]. Материалы и исследования по археологии. 26. М.; L: In-t istorii material'noi kul'tury, Leningradskoe otd., 1952. 346 s.

Bichurin N. Ia. Sobranie svedenii o narodakh obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography]. М.; L-d: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. S. 354.

Butanaev V. Ia. Burkhanizm tiurkov Saiano-Altai [Burkhanism Turks of Sayano-Altai]. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2003. 260 s.

Butanaev V. Ia., Khudiakov Iu. S. Istoriia eniseiskikh kyrgyzov [History of the Yenisei Kyrgyz]. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im N. F. Katanova, 2000. 372 s.

Dashkovskiy P. K. Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noi Azii [Kyrgyz in the Altai in the context of ethno-cultural processes in Central Asia]. Barnaul, 2015. 224 s.

Dashkovskiy P. K. Mirovozzrenie kochevnikov Saiano-Altai i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennye issledovaniia) [Worldview of nomads of the Sayano-Altai and adjacent territories of late antiquity and early middle ages (Russian historiography and modern research)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011. 244 s.

Dashkovskiy P. K. Otechestvennaia istoricheskaiia nauka o religiiakh i gosudarstvennoi religioznoi politike u kochevykh narodov Saiano-Altai i sopredel'nykh regionov [Russian historical science of religions and state religious policy among the nomadic peoples of the Sayano-Altai and neighboring regions]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2019. 246 s.

Dashkovskii P. K. Rasprostranenie prozelitarnykh religii u tiurkoiazychnykh kochevnikov v Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia [Distribution of proselytic religions among Turkic-speaking nomads in southern Siberia and Central Asia in the middle ages]. *Religioznyi landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: monografiia / pod red. P. K. Dashkovskogo. T. I. Pozdniaia drevnost' — nachalo XX v.* Barnaul, 2014. S. 37–46.

Drover E. S. Sokrytyi Adam [Hidden Adam]. *Mandai: istoriia, literatura, religiia / per. N. N. Kamenskoi.* SPb.: Letnii sad, 2002. 398 s.

Dul'zon A. P. Byvshie poseleniia ketov. Po toponimicheskim dannym [Former settlements of Ketov. By toponymic data. Questions of geography]. *Voprosy geografii.* 58. М., 1962. S. 54.

Dul'zon A. P. Ocherki po grammatike ketskogo iazyka [Essays on the grammar of the ket language]. Tomsk, 1964. S. 247.

Erdy M. Manichaens, nestorians or bird costumed humans in their relations tu hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei. *Eurasia Studies Yearbook.* 1996. Vol. 68.

Gabain von A. Buddhistische Turkenmission. *Asiatica Festschrift Friedrich Weller.* Zum 65. Geburtstag. Leipzig. 1954. Pp. 166,172.

Golden P. *Religiia kypchakov srednevekovoi Evrazii. Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ia*. T. 6: Zolotoordynskoe vremia. Donetsk: Donetskii natsional'nyi un-t, 2008. 513 s.

Hamayon Roberte. *Shamanism in Siberia: From Partnership in Supernature to Counter Power in Society in Shamanism. History and the State*. Paris, Gallimard. 1994. Pp. 78–85.

Helwig Schmidt-Glintzer, *Das buddhistisch Dewand des Manichaismus // Sinkretism* — Bonn, 1983. P. 79.

Hoffmann Helmut, *Tibet a Handbook*. Indiana University Oriental Series. Volum 5. Bloomington, Indiana: 1986. p.159.

Kiselev S. V. *Iz istorii torgovli eniseiskikh kyrgyzov* [From the history of trade of the Yenisei Kyrgyz]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*. M.; L.: 1947. Vyp. XVI. S. 95–96.

Kliashturnyi S. G. *Istoriki-kul'turnoe znachenie Sudzhinskoi nadpisi* [Historians and cultural importance Aginskoi labels]. *Problemy Vostokovedeniia*. Vyp. 5. 1959. S. 162–169.

Kliashturnyi S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. SPb.: Filologicheskii fak-t SPb GU, 2005. 346 s.

Kumekov B. E. *Gosudarstvo kimakov X–XI vv. po arabskim istochnikam* [State of the Kimaks of the X–XI centuries according to Arabic sources]. Alma-Ata: Nauka, 1972. S. 109–112.

Kyzlasov L. R. *Novaia datirovka pamiatnikov eniseiskoi pis'mennosti // Sovetskaia arkhologiiia* [New Dating of monuments of the Yenisei script // Soviet archaeology]. 1960. № 3. S. 93–120.

Kyzlasov L. R. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the middle ages]. I.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1969. 212 s.

Kychanov E. I. *Siriiskoe nestorianstvo v Kitae i Tsentral'noi Azii* [The Syrian Nestorian Christianity in China and Central Asia]. *Filologiiia i istoriia* [Philology and history]. L., 1978. S. 83.

Lieu S. N. C., *Manichaeism in Central Asia and China. Naghammadi and Manichaeian Studies*. Brill — Leiden. Boston-Koln. 1998. P. 55.

Malov S. E. *Eniseiskaia pis'mennost' tiurkov. Teksty i perevody* [Yenisei writing of the Turks. Texts and translations]. M.; L.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSr., 1952. 116 s.

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. M.: Nauka: Vostochnaia literatura, 1973.

Mokeyev A. M. *Etnokul'turnye sviazi kyrgyzov s karlukami v IX–X vv* [Ethnocultural relationships of the Kyrgyz with the Qarluqs in the IX–X centurie]. Bishkek. 1991. 131 s.

Nechaeva L. G. *Pogrebeniia s truposozhzheniem mogil'nika Tora-Tal-Arty* [Burials with a corpse-burning burial ground of Tora-Tal-Arty]. *Trudy Tuvinskoi ekspeditsii AN. TTKAE* [Proceedings Tuva expedition an. TTKAE]. M.: L., 1966, T. II. S.

Proskuriakov P. S. *Otchet o predvaritel'nykh issledovaniiax Iiusskikh peshcher* [Report on preliminary research of the July caves]. *Izvestiia VSO RGO* [Izvestiya VSO RGO]. Irkutsk, 1889. T. 20.

Potanin G. N. *Gromovnik po pover'iam plemen Iuzhnoi Sibiri i Severnoi Mongolii* [// Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniia. Piatoe desiatiletie. Chast' CCXIX. SPb., Izd-vo "Balasheva". 1882. 101s.

Okladnikov A. P. Novye dannye po istorii Pribaikal'ia v tiurkskoe vremia [New data on the history of the Baikal region in the Turkic period]. *Istoriia i kul'tura Buriatii* [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude, 1976. S. 36–43.

Overmeyer D. L., Folk Buddhism Religions: Dissentine Sects in late Traditional China. London. Cambridge, 1976. 295 p.

Rybakov N. I. Materialy chuzherodnoi religioznoi traditsii v ikonografii Iusskikh stepei [Materials of alien religious tradition in the iconography of The July steppes]. *HOMO EURASICUS u vrat iskusstva: sb. nauchnykh trudov* [HOMO EURASICUS at the gates of art: collection of scientific works]. SPb.: Asterion, 2009. S. 355–366.

Rybakov N. I. Materials of Yenisei Manicheism [Maudgalyayana bodhisattva in the July petroglyphs]. *CHRONICA XI. Fourth International Conference on Medieval history of the Eurasian steppe. (januar 25–30. 2010, Cairo)* [Antiquities of Siberia and Central Asia: collection of scientific works]. University of Szeged. Hungary, 2011. Pp. 50–61.

Rybakov N. I. Bodkhisattva Maudgal'iaiana v Iusskikh petroglifakh [Maudgalyayana bodhisattva in the July petroglyphs]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Vyp. 5 (17) Gorno-Altaiisk: GAGU, 2013. S. 148–149.

Rybakov N. I. Oshkol'skoe derevo i koren' zla [Oshkol tree and the root of evil]. *Religii v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii* [Religions in the history of the peoples of Russia and Central Asia]. Barnaul, 2014a. S. 166–170.

Rybakov N. I. Mirovoe derevo i ego varianty v Iusskikh petroglifakh [The World tree and its variants in the July petroglyphs]. *Ancient Cultures of Mongolia and Baikalian Siberian* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberian]. V International conference Kyzyl, 15–19 of September, 2014b, V. 2. S. 70–74.

Rybakov N. I. Kyrgyzsko-manikheiskii krest [Kyrgyz-Manichaeian cross]. *Epigrafika Vostoka* [Epigraphy of the East]. M.: Institut Vostokovedeniia RAN. 2015. T. XXXI. S. 121–128.

Rybakov Nikolay, Ikonographic documents of the syncretic religion on the Yenisei VIII–IX. *Manichaeian Studies News*. 31. 2016/17. News Bulletin // IAMS ed. Gunner Mikkelsen. 2017. 32 p.

Rybakov Nikolay, The Map of the Manichean. Routes in Central Asia: South-Nort. *CHRONICA XVIII. Medieval Nomads — Sixth International Conference on The Medieval History of The Eurasian Steppe*. (November 23–25. 2016). University of Szeged. Hungary. 1918. Pp. 241–253.

Smagina E. B. Evangelie egiptian — pamiatnik mifologicheskogo gnostitsizma: vstupil'naia stat'ia, perevod s koptsckogo i kommentarii [The gospel of the Egyptians—a monument of mythological Gnosticism: introductory article, translation from Coptic and comments]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of ancient history]. 1995. № 4.

Khudiakov Iu. S. Shamanizm i mirovye religii u kyrgyzov v epokhu srednevekov'ia [Shamanism and world religions among the Kyrgyz in the middle ages]. *Traditsionnye verovaniia i byt narodov Sibiri. XIX — nachalo XX vv.* [Traditional beliefs and life of the peoples of Siberia. XIX — early XX centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 65–75.

Khudyakov Yu. S. Information about the spread of world proselytizing religions and traditional beliefs and funeral rites among the Yenisei Kyrgyz and Kyshtym during the early and developed middle Ages. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. No. 2 (19). Pp. 127–143.

Schaff P., Hippolutus, *Refutatio omnium haeresium*. Ed. M. Markovich. Berlin: De Gruyter, 1986.

Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India / ed. and trans. by V.F. Minorsky. London, 1942.

Uray Geza. Tibet's Connections with Nestorianism and Manicheism in the 8th — 10th Centuries. *Contributions on Tibetan Language, History and Culture*. Vol.1. Wien, 1983. 400 s.

Zakariyā al-Qazwīnī. *Aṭār al-Bilād*. Beirut, 1960.

Цитирование статьи:

Рыбаков Н. И. Назорейский обряд на Енисее. Часть I // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 167–198.

Citation:

Rybakov N. I. The nazarene Rite on the Yenisei. Part I. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 3 (24). P. 167–198.

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г. ISSN 2307-4671

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIH PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WorldCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии;

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. Л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

**ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ***

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван,

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of sciences, Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it

and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.ivanov@mail.ru

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). contact address: i.ivanov@mail.ru

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. После библиографического списка размещается References.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М., 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат или диссертация:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен [Электронный ресурс]. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html) / (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // *Journal of Archaeological Science*. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (на англ. яз.).

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (*Scopus* и *Web of Science*).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите второй вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) Примеры оформления литературы и архивных материалов:

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz» Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисовочные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: Фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2020 № 3 (24)

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 15.09.2020. Дата публикации 21.09.2020
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 16.8. Тираж 300 экз. Заказ 264.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66